

астра нова

Олег Касаткин

ИМПЕРАТОР ГЕОРГИЙ

**ТРИ КНИГИ В ОДНОМ
ТОМЕ**

Мир императора Георгия

Олег Касаткин

Да здравствует Государь!
Три книги в одном томе

«Автор»

2019

Касаткин О.

Да здравствует Государь! Три книги в одном томе /
О. Касаткин — «Автор», 2019 — (Мир императора Георгия)

Великий князь Георгий Александрович не собирался становиться императором и даже не задумывался о престоле. Но история сделала внезапный поворот – и вот царь Александр III погиб – да и сам Георгий едва избежал смерти. И теперь ему на себе предстоит узнать – насколько тяжел царский венец – и как воистину неподъемно бремя власти. А еще – попытаться свернуть тысячелетнюю державу с гибельного пути. Но сколько же предстоит сделать – начиная от развития флота и внедрения бездымного пороха и заканчивая... Да нет – царские дела не заканчиваются никогда – разве только со смертью...

© Касаткин О., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Том I	5
Нечто вроде вступления	6
Пролог	7
Часть первая	13
Часть вторая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Олег Касаткин

Да здравствует Государь!

Три книги в одном томе

Том I

Трон на крови

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГОСУДАРЬ!»

(Мир императора Георгия)

Первая книга цикла романов в жанре альтернативной истории – если можно сказать «чистой» альтернативой истории – без т. н «попаданцев», хронологических сдвигов и т.п.

Сюжет связан с личностью сына императора Александра III великого князя Георгия Александровича (в реальности умершего от скоротечной формы туберкулеза в 1899 году).

По стилистике представляет собой классический исторический роман в духе В.Балашова, В.С Пикуля, О.Елисеевой, и т. п, а идейно и композиционно – весьма популярный литературный цикл Е. Красницкого «Отрок» (изд-во «Армада-альфа»)

Всего планируется порядка 10 книг.

Нечто вроде вступления

1888 год. Излет респектабельной викторианской эпохи. Общество истово верит в технический прогресс, который непременно принесет всеобщее счастье и благополучие – также как почти сто лет до того оно верило в Свободу, Равенство и Братство.

Железные дороги и заводы возникают там, где прежде были лишь селения бродячих туземцев и дикие дебри. Океаны пересекают исполинские пароходы-левиафаны. Уже изобретены телефон, автомобиль, фонограф и даже предтеча компьютера – электрический вычислитель-табулятор. Правда, журналисты и ученые всерьез полагают, что едва ли не основной проблемой городов XX века станет уборка конского навоза – несложные подсчеты говорили, что уже к середине двадцатых годов следующего столетия Москва и Париж будут завалены им едва ли не на полметра. Научные светила вроде знаменитого математика – профессора Ньюкомба авторитетно заявляют о невозможности полета аппаратов тяжелее воздуха. Но в небесах уже парят первые дирижабли, наполняя оптимизмом сердца энтузиастов покорения воздушного океана. Будущего мирового гиганта – Америку – европейцы все еще воспринимают не всерьез – как живущего на отшибе деревенского кузена – сильного, но неотесанного и недалекого парня. (Хотя в Нью-Йорке и Бостоне уже встали башни небоскребов – иные – полная фантастика – в двадцать этажей!) Войн между цивилизованными нациями больше не будет – тем более что уже есть пулемет – какая может быть война при его наличии?

Медики проповедуют гигиену, опровергая еще недавнее собственное же мнение о вреде слишком частого мытья. При всем этом даже в столице цивилизованного мира – Лондоне, лишь треть домов имеет нормальную канализацию, а труд семи-восьмилетних детей считается почти нормой. А знаменитые лондонские туманы – лишь следствие чудовищного загрязнения воздуха и испарений Темзы куда без всякой очистки сливаются канализационные потоки восьмимиллионного города.

Так или иначе – мир на пороге грандиозных потрясений – хотя еще этого не знает...

Но, пока что он кажется сам себе на редкость прочным и незыблемым: что бы там ни толковали господа вроде Маркса и Лассаля, и сочинители вроде Жюль Верна и Робиды.

И вот в это самое время одна российская семья возвращалась с летнего отдыха в Крыму по железной дороге...

Пролог

*17 октября 1888 года, Харьковская губерния,
местность вблизи станции Борки.*

– Георгий Александрович! Ах ты Христос-Вседержитель! Георгий Александрович! Ваше Высочество – с вами все хорошо? Вы живы?

Молодой человек в морской форме невидящими глазами смотрел на перемазанного грязью и угольной пылью камер-фурьера с разбитым лицом...

Казалось он не слышал обращенных к нему слов – может быть потому что очень громким был лязг железа оседающих покореженных обломков и стоны жертв...

Великий князь попытался прогнать звенящую пустоту из головы («Я кажется ранен... Да... Или просто контузия?»)

Огляделся, стараясь сфокусировать двоящееся в глазах изображение...

Всюду обломки, кровь, мертвые тела и покалеченные...

День был холодным и пасмурным, с мокрым снегом и пронизывающим ветром, как это нередко бывает поздней осенью даже в этих теплых краях. И в эти холодные серые небеса уходил дым от горящих вагонов.

Взгляд великого князя Георгия скользнул вдоль насыпи – наткнувшись на тело старого камер-лакея... Перед внутренним взором возник яркий мгновенный фотоснимок – этот седовласый придворный служитель наливающий сливки в чай отцу за миг до того как все случилось...

Немного дальше бледная от страха бонна – англичанка миссис Франклин держала маленькую девочку – сестру... великую княжну Ольгу, машинально закрывая ей рукой глазки... Еще левее – грудой вывалившиеся из разбитого вдребезги вагона персики, виноград, дыни – все раздавленные и смятые... Эти южные фрукты для царского стола везли из Ливадии... Следующий за ним вагон – тот в котором ехали низшие придворные и буфетная прислуга, был начисто уничтожен.

Причем обломки выглядели так, словно неведомая сила вознесла его в поднебесье швырнула вниз... Зловеще громоздились погнутые оси, обломки вагонов, исковерканные рельсы, расщепленные шпалы. Из этого нагромождения бесформенных обломков вырывались языки пламени, смешанные с клубами черного дыма. То тут то там виднелись лужи крови, оторванные конечности, обезображенные трупы.

Круто вздыбившийся полуразбитый спальный вагон свисал с насыпи...

Чемоданы, картонки, столики и предметы из дорогих сервизов высыпались под откос из раскуроченного тамбура. В грязи валялись предметы роскошного убранства – изящные подсвечники и канделябры, пепельницы, спичечницы... Блестел под осенним солнцем смятый чудовищным ударом умывальник из серебра вылетевший из вагона Императрицы... В глаза бросились валявшиеся в пожухлой траве патентованные французские «увлажняющие аппараты для поддержания определенного уровня влажности» – последнее слово прогресса и комфорта...

Солдаты и железнодорожники складывали в ряд у подножья насыпи изуродованные трупы и еще живых...

Должно быть много людей погибло – но он вот остался цел и можно сказать невредим.

Он пережил неслыханную катастрофу... Пережил! – молодой человек перекрестился.

Как же ему самому удалось спастись? Георгий попытался вспомнить – что собственно случилось?

Обычный пасмурный осенний день за окнами и пронизывающий ветер. Но в вагоне – столовой уютно. Поезд, гремя колёсами на стыках и стрелках, катил в Санкт-Петербург, возвращая царскую семью осле крымского отдыха в столицу. Завтра к вечеру они будут дома... В час дня как было принято в Семье наступило время обеда... Родители и четверо их – старших детей приступили к трапезе в «столовом» вагоне.

Отец сидел во главе стола, слева от него помещалась мама и две ее фрейлины...

Помнится он с Михаилом и Николаем заняли свои места за столом с закусками, с ними сел Оболенский...

Дворецкий принес гурьевскую кашу к общему столу и стал за спиной отца ожидая указаний... Ванновский как раз что-то сказал Посьету...

Потом... поезд вдруг резко и очень сильно качнуло, потом еще раз. Они все потеряли равновесие и попадали на пол. Никто не успел понять, в чем дело, когда буквально через секунду вагон разорвало на куски, словно картонную коробку... В последнюю секунду он еще увидел отца, замершего за узким столом... Потом все рухнуло куда то вниз...

Потом... Нет – ничего не осталось в памяти. Георгий только помнит как очнулся на мокрой земле в стороне от искореженного поезда... Как он сумел выбраться? Или его отбросило от вагона силой взрыва?

Взрыва??! Ярость пополам со слезами залила Георгию глаза... Неужто заговорщикам удалось исполнить свою давнюю мечту? Неужто как и деда?

– Спасен ли Государь?! – выкрикнул он – но голос его звучал не громче шепота...

– Не могу знать! – хрипло ответил стоявший перед ним навтыяжку гоф-фурьер. Матушка ваша, государыня Мария Федоровна жива и почти не пострадала...

«Почти?!»

– Мама, мама, я жива! – послышался детский крик. Обернувшись, Георгий увидел как вырвавшись от гувернантки великая княжна Ольга побежала навстречу высокой женщине в домашнем платье за которой лакей нес на руках девочку в синем костюмчике...

На миг Георгию показалось что сестра Ксения (а это была она) мертва, но великая княжна всхлипнув, вцепилась в отвороты ливреи...

На плечи царицы подоспевший казак накинул чье-то офицерское пальто...

Государыня кивнула с благодарностью в ответ...

А к ней уже спешил солдат ведя за руку плачущего Михаила – чей матросский костюмчик заливала кровь... Георгий ужаснулся – но почти сразу понял что это чужая кровь – от таких ран его брат умер бы на месте...

Да признаться и Мария Федоровна выглядела не лучшим образом. На ходу она придерживала висевшую левую руку, кисть которой приобрела жуткий сине-багровый оттенок.

Георгий увидел разводы наскоро вытертой крови на лице и руках – кровь все еще текла из нескольких глубоких порезов – наверное от осколков стекла...

Почему то самые первые слова сказанные матерью-императрицей не удержались в его памяти – он запомнил только собственное хаотическое мелькание мыслей... И среди них – раз живы мама и младшие брат и сестры – то наверняка ничего плохого не случилось с отцом и Ники!

– Сын мой, – донеслось до него... – Главное ты жив, и все мы остались живы! Это совершенно непостижимо! Это чудо, которое сотворил Наш Господь!

И вновь у Георгия не было сил ответить – хотя губы его шевельнулись что то произнеся...

Убедившись что дети живы и почти в порядке, Мария Федоровна, оставила их одних... Приказав позвать лейб-медика, который – сам помятый и в синяках – растерянно метался между десятками раненных и контуженных, царица взяла спасательные работы в свои руки.

Вместе с лейб-медиком и несколькими лакеями начала энергично действовать – не в пример стонущим и растерянным мужчинам. Мария Федоровна обходила раненых, помогала им, всячески стараясь облегчить их мучения...

Они переходили от одного пострадавшего к другому, помогая встать, утешая, ободряя, бинтуя раненных – в ход пошли простыни скатерти и дорогое белье из разбитых чемоданов и сундуков... Мария Федоровна без всякой жалости расправлялась с любимыми блузками, украшенными тонкой вышивкой придворных мастериц, батистовыми сорочками и нижними юбками, отделанными льежскими кружевами и бинтовала истекающих кровью людей.

Кто-то присоединился к Государыне – но многие просто находились в полной прострации и тупо смотрели на происходящее, оцепенев от всего случившегося. Георгий тоже никак не мог придти в себя, лишь отстраненно фиксируя окружающее...

На глаза попадались то ярко начищенный блестящий ярой медью самовар жалко валявшийся в луже... То флигель-адъютант Шереметев, баюкающий руку с забинтованным раздробленным указательным пальцем – с видом человека получившего без малого смертельную рану. То барон Шернваль сидевший на насыпи – кажется он не понимал что такое с ним произошло... То Ванновский – прижимавший мокрый платок к огромной шишке на лбу, но при этом пытавшийся что-то бодро командовать офицерам...

Впереди вдруг возникла какая – то возня, крики – кто-то жалобно заплакал.

Хмурые солдаты провели крепко взяв под руки барона Таубе – как оказалось – потеряв голову от всего случившегося он бросился бежать в придорожную рощу; и охрана чуть его не убила, приняв за злоумышленника-бомбиста.

Тревожно лая среди раненных и убитых бегала собака – любимый пес Александра III – Камчатка. Она была явно не в себе – хозяина нигде не было и даже запах его не ощущался сквозь гарь и кровь...

Во всём поезде из пятнадцати вагонов, уцелело только пять – остальные были разбиты в хлам... При этом что удивительно – уцелели оба паровоза, и сейчас кочегары и машинисты вместе с очухавшимися солдатами вытаскивали из руин еще недавно бывших императорским поездом людей – чаще живых, иногда недвижимых...

Вот мужчина в придворном мундире... Макушка черепа у него срублена – как верхушка сваренного «в мешочек» и поданного к завтраку яйца. Великий князь явственно различал серую массу в чаше раздробленного черепа. По лицу несчастного текли струйки крови, заливая белые от ужаса и боли глаза.

Немолодой бородатый камер-казак Тихон Сидоров из личной охраны Императрицы – сколько Георгий помнил – он всегда был рядом с августейшей семьей.

Теперь он смят и переломан как кукла попавшая под карету...

Вот молодые егеря отцовской свиты – они умерли сразу – даже наверное не успели ничего почувствовать...

Вот стражник и буфетчик – оба раздавлены – в руках буфетчика так и остался изящный мельхиоровый кофейник...

Георгий вспомнил случайно услышанный разговор этих двух слуг – за час примерно до крушения...

– Экий у нас государь богатырь! – восхищенно говорил охранник. Увидел – аж обмер!

– Дай Бог век ему отмерен дольше батюшки своего невинноубиенного – и деда – Николая Павловича – при таком хорошем царе когда еще поживешь! – поддакнул буфетчик.

...А вот теперь нет ни того ни другого в живых и что с отцом и братом – неизвестно. Георгий чувствовал что еще немного и он лишится сознания, рухнет наземь и наверное умрет – ибо человеку невозможно выдержать такое...

И не один он был в подобном состоянии – то тут то там слышались сдавленные рыдания...

... Мария Федоровна, одна из немногих, не потеряла голову и старалась по мере сил облегчить страдания людей.

– Разведите костры! – скомандовала Императрица какому то из ливрейных лакеев.

– Осмелюсь спросить – из чего Ваше Величество?!

– Из всего что может гореть! – с прорезавшимся акцентом зло бросила Мария Федоровна. Люди должны хоть немного согреться! Неизвестно когда еще придет помощь!

Повернувшись, Георгий увидел как придворный фотограф – Алексей Антонович Иванович расставляет свой разлапистый фотоаппарат. Он явно собирался запечатлеть небывалую катастрофу для истории.

– Господи – что за нелепость! – подумалось Георгию... Захотелось подойти, обругать неуместно деловитого служителя, повалить фотоаппарат в грязь... Но не было сил – ни на что... Так он и стоял и смотрел как железнодорожники и свитские с конвойцами пытались растащить обломки столового вагона. Это плохо получалось – вагон был большой тяжелый и основательный – построенный по специальному заказу во Франции...

Промозглый день сменился сумерками...

Со стороны Лозовой запыхтел подходящий состав – помощь наконец-то пришла...

Потом пришла ночь.

Зажгли фонари и факелы. Все были серьезны и сосредоточены. И все чаще из под обломков выносили не раненых, а безжизненные, изломанные тела...

Георгий сидел на услужливо кем-то принесенном стуле, глядя на происходящее и беззвучно шептал молитву: пусть поскорее разберут эту груды металла и дерева и найдут отца... Батюшка и в самом деле здоров и крепок – он может быть раненым или оглушенным – но не мог же он вот так просто погибнуть! Но к сердцу подползал неумолимый холод предчувствия. Неужели сегодня он в последний раз видел отца?? Чувство отчаяния которого не передать словами поднималось в его душе...

– Нет! – безмолвно взмолился великий князь, хотя ему хотелось кричать. Этого не должно случиться! Милостивый Боже, не дай произойти самому страшному!

Но вот послышались громкие возгласы... А затем – тяжкий отчаянный женский крик сменившийся тихим плачем...

Мимо Георгия на растянутой вагонной портьере пронесли молодого человека без сознания, в окровавленном мундире кавалергарда...

«Брат! Ники! О Господи!»

– Осторожнее – Его Величество серьезно ранен... Ради всего святого – осторожнее! – покрикивал идущий сбоку лейб-медик.

«Его Величество??!» – мир вокруг поблек и расплылся... Значит... Неужели...»

– Георгий Александрович... Рядом с ним стояла миссис Франклин.

Лицо англичанки было заляпано грязью, в глазах читались усталость и боль.

– Вам следует пройти к ... вашей матушке – она нуждается в вас... И добавила, явно пересилив себя

– Примите мои соболезнования...

Не отвечая Георгий пошатываясь двинулся в ту сторону откуда принесли Николая...

– Бедный мальчик, – подумала про себя миссис Франклин. – В один день – и отец, и похоже что и брат...

А великий князь шел механически переставляя ноги... Шел туда где в ряд были выложены трупы вытащенные из руин вагона и отдельно от них – тело высокого крепкого мужчины с неестественно вывернутой шеей. Подле него на земле сидела императрица Мария Федоровна – в полной прострации держа голову мужа на коленях.

Подбежала Камчатка, но не кинулась к телу хозяина, а обратив морду к темным небесам жалобно завывала.

Вахмистр лейб-конвоя с перевязанной ногой, утирая слезы, всхлипнул:

– Вот ведь... Скотина бессмысленная спаслась, а царь то... царь...

– Господи! Да как же это?! – шептал Георгий не в силах приблизится к телу Императора всероссийского Александра Александровича Романова... Своего отца...

Нет – этого не может быть!

Ведь еще совсем недавно будущее казалось ясным и благополучным на многие годы и десятилетия вперед...

Опустившись на колени прямо в осеннюю слякоть он молча крестится.

«Господи! Да как же это? Да за что ж мне такое?!» – еле слышно шептал Наследник-Цесаревич трясущимися губами. Из глаз юноши струились крупные слезы...

* * *

В тот день Георгий Александрович Романов плакал последний раз в жизни. В тот день он еще был обычным человеком, сломанным чудовищным ударом судьбы – и мог еще позволить это себе. Все последующие десятилетия, никто не видел его слабым – и больше того – уже не было обычного человека – был Царь не знавший слова «невозможно». В тот день в той катастрофе погиб великий князь Георгий – тайный романтик и скорее ученый нежели властитель по складу ума. И родился повелитель, чьими усилиями, как признавали даже недруги, был создан новый мир. Мир совсем не такой, который предсказывали пророки разнообразных социальных теорий, и описывали фантасты...

* * *

Крушение

В поля, под сумеречным сводом,
сквозь опрокинувшийся дым
прошли вагоны полным ходом
за паровозом огневым:

Багажный – запертый, зловещий,
где сундуки на сундуках,
где обезумевшие вещи,
проснувшись, бухают впотьмах —

И множества вагонов спальных
фанерой выложенный ряд,
и окна в молниях зеркальных
чредою беглою горят.

Там штору кожаную спустит
дремота, рано подоспев,
и чутко в стукотне и хрусте
отыщет правильный напев.

Такая малость – винт некрепкий,
и вдруг под самой головой
чугун бегущий, обод цепкий

соскочит с рельсы роковой

И вот по всей ночной равнине
стучит, как сердце, телеграф,
и люди мчатся на дрезине,
во мраке факелы подняв.

Такая жалость: ночь росиста,
а тут – обломки, пламя, стон...
Недаром дочке машиниста
приснилась насыпь, страшный сон:

Там, завывая на изгибе,
стремилось сонмище колес,
и двое ангелов на гибель
громадный гнали паровоз.

И первый наблюдал за паром,
смеясь, переставлял рычаг,
сияя перистым пожаром,
в летучий взглядывался мрак.

Второй же, кочегар крылатый,
стальной чешуей блистал,
и уголь черною лопатой
он в жар без устали метал.

Владимир Набоков

*Из поэтического сборника посвященного сорокалетней годовщине
чудесного спасения Е.И.В Георгия I. Санкт-Петербург. 1928 год*

Часть первая

Погребение прошлого

22 октября 1888 г., утро, Санкт-Петербург.

...Ваше Высочество – поезд прибывает!

Флигель – адъютант стоял в дверях купе наследника...

Синяки на лице были умело запудрены но обширную ссадину на лбу скрыть было невозможно. «Флигель» – как вспомнил Георгий – ротмистр лейб-гвардии Конной артиллерии Александр Кауфман, был в числе переживших катастрофу.

Коротким кивком головы ответив придворному, Георгий встал с мягкого дивана и вышел в коридор.

И машинально одернув черный флотский мундир с черным же траурным крепом на рукаве, двинулся по вагонам следом за ротмистром – в «голову» уже снижающего ход поезда в «особый» вагон.

Они и в самом деле совсем скоро прибывали на Московский вокзал столицы Российской империи. Отсюда не так уж давно Александр III с семьей отбыл в Тавриду – и вот теперь они возвращались...

Сейчас, стоя в тесном вагоне у отцовского гроба рядом с матерью, державшей за руку заплаканного Михаила, с непроницаемо – скорбным Владимиром Александровичем, с генерал-адъютантами и придворными, Георгий вспоминал...

Памятью он вернулся на несколько дней назад – хотя казалось прошел месяц или даже больше...

...Ранним утром 19 октября выжившие в катастрофе и мертвые прибыли в Харькове на свитском поезде.

Вечером того же страшного дня состоялся семейный совет под председательством прибывшего из Москвы Великого князя Владимира Александровича.

Он был сух и краток.

– По докладу врачей Император не может быть никуда перевезен без очень тщательной подготовки, у него сложный, возможно двойной, перелом позвоночника – начал он, – когда присутствующие помянули в молитве почившего Царя. – Вынужден говорить печальную правду: врачи отнюдь не дают гарантий, что он и в этом случае перенесет переезд. Но даже без этого можно, увы, с уверенностью говорить что Его Величество Николай Александрович... – великий князь сделал печальную паузу – Не сможет исполнять свои обязанности. По-видимому никогда – завершил он мысль.

Георгий мысленно согласился.

Да – брат его лежал пребывая фактически между жизнью и смертью – лучшие харьковские доктора хлопотали вокруг его ложа, милосердные сестры меняли повязки, и оба главных лейб-медика непрерывно дежурили в больничном покое ставшем одновременно и императорскими покоем... Но изменить они уже ничего не могли.

– Поэтому согласно Основных Законов Империи Российской надлежит образовать Регентский Совет... – Владимир Александрович опять сделал короткую паузу словно ожидая возражений. Но разумеется никто не пожелал высказаться да и что можно было возразить на очевидную истину?

И он продолжил те же ровным отрешенным тоном.

– Возглавить его несомненно должно законному наследнику престола – Георгию Александровичу, – лицо великого князя оставалось печальным и непроницаемым. Предлагаю чтобы в него кроме него вошли Великие князья Павел Александрович, Алексей Александрович, Сер-

гей Александрович и ваш покорный слуга – как старшие среди мужской части царствующего дома. Также надлежит несомненно ввести в него и вдовствующую императрицу которая к сожалению здесь не присутствует...

Георгий невольно кивнул в знак согласия: и опять – все правильно – и по форме и по содержанию.

Императрица Мария Федоровна всё это время находилась у тела мужа, стоя на коленях и обнимая его голову, и время от времени принималась горько, тихо плакать...

Когда по настоянию приближенных Георгий прошел к ней – попросить оставить прах супруга, и пойти отдохнуть (чего стоило ему войти в комнату где лежало тело отца!) то обнаружилось то несчастная женщина потеряла сознание...

Ее кое-как привели в чувство нюхательными солями и только тогда она позволила увести себя... Она не присутствовала и на отслуженной панихиде по государю императору Александру III.

– Полагаю было бы также правильным... – продолжил Владимир Александрович, – немедленно установить почетное дежурство у тела...

«А ведь ты дядюшка был бы наверняка рад если бы сейчас там лежали все мы!» – вдруг с неожиданной злостью и обидой подумал Георгий глядя на постное лицо родственника напомнившее ему почему-то снулую рыбу.

Матушке известие о том что она – вошла в Регентский совет сообщили когда она вышла от Николая...

Она довольно равнодушно восприняла это – лишь что-то прошептав...

Георгий боялся что мать откажется уезжать – пожелав остаться у постели старшего сына. Кажется Мария Федоровна и в самом деле хотела этого. Но тем не менее она позволила усадить себя в императорский поезд ставший траурным...

По пути в Москву на перронах духовенство совершало бесконечные панихиды – на станциях и полустанках в Курске, Орле и Туле.

Потом была Москва...

...В Первопрестольную траурный поезд с телом императора Александра III прибыл два дня назад – 20 октября в два часа пополудни.

Можно было сказать что за этим последовала репетиция погребения.

На вокзале Митрополит Сергей совершил литию при пении певчих Чудова монастыря. Запели «Вечную память» – и все прибывшие – от слуги до великого князя опустили на колени. Затем гроб почившего царя был поставлен на траурную – белую с золотом колесницу. В соответствии с церемониалом печальное шествие тронулось в три часа – по третьему пушечному выстрелу.

От вокзала до Кремля вдоль улиц были выстроены войска московского гарнизона, ограждая человеческое море от процессии. Первым – почти у самого Киевского вокзала стояло в каре Александровское юнкерское училище. Когда еще в дороге обсуждали предстоящий церемониал, за спиной Георгий слышал шепоток – мол училище это слывет либеральным – чуть ли не «красным» (странное однако слово – откуда и к чему оно?) – и мол как бы чего не вышло...

Но Цесаревич не стал ничего менять – ибо училище это создал его отец и кому как не юнкерам-александровцам первыми встретить августейший прах?

Когда катафалк и сопровождавшие его члены Императорской фамилии – по церемониалу – мужчины пешком, с непокрытыми головами, дамы – в траурных каретах – проследовали мимо строя училища, его Первая рота – Рота Его Величества сделала четкий шаг вперед и без команды развернулась налево. И с оркестром вступив в состав процессии, двинулась за гробом. Оркестр во главе с седым горбоносым капельмейстером-кантонистом в узких погонах титулярного советника на пехотном мундире всю дорогу играл похоронный марш. Ровно в такт

четкому шагу юнкеров колыхались погоны с именованным императорским вензелем почившего – уже недолго им носить его...

Траурное шествие могло кого угодно ошеломить своей торжественностью... Но Георгий с напряженным вниманием смотрел на лица собравшегося на тротуарах московского люда. Смотрел и размышлял – с какими чувствами эти приказчики, поденщики, дворяне, мастеровые, семинаристы и купцы следят за похоронами?

С какими мыслями? Что переживают подданные покойного царя, стоявшие в эти часы молчаливыми толпами на улицах Первопрестольной? Его отец – дед Георгия – государь Александр Николаевич был и в самом деле оплакан миллионами и миллионами освобожденных им крепостных – впрочем, трое из которых вошли в число его убийц.

А кем был для этой неизмеримой людской массы называемой словом «народ» – Александр III процарствовавший чуть больше семи лет? Скорбят ли они искренне или просто потому что так должно?

В половине пятого пополудни колесница остановилась возле Архангельского собора, и Георгий с дядьями подняли гроб... Тело покойного императора поплыло над головами собравшихся.

Им навстречу вышла депутация духовенства во главе с Митрополитом Московским и высшим духовенством. Георгий Александрович и члены императорской фамилии внесли гроб в собор и поставили на катафалк. После панихиды началось чтение Евангелия священником, продолжавшееся без перерыва днем и ночью... Потом – вновь путь на вокзал и дорога – с открытыми семафорами и тихим – не выше пятидесяти верст – ходом... А вот теперь – и Петербург. Мертвый царь вернулся в свою столицу – теперь уж навсегда...

Перрон Николаевского вокзала, шеренга семеновцев, и за ними вторая – в синих жандармских шинелях, встречающие сановники во главе Гресером и Лутковским и духовенство... А дальше – уже готовая встретить императора и проводить его в последний путь процессия – впереди которой – Министр императорского двора Воронцов – Дашков.

В особый вагон – наскоро переделанный из багажного вошел митрополит Палладий с певчими и служками... Началось лития... Палладий заменяя дьякона прочел: «Спаси, Боже, люди Твоя!», в то время как служки монотонно возглашали «Господи, помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!» Краткого молебствие преосвященный Палладий завершил пропев «Владыко многомилостиве» – и все опустились на колени на холодный пол вагона... Потом генерал-адъютанты сняли императорский покров с гроба, а Георгий вместе с членами августейшей семьи на своих плечах подняли гроб и вынесли его из вагона, водрузив на уже подогнанный катафалк. После этого траурный экипаж, под звуки старого гимна «Коль славен наш Господь в Сионе...» и дробь гвардейских барабанщиков, тронулся в путь. За везущей мертвого царя повозкой пешком следовали Георгий с великими князьями и кареты с вдовствующей императрицей и другими высочайшими особами. В Печальном шествии следовали Панир – Государственное знамя, Государственный скипетр, церемониальные щит и мечи государя... А между знаменами, инсигниями и гербами двигались два рыцаря.

Один из них – в золоченых доспехах, восседал на белом коне, опустив обнаженный меч, символизируя славу земную и небесную. Другой – в вороненых латах, в черном плаще, с черным плюмажем шел пешком, и воплощал траур, печаль и скорбь.

Герольды несли двенадцать гербов царств и городов, иностранные ордена покойного царя – всего пятьдесят семь и двенадцать русских орденов – среди которых самым первым – Орден святого Георгия второй степени, полученный тогда еще великим князем Александром Александровичем за последнюю турецкую войну. Церемониймейстеры несли короны: грузинскую, таврическую, сибирскую, польскую, астраханскую, казанскую...

Четверо камер-лакеев – императорскую порфиру подбитую белым атласом и отороченную горностаевой пелериной... Густобородый гоф-маршал Оболенский-Нелединский – золо-

той императорский Скипетр увенчанный знаменитым бриллиантом «Орлов» над которым возвышался черный эмалированный двуглавый орел со святым Георгием на груди и орденской цепью Андрея Первозванного.

Шли делегации от земств, дворянских собраний, университетов... Сановники, министры, генералы, камергеры и камер-юнкеры... Шли под колокольный звон всех церквей Санкт-Петербурга и пушечную пальбу с Петропавловской крепости и кронверка... А следом двигалась процессия духовенства – в торжественных облачениях, с хоругвями, крестами и иконами.

На Невском вдовствующая императрица вдруг вышла из кареты и тоже пошла пешком – бледная, с опущенными глазами, и черное траурное платье и черный газовый платок еще более подчеркивали ее мертвенную бледность.

В два пополудни процессия, пройдя расстояние почти в восемь верст, прибыла наконец к Петропавловскому собору. И опять гроб императора был водружен на плечи его живых родственников и установлен на катафалке – темно алым с золотом. Над гробом распростерся погребальной покров в виде громадной шапки Мономаха из золотого глазета, подбитый горностаем, с большими золотыми кистями, вышитыми двуглавыми орлами и гербами русских земель. После окончания погребальных обрядов золотым крестом посередине, которым гроб покрывался сверху.

Из-под горностаевой оторочки к четырем столбам храма спускались белые глазетовые драпировки, перехваченные у столбов золочеными коронами.

Покров этот по окончании погребения будет перешит и укроет гробницу покойного царя...

...Гроб стоял на высоком, в несколько ступеней, катафалке. Мерцающий свет тысяч восковых свечей поблескивал на золоте придворных мундиров Почетного дежурства, чинов свиты и гвардейских часовых...

Сменяя друг друга становились у царственного гроба великие князья, княжны, иностранные принцы...

Имелось лишь одно отличие от закрепленного и освященного традицией церемониала – тут не было правящего императора. Парализованный, еле живой, теряющий сознание по несколько раз на дню Е.И.В. Николай II находился все еще между жизнью и смертью.

Он остался в Харькове в губернаторском дворце – в охраняемых покоях...

И неизвестно когда можно будет перевезти его в Москву или Петербург – да и вообще – можно ли это будет когда-нибудь?

Перед мысленным взором Георгия возникли два анамнеза.

Один был составлен Груббе и Вельяминовым, второй – лейб-медиком Лейденом и спешно прибывшим из Москвы профессором Григорием Анатольевичем Захарьиным – самым толковым врачом из всех кто мог появиться у постели тяжело раненного императора немедленно.

Оба заключения совпадали почти дословно: вероятнее всего его старший брат так и останется парализованным на всю жизнь.

Что тут можно было сказать? Конечно есть и другие ученые светила, есть и надежда на чудо и помощь Божью... Но Захарьину – отказавшемуся в свое время принять звание лейб-медика ради того чтобы спокойно заниматься своими исследованиями Георгий был склонен верить больше чем любому европейскому доктору...

Прощаясь, этот пожилой человек с седой бородкой, державшийся без подобострастия с августейшим собеседником, вдруг печально заметил:

– Я... должен Вам сказать Георгий Александрович... Мне все равно что вы подумаете обо мне после этих слов, но... Прошу – поверьте старому медику не раз имевшему дело со смертью – и не раз сталкивавшемуся с чувствами родственников усопших. Часто бывает так, что оставшиеся в сём брэнном мире начинают невольно чувствовать вину что живы. Глупейшее

и нелепейшее чувство – если угодно богопротивное! – профессор даже повысил голос. Тем более – это действительно трагический случай. Если бы крыша вагона опустилась чуть выше – на полтора два вершка, ваш батюшка был бы жив!

Георгий не нашел что ответить – лишь молча пожал руку, благодаря врача, нашедшего слова искреннего утешения – там где утешение было найти так трудно!

Теперь он невольно вспоминал слова Захарына: какое оказывается ничтожное расстояние отделяет жизнь от смерти...

Потрескивали свечи, курился ладан сладковатым тяжелым дымком, возносился к куполу громогласный протоиерейский бас возглашая «Ныне отпускаешься...»... Торжественная тишина, полумрак Петропавловского собора, строгая архитектура и торжественность убранства должны были как будто располагать к раздумьям о жизни и смерти, силе судьбы, о преходящем и вечном. Но Георгий отрешенно разглядывал окружающее и думал о земном...

Места царских захоронений в Петропавловском соборе окружали иконы, лампы, витрины с драгоценными дарами – кубками, мечами, коронами, светильниками, церковной утварью. И больше их было у дедовской гробницы. Были там и совсем простые образки потемневшего серебра и солидные – в золотых окладах на которых каждый венчик состоял из десятков, а то и сотен бриллиантов, сапфиров, рубинов...

Вот небольшой – чернью по золоту и украшенный уральскими изумрудами образ «Богоматерь скорбящая» – дар екатеринбургских гранильщиков с демидовских заводов. Вот слегка аляповатый серебряный венок присланный полтавскими крестьянами в знак признательности и к двадцатипятилетнему юбилею освобождения от крепостной зависимости.

И равны были среди даров скромная иконка от бедной обер-офицерской вдовы, к чьему прошению когда-то снизошел царь российский, и массивный золотой крест – дар купца-миллионщика из бывших дворовых...

Вокруг гробниц стояли экзотические растения в горшках и кадках, на надгробиях лежали венки из ярких осенних цветов и просто брошенные розы.

Цесаревичу почему-то вспомнилась невеселая и в чем-то даже анекдотическая история – как после кровавого марта 1881 года в течение нескольких месяцев к гробнице Александра Николаевича из знаменитого цветочного магазина француза Ремпена каждый день доставляли роскошный венок из живых цветов – по заказу княгини Юрьевской. (Хотя вся та история вроде осталось в прошлом, но Георгий даже в мыслях не мог называть эту женщину вдовой деда.) И – вот нелепая и дикая мода – пришедшие поклониться праху царя-освободителя стремились сорвать и унести с собой цветок или листок из венков у его могилы.

Длилось это довольно долго, пока торговец, умаявшись ждать денег за дорогостоящий заказ, не потребовал у княгини расплатиться. Оплатить, однако, предъявленный счет ни много ни мало – на три тысячи шестьсот восемьдесят рублей ассигнациями госпожа Юрьевская самым решительным и недвусмысленным образом отказалась... И в итоге находчивый парижанин переслал его напрямую в Министерство двора. Счет, скрепя сердце, оплатили, но по решению коменданта Петропавловской крепости из оранжерей Елагина дворца начали доставлять особо по одному венку ежедневно... Однако и после этого почитатели покойного монарха иногда норовили переложить на надгробие Александра II венки с других захоронений.

...Оставив гроб с телом императора в Петропавловском соборе, царская семья отправилась в Аничков дворец...

Предстояло еще много сделать для подготовке погребения и кстати – принять едущих в Петербург заграничные родственников...

Лишь в двенадцатом часу Георгий наконец отправился в свои покои жестом отпустив лакея и камердинера.

Но сон не шел... Мрачные мысли не оставляли сидевшего на неразобранной постели Цесаревича...

Он один в этой дворцовой спальне... Один – в мире... Еще несколько дней назад у него был добрый хотя и строгий отец – а сам он был свободным человеком – насколько можно быть свободным в России принадлежа к Династии.

Теперь... какую бы ношу не возложил на него Всеблагий Господь – он должен нести эту ношу – один-одинешенек! И ведь он даже не вправе молить небеса о том чтобы его бремя облегчили – горные силы уже и так оказали ему неслыханную милость – сохранили ему жизнь взамен взяв отцовскую и как теперь уже очевидно – и жизнь старшего брата...

Боже мой! Боже мой! И что ему делать со всем этим?? Он ведь никогда в самых захватывающих фантазиях и самых тайных мечтах не видел себя на троне! Да и как можно было даже думать о подобном, если жив и проживет еще долго отец? Если жив и здравствует законный наследник-цесаревич – брат Николай??

И вот теперь все так переменялось...

Георгий знал историю своей семьи – и не только ту что преподавали в гимназиях и народных училищах.

Знал – как на самом деле умерли его прапрапрадед и прапрадед.

И знал что сказал законный наследник – Константин Павлович – уже оглашенный императором и дважды отрекавшийся:

«Мне не нужен трон, залитый кровью отца!»

Но что толку жалеть и оплакивать несбывшееся если все уже свершилось и все будет так как суждено?

Только и остается что вспоминать уроки закона Божьего – «Господь не возлагает на рабов своих бремена неудобноносимые».

Но если бы Георгий сейчас увидел себя со стороны, то удивился бы – как словно бы под тем самым неудобноносимым бременем согнулись его плечи...

Он молча подошел к письменному столу и открыл верхний ящик.

Там лежал простой серебряный портсигар без монограмм и украшений – смятый и раздавленный как будто ударом молотка...

Его вытащили из кармана отцовских бриджей когда обмывали тело...

Долго смотрел на этот кусок сплющенного металла – символ бренности бытия. Символ того, что смерть в любой день и час может оказаться совсем рядом – ближе тех самых ставших роковыми двух вершков.

Потом шумно вздохнул и резко задвинул хлопнувший ящик.

Ну что ж – Господь явил свою волю! Да будет по слову Его!

Слову!?

И тут вспомнилось...

Январская ночь, сон и голос из-за занавеси звезд.

Слова, падавшие в абсолютной тишине: В этом году уйдет твой отец.

Георгий встал на колени перед иконой Богородицы.

«Господь явил свою волю и я буду достоин Его выбора»

* * *

25 октября на заседании Регентского Совета было принято решение о проведении независимого следствия по факту крушения императорского поезда. Возглавить его по предложению, причем единодушному, Марии Федоровны и Владимира Александровича было поручено Анатолию Федоровичу Кони – как наиболее принципиальному и честному человеку в юридических кругах и как одному из самых компетентных судейских чинов Российской империи.

Он получил чрезвычайные полномочия с правом доклада результатов следствия лично Регенту. Государственная машина на удивление заработала быстро и четко. Министерство

путей сообщения в считанные часы предоставило все запрошенные документы, без промедления явились прикомандированные к расследованию высшие чины жандармерии, полиции, инженеры и эксперты. 29 октября поезд со следственной комиссией прибыл на место катастрофы...

* * *

В трауре и потрясении прошел остаток года.

Года 1888 по григорианскому календарю. От основания Рима – 2641-го. Для старообрядцев – 7396 от сотворения мира. Для иудеев – 5649 – тоже от сотворения мира. Для мусульман – 1307 года Хиджры. Согласно армянского календарю – 1337-й По китайскому календарю 4585-й. Согласно эфиопскому – 1881 год.

Индусы полагали что уходящий год – 1945 год Викрам самват, 1811 год – Шака самват, и наконец – 4990 год Кали-юги. По календарю парсов – 1267 год.

А еще это был последний год старой истории человечества и первый год новой. Поезд цивилизации рыскнул на стрелках и перешел на новый путь. Но об этом пока не знал никто...

* * *

8 февраля 1889 года, Санкт-Петербург, Зимний дворец

Е.И.В. В.К. Георгию Александровичу, Регенту Российской империи

Докладная записка

Ваше Императорское высочество!

Покорнейше докладываю, что документы по известному Вам делу отправлены курьером 5-го числа сего месяца. Все результаты работы Особой следственной комиссии, будут представлены на рассмотрение Регентскому совету, как вы и распорядились.

Я осмелюсь просить, чтобы Вы ознакомились с ними лично и заблаговременно.

Преданный Вам

Обер-прокурор уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената.
Кони А.Ф.

* * *

...На громадном палисандровом столе с яшмовыми вставками красовалась малахитовая чернильница украшенная серебряной миниатюрой – Персей спасающий Андромеду от морского чудовища. Возле нее торчал стакан карельской березы с отличными английскими карандашами, и нож для бумаги резной мамонтовой кости... В задумчивости Георгий не заметил как сломал третий «Кох-и-Нур» и чертыхнулся...

В угловом кабинете выходящем на заснеженную Дворцовую площадь великий князь сидел за заваленным бумагами произведение екатерининских краснодеревщиков и изучал документы следственной комиссии. Послезавтра их обсудят на Регентском совете – но сперва он хотел сам составить впечатление о результатах расследования. И вот уже третий день перечитывал эти несколько не слишком толстых томов...

В общем все было понятно – тем более за прошедшие два месяца он уже наловчился продирается сквозь казенные формулировки и выделять главное – хотя вначале после чтения государственных бумаг адски болела голова – доктора даже заговорили о последствиях контузии и потребовали не перенапрягаться...

И как же императоры со всем этим управлялись? Поневоле вспоминается читанный им украдкой в прошлом году «руссофоб» (как выражался Тютчев) де Кюстин – «Ненормально что у столь обширной империи миллионы рук и всего одна голова». Воистину как говорили древние: «Interdum stultus opportuna loquitur» – «Подчас и дурак умное скажет».

Георгий поднял глаза от листа исписанного четким писарским почерком: видать письмоводитель еще старой школы – когда каллиграфию розгой вбивали...

Кабинет ранее принадлежавший дворцовому управляющему был обширен, но мебелью не обременен. Два высоких секретера, приличных большой письменный стол, за которым устроился регент, несколько кресел и солидный диван с высокой спинкой. Мебель была старинная, красного дерева, обита зеленым тисненым турецким сафьяном с мелкими золочеными гвоздиками. В углу стоял старинный огромный глобус – с белыми пятнами на месте многих земель и морей... Занять отцовский кабинет было бы и не по чину – да и свыше его сил...

Он вновь вернулся к документам.

Да – сколько он этих бумаг прочел за прошедшие два месяца – из министерств, из военного ведомства, из МИДа... Иногда смысл был совсем непонятен – но всё чаще за казенными формулировками ему чудилась пустота – и все чаще посещали мысли – что такая же пустота как за фасадами театральных декораций и за – внешними несокрушимыми стенами министерств дворцов и крепостей...

Пустота насыщенная пустыми амбициями, патокой славословия и лести. Отец им верил – мелькнула горькая мысль...

Он стал проверят выборочно – но толку было мало – ибо самое пустяшное дело оказывалось сцеплено множеством шестеренок с целым сонмом прочих.

В конце концов произошел уже ближе к Рождеству памятный разговор с Николаем Николаевичем.

– Тот мягко почти отечески укоряя советовал не перенапрягаться и поменьше возитя с государственными делами.

– Вам Георгий Александрович не следует пытаться объять необъятное! – пояснял почтенный генерал от кавалерии с видом гимназического учителя втолковывающего недорослю прописные истины. Тем более в делах текущих – там и чиновники – гении департаментские, геморрой выслужившие и то блуждают, – с улыбкой развел родственник руками. Со временем знание и мудрость придут, а пока... Даже и я начинал с эскадрона...

«Не лезь не в свои дела – мальчишка!» – вдруг в этот момент почти наяву услышал Георгий злобный фельдфебельский рык – и даже недоуменно поглядел на двоюродного деда.

Но тот как раз уже закончил речь очередным верноподданическим высказыванием. От этих высказываний и словесных кружев скоро начнет скулы сводить как от клюквы!

Бо-оом! Б-оом! – пять раз пробили часы в соседней комнате. Дверь кабинета отворилась, и на пороге возник человек в ливрее и с подносом – кофешенк Марков – Второй. Запахло свежим «мокко».

– Георгий Александрович – как вы просили...

Прихлебывая крепкий горячий напиток к которому прилагались ванильные сухарики, Георгий не переставал размышлять.

Почти все время великий князь проводил в Петербурге в Зимнем – лишь на рождественские дни посетил Царское Село.

...Как и в прежние годы, накануне Рождества в сочельник после всенощной у императрицы была устроена елка – и вся свита была приглашена на этот семейный праздник. Елки установили в покоях императрицы и ближайших залах – Концертном и Ротонде.

При этом у каждого из членов семьи имелась своя елка, рядом с которой стоял стол для приготовленных подарков.

Семья не забыла одарить подарками и свиту и детей нижних чинов конвоя, а также Сводно-гвардейского батальона и дворцовой полиции. Были розданы рождественские подарки всем слугам, лакеям, мелкой придворной челяди...

После раздачи взаимных «семейных» подарков приближенные и родня перешли в другой зал Зимнего дворца, где был приготовлен большой длинный стол, украшенный фарфоровыми вещами, изготовленными на императорской Александровской мануфактуре – и каждый смог выбрать то на чем лежала карточка с его именем...

– Небеса были ко мне благословенны – оставив мне четверых здоровых детей... – сказала Мария Федоровна после рождественской службы и всплакнула. И в само деле – Оленька как сообщила папан уже не кричит по ночам и Михаил даже засмеялся представлению дворцовой труппы в сочельник. Великая княжна Ксения правда болеет – так и оправившись до конца от ушибов и потрясений – врачи опасаются за ее здоровье в будущем.

Но глядя на все это торжество Георгий вспоминал прошлые праздники... Например Рождество с 1881 на 1882 годы – первого года оказавшегося столь недолгим отцовского царствования.

Тогда матушка подарила августейшему супругу американский револьвер «смит-вессон» тридцать восьмого калибра с кобурой – и к нему сотню патронов. А детям – Николаю и ему, – по хорошему английскому ножу. «По ножу на брата» – как пошутил тогда отец... А на прошлое Рождество маленькая Ольга подарила отцу домашние красные туфли, которые своими руками вышила белыми крестиками... Георгий ощутил как подступает к горлу комок...

...Праздники где светлое ощущение было перемешано с печалью миновали – и наступила жизнь – с ее проблемами и неурядицами.

Вопросы надо сказать приходилось решать необычные... Например – как быть с тем что в России сейчас действовал не один царский двор, а три? Ну конечно один, но существующий в трех разных местах и судя по всему и временам.

...Случалось царям русским помирать без наследников и без завещания – случалось и теряли корону... Но вот насчет случаев когда законный монарх тяжело болен и не способен править – вот тут *praesedens* отсутствовал.

Так что приходилось *le improvisations* – как говорят французы.

По предложению вездесущего Владимира Александровича был принят рескрипт – о временном Малом Дворе на месте пребывания Е.И.В Николая II. Местом этим стал дом харьковского губернатора – переехавшего со всеми чиновниками в местную казенную палату...

Лейб-конвой и летучий отряд дворцовой полиции внутри и лейб-гвардии батальон Измайловского полка ограждавший его штыками – снаружи... Матушка ездила туда уже несколько раз – навещать любимого старшего сына – даже особый Императорский поезд был собран – из четырех вагонов. (Сам Георгий даже в Царское по Павловской дороге не ездил кроме как на те рождественские дни... Да и что там делать – охотится на зайцев или ворон стрелять? Уж как-нибудь в Петербурге проживем.)

С ней в Царском селе остались Ольга, Михаил и Ксения, штат дам, воспитателей, выжившие лейб-конвойцы...

Таков двор Вдовствующей Императрицы Марии...

У него – великого князя и Регента – двора пока как такового как будто нет – но есть слуги и приближенные оставшиеся со времен до катастрофы, есть люди из окружения отца и

отцовские придворные – оставшиеся почти не у дел. Появляются и соратники деда. Лорис – Меликов визит нанес – осведомился может ли быть полезен.

Намедни Абаза пришел. Зачем приходил? Ощущение было как от собаки, что обнюхивает незнакомого человека. Не иначе на службу напрашивался.

И наконец Малый Двор – самый маленький хотя по штату главный.

Туда переехали лейб-медики с семьями – а Захарьин регулярно их консультировал. Лейб – конвой – правда не столь большой... Пять придворных дам – из свиты Марии Федоровны – руководят сиделками и милосердными сестрами.

Грустный двор – церемониймейстеры без церемоний, шталмейстер почти без штата и с конюшней в десятку лошадей, два егермейстера – разве только в насмешку... Мундшенки с разными прочими обершенками и тафельдекерами – там где нет и не предвидится банкетов и торжественных обедов. (Зато по совету Захарьина выписали из кисловодской лечебницы тамошнего повара – некоего Мирона Глотова – знатока *диетических* блюд).

Что интересно – памятный ротмистр Кауфман которого Георгий думал сделать своим личным адъютантом спросил – как посмотри регент если он попросит перевести его именно в Харьков? Да и не один он – желающие сменить чухонские зимы и слякоть на южнорусский климат были и немало...

Георгий иногда думал – что заставило их избрать столь неверный путь?

Сочувствие к несчастному юноше-царю – над судьбой которого лили слезы все провинциальные барышни (уж как дворцовому ведомству пришлось отбиваться от желающих стать сестрой милосердия при брате!)? Искренним чувством долга перед Царствующим Домом? Или – ведь как знать – и тонкий расчет? Ибо непонятно как обернется...

Прошел ведь уже слухок – смутный и главное – как бы неоткуда – что во избежание – надлежит установить над императором опеку – оставив его однако официально на троне навсегда – ибо низложение царствующей особы – пусть на каких угодно благих и законных обоснованиях де поколеблет принцип самодержавия...

А он и без того серьезно пошатнулся – и не только к примеру среди старообрядцев (да – вот еще докука!) или сектантов – но и среди крестьян и мастеровых тоже не вся благополучно. – и болтают по трактирам да избам что дескать – чем то цари Бога прогневили. Да и в свете идут разговоры что по всему видать династия стала чем то негодна Небесам – оттого и все беды – включая и Первое марта и трагическую гибель отца и в завершение – императора – калеку...

Вот на это и упирали слухи – даже предлагая рецепт лечения сей болезни – опека – для чего наряду с Регентским учредить и Опекунский совет.

Георгий разумеется догадывался откуда ветер дует – правда непонятно – сходит ли это от дяди Владимира или Николая Николаевича?

Да-с – воистину – было бы имение, а опекуны найдутся! Вот и на Россию нашлись опекуны – право же как имение промотавшегося дворянчика в старину отдавали в Опекунский совет... Матап узнала, плакала, а потом завернула что-то по-датски... (Надо полагать нелестное для изобретателей плана)

Быть может кое кто исходит из этого и рассчитывает что Малый Двор станет большим – а что царь на троне и сидеть не может – так хлопот меньше... Он вспомнил открытое честное лицо подполковника с еще свежим шрамом на лбу...

Неужто и он просто хочет выгадать себе необременительную и выгодную службу?

Георгию на миг стало стыдно за себя.

О – это уже привычное недоверие к людям! Еще одно проклятие властителя!

Вздохнув он вернулся к бумагам...

Особо лежали донесения и заявления где говорилось о возможности покушения...

И в самом деле многие так думали особенно вначале. И то сказать – за этот век – уже идущий к закату – только за этот! – какой скажите на милость самодержец всероссийский умер

своей смертью – так чтобы не при подозрительных обстоятельствах – это не считая тех кто пал от руки убийц?

В обществе – и даже в печати ходили самые причудливые слухи. И про бомбистов, и про мальчика – сына кондуктора, принесшего в царский вагон «адскую машинку» под видом коробки с мороженым. И про некоего помощника императорского повара, который заложил динамит в вагон-столовую, и сошёл с поезда на остановке перед взрывом. В общем то понятно – «народовольцы»-то были совсем недавно. Потом разговоры как-то приутихли хотя «голубые шинели» еще что-то искали в этом направлении.

Сперва Георгий думал – жандармы роют землю носом ибо так натасканы – а уж старую собаку новым трюкам не выучить. Уж натура у них такая искательная – что поделать (великий князь не разделял того презрения к жандармам каким щеголяли армия и Гвардия – но всему ж есть свой резон!)

А потом понял смысл этих поисков – и лишь горько усмехнулся. Ведь если вдруг окажется что случившееся несчастье – дело рук злоумышленников – то не виноват получается никто – разве что начальник охраны царской – генерал Черевин...

Однако очень быстро все эксперты – пришли к решительному заключению, что никаких следов взрыва нет. И железнодорожники, и саперы и даже флотские минеры – Георгий решил перепроверить все лишний раз и попросил морского министра адмирала Чихачева их прислать – говорили одно и то же – обычная авария.

Но попутно всплыла масса просто убийственных обстоятельств. Воистину – никакому Салтыкову-Щедрину – нашему дорогому «Вице-Робеспьеру» не описать!

...Вообще все, что имело отношение к особе государя, окружалось необыкновенным пietetом. И разумеется царский поезд также имел статус «экстренного поезда чрезвычайной важности». Что это означало? Состав вагонов поезда определялся министром путей сообщения по согласованию с министром двора и начальником охраны.

На практике выходило так что министр двора подавал предложения по составу эшелона – при этом он руководствовался своими соображениями, учитывал, к примеру, численность свиты и ранг сопровождающих лиц свиты. А министр путей сообщения их утверждал – обычно не читая. Свита была многочисленная, все важные персоны, все хотели ехать с удобством, и считали себя вправе требовать отдельные купе, а то и вагон. Вроде все правильно – не ездить же разным действительным статским советникам и кавалерственным дамам по четверо в купе – как приказчикам каким? Но в результате царский поезд становился все длиннее и длиннее. Сразу за паровозами располагался багажный вагон, в котором еще находилась небольшая электростанция для освещения состава, потом вагон-мастерская, за которым следовал личный вагон министра путей сообщения. Далее – два кухонных вагона и вагон для поваров и кухонных слуг, вагон-столовая, великокняжеский вагон, потом вагон императорской четы, наследника престола и наконец – пять вагонов царской свиты.

В итоге в последнем рейсе эшелон состоял из четырнадцати восьмиколесных и одного шестиколесного вагона, хотя правила о поездах высочайших особ – были и такие оказываются... В России законы и инструкции есть на все случаи жизни – да только не исполняют их. Так вот – они ограничивали размер состава четырнадцатью стандартными шестиколесными вагонами. Иначе говоря, предельным считался состав, имевший сорок две вагонных оси, – в то время как царский поезд насчитывал их в полтора раза больше – шестьдесят четыре ровным счетом.

Весил он примерно тридцать тысяч пудов – как сообщали услужливые справки инженеров-железнодорожников подклеенные к листам дела... Четыреста с лишним аршин – более чем вдвое превосходил длину и тяжесть обычного пассажирского поезда... Конечно товарные поезда бывают и большего веса – но только вот товарняк никто не погонит быстрее чем двадцать верст в час – а царский имел крейсерскую скорость как говорят во флоте – без малого

сорок верст... На деле перед крушением он шел со скоростью под семьдесят. Начальство из первого железнодорожного полка когда выяснилось что такую махину один паровоз тащить не мог, распорядилось не долго думая прицепить два. Опять таки – это вполне разрешалось – для тихоходных грузовых поездов. Но не для пассажирских!. Но царский поезд это не пассажирский – это поезд особого назначения... А между тем два паровоза – это, во-первых, два машиниста, у которых не было связи ни между собой, ни с поездом. Царский поезд был оборудован этой новомодной штукой изобретения мистера Белла – «телефоном». Но американская придумка работала скверно – из за переделки ли, а может просто закупили некачественные аппараты – дело новое и непроверенное как ни крути... Но паровозам же он вообще не был подведен.

Чтобы что-то сообщить машинисту, надо было перелезть через тендер, и подать сигнал размахивая руками.

Но что хуже – два паровоза при скорости свыше сорока верст в час не могли работать согласованно – пыхтящие вразнобой цилиндры создавали опасную дополнительную боковую качку, особенно если у них не совпадал диаметр колес. С царским поездом так и было – один паровоз был товарный «Зигля Т-164», а второй – пассажирский – «Струве П-41». По мнению экспертов, крушение произошло как раз потому, что раскачавшийся паровоз порвал пути и сошел с рельсов.

Надо сказать, что в таком виде императорский поезд ездил лет десять. Имевшие к нему отношение железнодорожники, да и сам министр путей сообщения, знали, что это технически недопустимо и опасно, но не считали возможным вмешиваться в важные расклады придворного ведомства. Министр двора, естественно, не вникал в технические обстоятельства, а начальник царской охраны генерал Черевин – тем более, его дело было караулы выставить. Имелись впрочем два лица, официально отвечавших за техническую безопасность царской езды, – главный инспектор железных дорог барон Шернваль и его помощник, технический инспектор движения императорских поездов барон Таубе, но их должностная инструкция была составлена так бестолково, что ни тот, ни другой не знали, за что, собственно, отвечают.

Венчал эту пирамиду бестолковой неразберихи министр путей сообщения – адмирал Константин Николаевич Посьет. Почтенный старец с немалыми заслугами, соратник знаменитого Путятина, освоитель Дальнего Востока, доктор экономических наук, почётный член Санкт-Петербургской академии наук, основатель Императорского Российского общества спасания на водах, и прочая...

Вроде бы человек солидный, государственный муж – но только вот в России основные пути сообщения – сухопутные. А Его высокопревосходительство полный адмирал не только ничего не смыслил в железных дорогах, но и не скрывал этого и даже бравировал этим отчасти – мол мелкие подробности его не касаются – на то коллежские советники и департаментские секретари есть.

Многие не понимали – почему именно его в далеком уже 1874 году Александр II назначил министром?

А! Вот и протокол допроса министра...

Вопросы задавал лично Анатолий Федорович Кони...

Ваше высокопревосходительство – почему вы не вмешивались и не обращали внимания Государя на неправильный состав поезда?

Посьет:

– Отчего же очень даже обращал, еще государю Александру Николаевичу указывал на неустройства в деле организации поездок августейших особ по «чугунке».

Кони:

– Не могли бы вы, Константин Николаевич более подробно остановиться на этом обстоятельстве?

Посьет:

– Лет примерно десять тому назад, я имел честь еще вместе с покойным государем – то есть с его Величеством Александром II присутствовать при встрече на Николаевском вокзале поезда германского императора. Поезд пришел ровно минута в минуту, и сразу же остановился. Государь тогда сказал мне – вот, брат Посьет – погляди как это у них делается! А мы подползаем к станции прямо как черепаха!

Кони:

– И что же ответили вы?

Посьет:

– Я указал монарху, что в поезде кайзера Вильгельма всего четыре вагона, а наши бывают и по десятку и больше...

Кони:

– Ну, и что же дальше?

Посьет:

– Ничего. Его величество император Вильгельм вышел из вагона, а Александр Николаевич со свитой двинулись навстречу. И я с ними... Увы – Его Величество так и не понял, что ваш покорный слуга деликатным образом пытался обратить его августейшее внимание на то что царский поезд слишком велик.

Кони:

– И вы больше не пытались вернуться к данной теме?

Посьет:

– Нет – моя вина...

Всплывали и второстепенные подробности – ответственные за поезд царя лица заботились об удобстве и спокойствии государя и свиты – а скучными правилами и инструкциями пренебрегали. Что с того что положено было, например, самые тяжелые вагоны подцеплять в начало состава, сразу за паровозом? Помилуйте – как можно?? Там же дым, гарь, шум – и тяжелые царские вагоны ставили в середину. У всех пассажирских поездов полагалось после смены паровоза проверять тормоза: отъезжая от станции, поезд разгоняли и подтормаживали. Но венценосное семейство не осмеливались подвергать лишним толчкам и тряске, поэтому тормоза не проверяли.

Но нельзя сказать что вопросами безопасности совсем уж манкировали – по крайней мере на бумаге...

Состав был оснащен и новейшим автоматическим тормозом системы Джорджа Вестингауза, и обычными ручными тормозами. У ручных тормозов в каждом вагоне должен был неотлучно дежурить кондуктор, чтобы успеть рвануть рукоятку по свистку машиниста. Но оба царских – самых тяжелых – вагона ручного тормоза как оказалось вообще не имели. Почему? Может быть чтобы не беспокоить пассажиров тряской? Ну а кроме того начальник поезда велел кондукторам не торчать зря без дела у рычагов тормоза, а помогать прислуге.

Что же касается автоматического тормоза...

Как выяснилось – после смены паровоза на станции Тарановка его манометр не показал нужного для давления, а кран тормоза на тендере засорился и отказал. Любой другой поезд был бы снят с рейса – но это же Царь! В итоге отправились без тормозов: не задерживать же из-за таких пустяков российского самодержца! И машинисты в тот день ехали, не давая свистков на уклонах, когда следовало бы подтормаживать. Впрочем, как заключили инженеры, в причинах крушения отсутствие тормозов никакой роли уже не играло.

И вот последний день – протокол расписал его буквально по минутам... Утром того дня в Тарановку царский поезд пришел с полуторачасовым отставанием от расписания. Уже на

предыдущем перегоне машинисты, пытаясь наверстать, гнали вовсю, доводя скорость почти до семидесяти верст в час. Во время остановки в Тарановке генерал Черевин, прогуливаясь по перрону вместе с Посъетом, посетовал на опоздание. У Черевина как он пояснил были свои основания для беспокойства: в Харькове все жандармские меры по обеспечению безопасности императорской семьи были рассчитаны и подогнаны точно под расписание движения царского поезда (не могут же филеры часами топтаться на улицах!).

Вновь протоколы допросов и собственноручные показания...

Кони:

Вы уверены, что не имели представления о том, какую опасность представляет ускорение поезда?

Черевин:

– Так точно, господин обер-прокурор. Если бы хоть кто-то сказал мне об этом, я бы первый попросил – нет – потребовал бы ехать со всей возможной осмотрительностью!

Кони:

– Вы пытались говорить об этом с его высокопревосходительством Посъетом?

Черевин:

– Не смог бы даже если б захотел – господин Посъет делами поезда не занимался.

Кони:

– А чем же он в таком случае занимался?

Черевин:

– Наверное... (долгая пауза) Наверное, считал галок на крыше...

Кони:

– А что же технический инспектор барон Таубе?

Черевин:

– Александр Михайлович на моих глазах поблагодарил паровозную бригаду за скорую езду и обещал вознаградить деньгами.

Кони:

Кто-то может это подтвердить?

– Черевин:

– При этом разговоре присутствовали управляющий Курско-Харьковско-Азовской железной дорогой господин Кованько и инспектор дороги титулярный советник Кронеберг...

Кони:

– Как вы полагаете – они-то должны были знать, что пути на следующем перегоне не в порядке?

Черевин:

– Не знаю. Наверное. Но они промолчали.

Что куда хуже в составе номер один Российской империи находился вагон с неисправной ходовой частью. Причем располагался он непосредственно перед царскими, и являлся... личным вагоном министра путей сообщения. Убивший отца и чуть не убивший его вагон...

... Впрочем – в России все-таки нашелся один человек, которого безопасность императорской семьи взволновала всерьез.

Им был занимавший скромный пост управляющего Юго-Западными железными дорогами Сергей Юльевич Витте. В сентябре 1888 года, когда царский поезд ехал в Крым, его по должности сопровождали на своем участке пути Витте вместе с главным инженером Юго-Западных дорог Васильевым. И вот – сидя в министерском вагоне, они обратили внимание на странный стук под днищем. Кроме того – вагон кренился влево – и заметно.

На остановке Витте вызвал сопровождавших поезд механиков и указал им на неисправность.

Те ответили – что с этим вагоном часто такое бывает, и все благополучно вроде было до сего дня – но они так и быть займутся ремонтом в Севастополе. Но на обратном пути механики заявили, что уж коли министерский вагон выдержал крымские горные дороги, то теперь с ним тем более ничего не случится. Витте пытался возвать к самому Посьету, но тот укладывался спать и через прислугу посоветовал Витте подать докладную в министерство. И Сергей Юльевич ее подал, описав неправильность формирования и обслуживания поезда особого назначения. Теперь эта докладная была подшита к делу...

Рядом была служебная записка Витте касающаяся предотвращения возможных несчастий...

«Система движения императорских поездов должна стремиться не нарушать всех тех порядков и правил, которые обыкновенно действуют на дорогах».

Вчера Георгий имел с этим умным и въедливым железнодорожником не очень долгую, но насыщенную беседу – Кони счел нужным вызвать его в Петербург.

– Что вы все таки думаете о причинах столь ужасной аварии? – спросил он после обсуждения деятельности комиссии.

– Ваше Высочество, – почтительно склонив голову произнес Витте. Я не полицейский, а железнодорожный служащий... И мне как железнодорожнику было бы проще всего настаивать на том что имела место трагическая случайность... Так говорят господа Кронеберг и Таубе... Или господа из правления дороги. Это диктует если угодно честь мундира, но...

– Подождите... эта случайность могла произойти ТОЛЬКО на этой дороге? – оборвал его Георгий

– Ваше высочество, – понимающе кивнул Витте – если бы это было так хитро подстроено... но – увы! Мой ответ: везде на этой дороге.

Я не только железнодорожник – я все-таки заканчивал математический факультет... – Сергей Юльевич улыбнулся с легкой печалью. – И как математик я не могу быть неточным – и я скажу что этого бы не случилось если бы не было долголетнего грубого нарушения правил железнодорожных перевозок по всей дороге без исключения. Как говорит старая русская пословица: «С Божьей стихией и царям не совладать». То же касается и современной техники – резюмировал Витте. Это не прежние времена и надеяться на «авось» да «небось» как предки невозможно. Ибо у предков было от силы три лошадиных силы – а в самом маленьком паровозе – четыре сотни коней... Увы – бардак и разгильдяйство в железнодорожном хозяйстве империи вообще и в части эксплуатации царского поезда в частности сделали это все возможным...

...Тем временем – когда впервые всплыл вопрос о вине высших чинов – атмосфера вокруг этого дела стала меняться.

Хотя Посьет через месяц после трагического крушения под Борками был смещен с министерского поста, но почти сразу назначен в Государственный совет с приличной пенсией. Его супруга только и делала что рассказывала в великосветских петербургских салонах, сколь сильно он удручен происшедшим.

В салонах Посьета жалели. Все сходились во мнении, что бесчеловечно было бы публично объявить его виновным. А в харьковских гостиных очень сочувствовали членам железнодорожного правления злополучной дороги – некоторые из них были очень видными фигурами в местном обществе, у них были такие очаровательные жены...

Зато про Кони стали говорить, что он социалист, «красный», «возбуждает рабочий вопрос» и чуть ли не бывший член недоброй памяти «Народной воли». Даже доносы такого рода на него писали.

Как же все быстро забыли, что вообще-то речь шла о царской семье и гибели монарха!

Всплыли и другие подробности – касающиеся уже и самой дороги... И вот когда начали разбираться с этими вопросами – то вскрылось такое что удивился даже старый судейский чин Кони...

Строили Курско-Харьковско-Азовскую дорогу по концессии. Принадлежала она акционерам и была сдана в эксплуатацию раньше запланированных сроков... Но еще в конце 1870-х годов вокруг нее было столько злоупотреблений, что ее инспектировало несколько правительственных комиссий – и от Министерства Путей сообщения, и от Министерства финансов, и от Министерства государственных имуществ. Они судили-рядили и в итоге порекомендовали правительству выкупить дорогу в казну на условиях рассрочки.

Три с лишним года назад – в 1885 году изучить ситуацию на месте был прислан правительственный инспектор – упомянутый Кронеберг. Поначалу он попытался было бороться со злоупотреблениями, но его усилия никто не поддержал и в итоге он махнул рукой. Как отметил Кони, не преминувший взять его в оборот, чиновник был подавлен, отвечал невпопад. Но обер-прокурору удалось его разговорить... И пока регент читал допросные листы он в ярости изломал не один карандаш.

Кронеберг: Все последнее время я ходил к ним на заседания с револьвером.

Кони: К кому?

Кронеберг: В правление дороги. Мне открыто грозили расправой.

Кони: Не понимаю! Кто Вам грозил? За что?

Кронеберг: (после долгого молчания) Вам известно, что через два месяца правительство выкупает дорогу? Так вот, за последние восемь лет доход правления вырос в шестнадцать раз!

Кони. Поясните – каким образом вопрос о прибыли касается несчастного случая?

Кронеберг: Не знаю кто составлял выкупное соглашение но по нему господину Полякову и его акционерам в течение следующих шестидесяти лет правительство обязывалось ежегодно выплачивать сумму, равную среднегодовой прибыли за последние семь лет. И эти господа сделали все чтобы раздуть прибыль – уменьшили расходы.

Кони: Так Вы можете назвать имена?

Кронеберг: Это не тайна. Барон фон Ган, Поляков, инженер Хлебников...

Кони: Может быть, мы продолжим разговор в присутствии следователя? Вы готовы?

Кронеберг. Готов. Хуже не будет.

Дальше была справка выписанная Витте.

И в самом деле – господа акционеры прибыль увеличивали как могли.

Правление дороги экономило на ремонте подвижного состава, но не забывало мошенничать с закупками угля... Те же лица, что входили в правление дороги, образовали угольную компанию – и сами себе продавали бросовый уголь по завышенным ценам. А убыток покрывали казенной дотацией. И никто не удивился увидев среди контрагентов и заказчиков одни и те же имена...

Ну и конечно закупали вместо нормальных материалов откровенный хлам. Не диво что за семь лет предшествующих катастрофе, чистые доходы компании возросли в семнадцать раз (!!!). Жулики и гешефтмахеры не пренебрегали буквально ничем – словно крысы в амбаре они поедали все что могли, а что не могли – портили. При этом ворочая золотыми делами и снимая гомерические куши – они нещадно эксплуатировали работников, обжимали и обсчитывали на копейках мастеровых, механиков, землекопов... Машинисты проводили в пути по восемнадцать часов и валились с ног от усталости...

Кони, между прочим, сообщил, что до открытия железной дороги в Харьковской губернии было шестьдесят тысяч десятин леса, а на тот момент осталось меньше шести десятин:

остальное истребили якобы на нужды дороги и топливо, пользуясь полным отсутствием контроля. На самом деле древесину вывозили за границу, а на шпалы пускали самый бросовый лес.

Прочтя об этом Георгий не удержался и швырнул в угол обломки очередного ни в чем неповинного «Кох-И-Нора».

Дальше-больше.

Участок пути Тарановка – Борки, на котором потерпел крушение царский поезд, еще летом того же 1888 года был признан аварийным, и машинистам рекомендовали тихую езду. Этот отрезок пути был введен в эксплуатацию всего за два года до крушения, но он изначально был уложен с превышением допустимого угла наклона, балласта насыпали меньше нормы, и насыпь постоянно оседала и размывалась дождями. Строили торопливо, шпалы клали бракованные, слабые, как следует поддерживать рельсы они не могли, а за два года кое-где и вовсе прогнили и рассыпались в труху. Правда, перед проходом чрезвычайного поезда балласт подсыпали, а шпалы заменили... на снятые с другого участка по причине их негодности.

Обычные поезда дорога худо-бедно выдерживала, хотя некрупные аварии случались часто.

Но тяжелый царский поезд на скорости в шестьдесят с гаком верст и сильно раскачивавшимся первым паровозом создал ненормально сильное боковое давление на рельсы и наконец разорвал их. Будь шпалы качественные, все бы, может, обошлось – проездил же этот состав десяток лет. Но шпалы были слабые и не выдержали. Паровоз сошел с рельсов, массивные царские вагоны раздавили находившиеся перед ними вагоны полегче, и довершил картину развалившийся министерский вагон Посъета. Шпалы оказались разрезаны вплоть до вагона наследника-цесаревича, стоявшего в составе десятым.

И вот итог – записанный Анатолием Федоровичем Кони четким почерком на бумаге с золотым обрезом и водяными знаками...

«Не имеется какой-то единой причины сего трагического происшествия – если только не говорить о преступном неисполнении всеми своего долга».

Вот так – «всеми своего долга». ВСЕМИ!

Если бы железнодорожных жуликов хорошенько встряхнули в 1885, если бы Таубе отцепил злосчастный министерский вагон, если б Кронберг и Кованько настояли на том чтобы снизить скорость на скверном участке...

И вот – погиб Император, а наследник, ставший государем Николаем II превратился в инвалида, неспособного выполнять царские обязанности.

Чёрт – насколько же Витте был прав!

Анатолией Федорович привел список тех кто должен быть по его мнению отдан под суд – Таубе, Шернваль, Черевин и, наконец – Посъет. Кроме того, само собой разумеется на скамью подсудимых должны были сесть и члены правления Курско-Харьковско-Азовской железной дороги – как за хищения так и за то, что довели дорогу до столь опасного состояния.

А ниже была приписка – говорившая что это на данный момент невозможно. Как оказалось – привлечь к суду персон такого ранга в России было делом неслыханным. Посадить машиниста или стрелочника – наконец начальника дистанции – это по нашему....

Но вот что касается ответственности министров и прочих высоких сановников – так об этом прежде и речи не заходило.

Более того – законами Российской империи вообще не была предусмотрена процедура привлечения министров к суду...

Прежде конечно бывали случаи когда высшие чины и генералы оказывались в немилости – но все решалось личной императорской волей – обычно отставка и опала...

Последним всерьез наказанным сановником был фельдмаршал Миних – сосланный в Сибирь впрочем не за какие то вины – а просто потому что был сторонником Анны Брауншвейгской... Как много однако предстоит сделать...

* * *

10 февраля 1889 года дело о крушении слушалось в Регентском совете. Члены совета решили перенести рассмотрение вопроса на полгода, поскольку было непонятно, что будет с Императором Николаем II.

Регентский Совет выслушал подробный доклад Кони и согласился, что судить следует всех главных виновников: не взирая на чины и прошлые заслуги. Тогда же Регент Е.И.В.В.К. Георгий отдал распоряжение министру юстиции разработать и провести через Государственный совет соответствующий законопроект.

Новый закон был вскоре принят. По нему вопрос о предании министров суду сперва должен был идти на рассмотрение императору, а затем, «удостоясь высочайшего уважения», поступал в Государственный совет. После чего передавался в особое присутствие при Государственном совете и там уже окончательно голосовали за отдачу под суд, прекращение дела или наложение взыскания без суда.

* * *

5 марта 1889. Зимний дворец

В столовой, обшитой дубовыми панелями, было прохладно – впечатление усиливали белая скатерть и белая с золотом мебель.

Сегодня Георгию предстоял семейный ужин.

Вошёл камер – лакей с большим подносом: суп «консоме», подогретые московские калачики и соленые витые батоны, индюшачья котлета с перцем и мускатным орехом...

В молчании царская семья трапезничала...

Было тихо – казалось что они одни в этом огромном дворце...

Как регенту бы не хотелось – но пока что никак сменить эту привычную главную резиденцию русских государей на что-нибудь еще не получалось...

...Трёхэтажное здание Зимнего с его обширными подвалами и полуподвалами и многочисленным антресольным этажами, с его композицией из ступенчатых углов, с изменчивым ритмом колонн создающих впечатление, незабываемой торжественности и великолепия. Внутренность тоже не уступала наружному декору.

«Тронный зал», «Белый зал». «Парадная опочивальня», она же «Алмазный покой». «Фельдмаршальский», «Петровский» и «Гербовый» залы.

Малахит, яшма, орлец, крепчайший карельский лабрадорит...

Камень – всюду камень, строгая белая лепнина на вид кажущаяся плотным снегом...

Несмотря на то что уже скоро лет сорок в здании была устроена система отопления «аммосовскими» печами нагнетавшими в комнаты коридоры нагретый чистый воздух через особые каналы, в воздухе витала некая неизбывная прохлада... Словно усилий множества истопников суевившихся в подвалах у огромных топок не хватало чтобы протопить каменную громаду. Не зря в помещениях стоят каминные – чтобы хоть их живой огонь отчасти прогнал это ощущение гранитного холодка.

Надо бы поменять тут отопление на надежное паровое...

Но никакому отоплению не изгнать холод прошлых злодейств и несчастий.

Слишком много приключалось всего в этом дворце такого, что давит тяжелее этих стен, слишком много того что англичане называют «skeleton in the cupboard».

Тут умерла Екатерина Великая – и тело монархини еще не остыло когда примчавшийся из Гатчины Павел Петрович вместе с Безбородко и Кутасовым жгли в камне документы преж-

него царствования среди которых были видимо и завещание в пользу Александра I, и метрика о венчании царицы с Потемкиным...

Здесь 14 декабря 1825 года один человек решил судьбу династии уже приговоренной заговорщиками.

Полковник лейб – гвардии Финляндского полка Александр фон Моллер, член тайного общества, со своим батальоном занимал караулы от Зимнего дворца до Адмиралтейства, неотлучно находясь при Николае I. Он мог арестовать всю семью и отдать на расправу сподвижникам – и не было бы тогда ни отца ни деда – еще мальчика – ни само собой его – Георгия (Да и была бы Россия?) Но полковник выполнил свой долг солдата и верноподданного – хотя в заговоре состоял едва ли не с самого начала.

Почему фон Моллер поступил так? Бог весть – прадед насколько известно никогда этого не доискивался – лишь повелел «оставить без внимания» показания других мятежников о фон Моллере. А сам Александр Федорович дослужившийся до генерал-лейтенанта не оставил записок.

...Да, глубока и полна противоречий человеческая душа! В 1837 году Зимнем дворце случился пожар, который тушил лично царь... Он смело бросался в самый огонь во главе своих гвардейцев – не раз и не два уходя из залов и комнат буквально за считанные секунды перед тем как их поглотит пламя – второй раз в жизни сыграв со смертью в чет-нечет... Сановники потом предлагали снести руины и избрать новую резиденцию. Но государь был непреклонен – дворец был возрожден за два года – на стройке по легендам померло множество рабочих, не покладавших рук ни зимой ни поздней осенью работая в залитых ледяными дождями котлованах... На костях, шептались, стоит дворец – как и вся столица...

(А какой город мира сего не стоит на костях?)

Именно здесь Георгий – еще мальчиком – мог погибнуть когда взорвалась бомба безумного Халтурина.

Фанатик, с изощренной хитростью проникший в придворные столяры, почти полгода таскал за пазухой и в карманах динамит мелкими порциями, хранил его в подушке, рискуя что сваренное на петербургских кухнях студентами – неучами зелье взорвется в любой момент, надыхался ядовитым парами до чахотки... А убил лишь двенадцать солдат – таких же мужиков как он, героев недавно закончившейся русско-турецкой войны... Здесь тот же Халтурин, вешая картину в царском кабинете пока Александр II занимался бумагами за столом, хотел было подойти к ничего не подозревавшему государю со спины и исполнить мечту народовольцев одним ударом тяжелого молотка...

Но не посмел... Не смог поднять руку на незащитного человека? Это вряд ли – скорее просто растерялся. А может просто дело в том что план со взрывом бомбы оставлял шанс бежать, а тут неизбежно был бы схвачен на месте преступления? Или... причина иного свойства? Среди бумаг дела первомайцев нашел Георгий сообщения что когда обсуждался план еще первого покушения Лавров предлагал застрелить монарха с дальнего расстояния из штуцера – когда тот прогуливался в открытом ландо или лично принимал развод караулов у Зимнего... На что Вера Фигнер возразила – мол мало того что пуля оставляет шанс даже при тяжком ранении – так это еще «не подходящая для тирана смерть». Государя всероссийского по ее мысли должно разорвать в клочья в громе и огне – чтобы внушит всем истинный ужас.

Сюда привезли умирать деда (четыре дня назад минула годовщина!), а потом торопливо заменяли мраморные плиты на лестнице, залитые царской кровью...

Нет – наверное все же ему потребуется другая резиденция!

Между тем ужин закончился. После того как слуги убрали, кондитер расставил горки с конфетами, а старый гоф-фурьер, выглядящий не менее как действительным статским советником, в строгом темно зеленом с золотыми пуговицами сюртуке и в белом галстучке принес кофе со сливкам, и миндаль в вазочках, а также еще горячий берлинский штрудель...

Закончился десерт, и унесли посуду. А в приоткрытую дверь проскользнул упитанный серый кот – по хозяйски оглядывавший царскую семью. Он был здесь дома – в коридорах и подвалах Зимнего несли царскую службу множество кошек – потомков привезённого Петром I из самой Голландии кота Томаса и выписанных Елизаветой Петровной из Казани «для ловли большого количества мышей в Зимнем дворце» трех десятков мурлык.

Но появившийся лакей не позволил коту беспокоить августейших особ – подхватил и вынес за дверь – тот даже не мяукнул...

Георгий невольно улыбнулся.

Как покойно и благостно все-таки, – промелькнуло у него. Как при *rara...*

И тут как ножом прямо в сердце и душу ударило острой болью!

Только сейчас, спустя месяцы он вдруг – нет, не узнал и не понял – но *прочувствовал* что отца больше нет с ними. Что уже не войдет он поскрипывая солдатским сапогами, не подхватит на руки маленькую Ольгу, не пожурит Николая за нетвердо выученный урок по стратегии или географии, не похвалит Михаила за хороший рисунок, не вздохнет нарочито над очередной модной шляпкой матушки: «Ох, тебе бы все деньги мои транжирить, Marie!»

Никогда больше...

Невидимая рука сжала ему дыхание, и с минуту – другую он сидел недвижно, глядя на рдеющее угли в камине... Почудилось что в дверях стоит высокая такая знакомая фигура – *уходящая...*

Захотелось вдруг расплакаться – но слез не было.

* * *

29 марта 1889 года. Гатчина

– Так все таки – Николай Матвеевич – из за всего этого могла произойти война? Так сказать настоящая война? – осведомился Георгий. И уточнил – наподобие франко-прусской или австро-прусской?

– Признаться не думаю Ваше Императорское Высочество – хотя бы не исключал такой возможности полностью... – управляющий военно-морским министерством по обыкновению старался быть точным.

С одной стороны сражаться за такой крошечный кусок колониального пирога неразумно в высшей степени... С другой стороны – надо знать характер мышления германцев...

– Тот же Дитрихс действовал вполне авантюристично и воинственно в 1885 – во время спора из за Каролинских островов пруссаки едва не довели до войны.

Испанцы подготовили эскадру для отправки в Пацифику, но Берлин таки отступил. Кто знает? Может и тут бы отступили – но ведь тогда враг не был в прицеле их орудий...

Обратите внимание – немцы не пытаются договариваться ни с туземцам ни с другим державами когда какая-то земля их интересует – они просто приходят и берут. Прямо почти по нашей русской поговорке «А ну-ка отними!» Вот и Новая Гвинея, Соломоновы острова – взяли и никто не решился возразить... В Африке тоже самое... Отобрали у португальской короны Вико – просто заняв его – и все это проглотили... Рано или поздно это должно плохо кончиться...

Адмирал Чихачев покачал головой словно сокрушаясь относительно тевтонской ярости...

Георгий глубоко задумался глядя на стопку газет посвященную кризису случившемуся на другой стороне Земли да еще в Южном полушарье.

...Итак, архипелаг Самоа. Площадь – от силы пара сотен квадратных миль.

Гористые острова, окруженные коралловыми рифами, всего две гавани, не слишком удобные и открытые всем ветрам. Основные морские пути проходят далеко в стороне, полезных ископаемых или просто чего-то полезного – ровно ничего...

Кокосовые и банановые плантации, посадки кофе, несколько сотен плантаторов и моряков и пара десятков тысяч туземцев... Торговцы и плантаторы с миссионерами построили берегах бухты Апия европейский городок с таким же названием, разделенный на кварталы, населенные выходцами из трех стран, управлявшихся их консулами. И всё.

Сказать по правде – будь такой архипелаг к примеру в Балтике – то и тогда Георгий не стал бы из-за него ссориться с соседями.

Однако вокруг этих клочков суши на юге Тихого океана на его глазах завязался узел упорного и опасного противостояния между тремя державами.

Сперва бритты начали исподволь укрепляться на новых землях, затем первую скрипку стали играть немцы, интриговавшие против англичан, и перетягивавшие на свою сторону туземных вождей.

Но и тех и других внезапно опередили американцы, создав правительство из своих местных сторонников, возглавляемое неким полковником Штайнбергером (в Америке как кажется полковников раз в пятьдесят больше чем полков). В ответ на это англичане высадили десант с оказавшегося в водах архипелага корвета «Барракуда», разогнали «правительство», а Штайнбергера арестовали, и вывезли на Фиджи. Разразился дипломатический скандал, который англичанам с трудом удалось замять... В июне 1887 года в Париже произошла конференция трех держав по самоанскому вопросу, окончившаяся ничем. Опять ситуация обострилась. На острова прибывали военные корабли всех трех стран и транспорта с оружием для враждующих племен.

Потом по приказу консула Германии доктора Кнаппе, немецкий десант при поддержке артиллерии с двух канонерок атаковали лагерь местного короля Матаафы, которого поддерживала Англия.

Туземцы однако оказались не промах и отбили атаку – хотя и потеряв много народу.

После этого, разозленные неудачей, немцы захватили английский барк «Ричмонд» с боеприпасами для аборигенов. В ответ англичане и американцы принялись укреплять свои кварталы, готовясь к уличным боям.

...В европейских, американских, австралийских газетах появлялись сообщения о приближающейся почти неизбежной войне между крупнейшими державами, из за островов, которые и на карте не вдруг разглядишь...

11 марта на Самоа прибыл американский крейсер «Трентон» под командованием целого адмирала Кимберли, чтобы сказать свое решающее слово в грядущих боях. Порт к этому времени был заполнен военными кораблями различных стран – три американских корабля, три немецких, да еще английский корвет «Каллиопа». У заряженных орудий в полной готовности дежурили расчеты. Европейские кварталы смотрел друг на друга через прицелы «винчестеров» и «маузеров», превратившись в настоящие военные лагеря. Да к тому же разъяренные туземцы были полны решимости рассчитаться с немцами – для чего собрались под стенами Апия...

В любой момент могла начаться перестрелка между кораблями и драка на суше...

Но наступило 15 марта и внезапно барометр внезапно начал неудержимо падать.

Уже к двум часам пополудни начался сильный шторм, и гавань, уже не могла служить убежищем.

Даже неопытный моряк знал что в таких случаях единственный выход – уйти в открытое море, где только и была надежда пережить надвигающийся тайфун.

Но никто не тронулся с места – ибо уйти это признать поражение.

К ночи шторм перешел в настоящий ураган неслыханной силы – как писали корреспонденты подобной силы буря последний раз разыгралась два десятка лет назад.

Первой погибла немецкая канонерка «Эбер»...

Сорвав с якоря стихия бросала её по всей бухте, пока экипаж тщетно пытался увести корабль от убийственных рифов. «Эбер» столкнулся сначала с американским кораблем «Нипсис», потом с немецкой же «Ольгой». Во время второго удара он потерял ходовые винты. Это был конец. В течение нескольких мгновений корпус беспомощного корабля пропороли коралловые рифы. Из семидесяти семи человек экипажа спаслись лишь пятеро.

Затем с якорей была сорвана злосчастная «Ольга», которую шторм поочередно бросил на многострадальный «Нипсик», затем на «Каллиопу» и наконец на «Трентон», после чего вышвырнул ее на отмель.

На рифах погиб и американский «Нипсис». Крейсер «Трентон», флагман американского флота, был сорван с якорей и потерял руль, вода залила машинное отделение и погасила топки... После этого беспомощный исполин оказался на отмели. Командир корвета «Адлер», капитан Фрице, попытался спасти корабль довольно рискованным маневром. Когда он понял, что не сможет избежать столкновения с коралловым рифом, то решил «перепрыгнуть» его на высокой волне. Но тщетно – волна аккуратно насадила его на клыки рифов...

За ним последовала «Вандалия», затонув рядом с «Трентоном».

Командир «Каллиопы» капитан второго ранга Кейн понял, что в порту его судну грозит верная гибель. Расклепав цепи и подняв до предела давление в котлах, он вышел из порта прямо в лоб тайфуну. Медленно продвигаясь вперед, взлетая на десятисаженные волны, «Каллиопа» все же вышла в открытый океан...

Как хорошо что все это кончилось – во всяком случае, сейчас готовился конгресс в Берлине где скорее всего будет принято решение поделить злополучные острова между САСШ и Германской империей.

... Если оценивать силу эскадр в Апии, то тут явного перевеса не видно, – между тем обстоятельно рассказывал Чихачев. Скорее всего они бы перетопили друг друга. Но вот как бы развивались события после сражения сказать трудно. Немцы могли выслать в Тихий океан эскадру своих больших броненосцев, Их у них восемь штук – две дивизии – это только перво-ранговых которые как раз в прошлом году прошли замену железной кованой брони на стальную катанную – «компаунд».

Кстати – у нас в этом вопросе еще как говорится и конь не валялся... Американцы имеют «Белый флот» – это большие бронепалубные крейсера – но они в Атлантике. С другой стороны у немцев единственные базы в тех местах – это Маршалловы острова и Новая Гвинея – и чтобы дойти до них нужно идти через Суэцкий канал – и если Англия вовлечена в войну то сами понимаете... – он покачал головой.

Хотя если бы немецкие и американские флоты схлестнулись всерьез я бы не поставил на американцев – по крайней мере свое жалование – позволил себе усмехнуться Чихачев. У Америки корабли положим неплохи да вот люди – так себе... Южане прорывали блокаду под носом у многократно сильнейших эскадр и на самодельных броненосцах из старых рельс ухитрялись побеждать новейшие мониторы.

– Какое счастье что Самоанский вопрос нас не касается! – изрек регент покачав головой.

И Чихачев невольно отметил что тот вполне серьезен. И решил что и дальше обращать все в шутку неуместно...

– Боюсь огорчить вас Ваше Императорское Высочество – но у России не очень много шансов избежать большой войны буде такая вспыхнет – тем более война где участвует Германия.

– Вы уверены? – голос Георгия звучал по-прежнему серьезно и весьма заинтересованно.

– Ну – вздохнул адмирал – я знаю стратегию сухопутных войн постольку поскольку – но для англичан и американцев – а они скорее всего действовали бы заодно – стало бы жизненно важным перенести боевые действия на границы Германии. А для этого есть только один спо-

соб – привлечь к войне Францию. А Франция к сожалению ослеплена мечтой о реванше за неудачную войну 1871 года и возвращении Эльзаса и Лотарингии.

Но насколько можно понять Германия без особого труда разгромит французскую армию, возглавляемую теми же самыми генералами и маршалами, которые блистательно проиграли минувшую войну, – не без иронии прокомментировал он.

Флот же французский... – он хитро прищурился. Он силен – но только на бумаге.

Из чуть не двух с половиной десятков броненосцев половина – это панцирные с деревянным и полудеревянными корпусами – причем больше всего – древних «Провансов» «Океанов». А ведь сейчас артиллерия уже не та что даже десяток лет назад – и при обстреле хватит десятка другого снарядов. Если даже внутренний корпус и не загорится как это случилось с «Ришелье» и не будет пробита броня – то не выдержит сама конструкция...

Собственно еще при вашем деде Бутаков об этом говорил – когда великий князь Константин предложил было не мудрствовать лукаво, а строить в большом числе обшитые железом деревянные линкоры – как французы с их «Глуарами», – к случаю вспомнил адмирал.

Из оставшихся, – продолжил он, – чего то стоят по большому счету лишь «Адмирал Дюперре» и «Редутабль». Там шесть штук специальных легких броненосцев для колоний – по сути больших канонерок. Четыре «Террибля» – стреляют раз в полчаса... Нет – ни на море ни на суше они не противники пруссакам.

– И немцы второй раз войдут в Париж? – недоверчиво покачал головой Георгий («А наши то молятся на французские теории – и оружие у них закупать хотят»)

– Если будет куда входить. Сейчас во припомнил, Ваше Высочество, что во время франко-прусской войны специально для штурма французской столицы было заготовлено почти полмиллиона разрывных снарядов... А германское духовенство по этому случаю обращалось к кайзеру с нижайшей просьбой – стереть с лица земли Париж ибо это – де нечестивый «Новый Вавилон».

(«Полмиллиона? У нас в армии сейчас столько есть?»).

– А у нас договоры и с Францией и с Германией – и как бы не повернулось – нам придется выбрать чью то сторону.

– Ну хорошо, Николай Матвеевич. Хорошо что все это в прошлом...

Отпустив управляющего делами морского министерства Георгий глубоко задумался.

Перед внутренним взором регента вдруг предстал Петербург. Не нынешний – а послевоенный.

Город лежал в руинах, разгромленный огнем с тех самых замечательных немецких броненосцев со стальной катанной броней – и не так уж даже важно что вражеская эскадра заплатила дорогую цену за прорыв через минные поля и линию фортов... Пустынный, почти брошенный людьми по улицам которого смело бродят вышедшие из лесов волки... Так же выглядели Вена, Париж и Берлин и даже Бостон – и его не пощадили пушки врагов. Дрейфуют в Атлантике кверху килем хваленые американские крейсера... Лежат неубранные сотни тысяч трупов на полях битв – как по мемуарам очевидцев лежали они после войны 1812 года...

И все это из за каких-то островков на краю света? А главное – это понимание того что по сути бессилён – вздумай немцы или французы воевать – России их не остановить. И придется воевать – без снарядов в достатке и со старыми винтовкам. Липкое тяжелое бессилие завладело им.

Ох «бремена неудобноносимые»!

В дверях появился Кауфман – осведомиться не нужно ли чего – уже вот привык к нему хотя и не назначал вроде ни на какую должность... Должность...

– Михаил Алексеевич, – остановил он подполковника. Скажите – вы ведь собирались просить перевода в свиту Николая Александровича.

– Так точно, Ваше императорское высочество! – отрапортовал артиллерист. Но передумал!

– Вот как? А можно узнать почему?

– Да не сочтете вы за лесть, Ваше императорское высочество, – Кауфман смешался. Но мне почему то нравится служить при вашей особе!

– А почему же?

Кауфман промолчал. А потом вдруг негромко произнес – Мне кажется... у меня еще не было командира лучше... Вас.

Теперь уже удивился Георгий.

– Лесть?? – с привычным недоверием глянул он в глаза Кауфману. Тот не отвел взора Георгий понял – нет, правду говорит. Черт – кажется он не ошибся... Прямо карта сама в руки идет.

– Ну-с – раз так... Как вы посмотрите на то чтобы возглавить мою охрану?

Подполковник ответил не сразу.

– Но, Ваше высочество, – я конечно знаком с этим вопросом – но лишь постольку поскольку служил в лейб-гвардии. А господин полковник Ширинкин...

– Господин полковник Ширинкин – помощник господина Черевина, – сухо и отрывисто сообщил Георгий. А господин Черевин – командовал охраной моего отца... И хотя вины ни того ни другого тут вероятно нет – но мой отец мертв. И это не лучшая рекомендация в моих глазах.

Кауфман помолчал с полминуты потом вытянувшись по стойке «смирно» спросил:

– Когда прикажете принимать должность, Ваше Императорское Высочество?

* * *

13 апреля 1889 года, Зимний дворец, «Гербовый зал»

...Таким образом, по заключению членов консилиума улучшение здоровья и выход Николая Александровича из паралича невозможны и, следовательно, можно говорить о недееспособности Императора. У меня всё, – закончил Груббе и с виноватым видом захлопнул папку...

Заседание Регентского Совета, на котором должен был быть заслушан доклад консилиума придворных врачей о состоянии здоровья Императора Николая II можно было считать оконченным.

– Значит – никакой надежды? – тихо спросила Мария Федоровна.

– Ваше Величество, – Груббе машинально одернул вицмундир придворного ведомства на петличках которого красовались бронзовые римские цифры «VII».

Истории известны чудесные исцеления – но я бы потерял право именоваться медиком если бы обнадежил Вас. Как и родню любого пациента с аналогичным травмами в подобном случае, – уточнил он. Возможны отдельные улучшения – но если состояние Государя не будет в дальнейшем ухудшаться – это можно будет считать врачебной удачей.

– Но позвольте, – высказался Павел Александрович. Я не глубокий знаток лекарского искусства, но знаю что многие люди с параличом из за ран и повреждений, тем не менее в дальнейшем вели достаточно бодрую жизнь и сохраняли умственную и даже отчасти физическую активность и крепость. Причем многие годы! Пусть Его Величество и не сможет принимать парады верхом – но в конце концов в наше время это и не есть неременная обязанность монарха!

– Это так! – кивнул Груббе. Обдумывая возможность излечения... нашего августейшего пациента, я – и мои коллеги тщательно изучили подобные примеры – если хотите можете спра-

вится в Военно-Медицинской Академии. Но это всё как правило случаи когда человек получал на поле боя одну рану – пусть даже и серьезную. Тут же организму молодого царя было нанесено сразу несколько травм – причем любая из них вполне могла закончиться трагически... Однако решающим является двойной перелом позвоночника и глубокий паралич. Еще раз повторю – если удастся добиться стабильного прогноза и в дальнейшем – мы почтем свой врачебный долг исполненным.

– Но может быть... – начала Мария Федоровна. Может быть в будущем найдется средство или метод...

Губы ее задрожали.

Георгий ощутил острую жалость к матери.

Еще недавно молодая и хорошо выглядящая цветущая женщина сорока четырех лет выглядела сейчас почти старухой.

В последнюю ее поездку в Харьков Николай вдруг опасно заболел – всего лишь попросил открыть окно – проветрить комнату – поддавшись обманчивому ощущению весны и тепла. И вот сквозняк, простуда, жар, испуг в глазах медиков и сестер милосердия...

...Императрица сама дежурила у постели сына. В течение десяти дней она почти не ложилась спать и не раздевалась. У кровати была поставлена кушетка, на которой она отдыхала и, если можно было, позволяла себе немножко вздремнуть. Но почти всё время она сидела возле находившегося в полубреду сына, бодрствуя и молясь.

Сидя у постели Николая, Мария Фёдоровна прикладывала компрессы к его пылающему лбу, следила за тем, чтобы вовремя давали лекарства – а иногда просто держала его за руку. Помочь ему она ничем не могла. Она с радостью отдала бы жизнь, если бы это избавило царственного сына от страданий, но помочь ему было не в её силах.

Простуда все же отпустила брата из своих когтей... Но в остальном все осталось как было. Уповая на помощь Царя Небесного что не оставит царя земного в Харьков со всей возможной почтительностью было привезено несколько прославленных чудотворных икон – чем вызвали насмешки в интеллигентной среде – мол эвон какое мракобесие (впрочем смеялись немногие и вполголоса – сочувствие к Николаю II было сильно даже в этих полунигилистических сферах). Был привезен из Петербурга сам Иоанн Кронштадтский, которого всерьез называли чудотворцем.

Но как изрек отец Иоанн беседе с матушкой – также как подобает уповать на помощь Господа – также и кощунственным будет требовать от него чудес.

Слухи вокруг состояния царя тем временем только усиливались.

Утверждали что дескать монарх страдает от ужасных болей и не раз уже просил дать ему яду. Говорили и иное – что мол изначально повреждения были и не так уж тяжелы и была надежда на хотя бы частичное выздоровление. Но де Николая II «залечили» по воле «кагала», имевшего давние претензии к российским властям, «врачи-жиды» – Лейден, Захарьин и Гирш.

Регент покачал головой. Определенно кто-то на юдофобии помешался.

Записать в еврей знаменитого германского клинициста Эрнста Виктора Лейдена приглашенного Груббе – он бы мог еще понять. Но Григорий Антонович Захарьин – между прочим как не без удивления узнал Георгий – родственник династии Романовых (он принадлежал к древнему московскому боярскому роду Захарьиных, родоначальником которого считается Захарий Иванович Кошкин)? Его-то каким боком сподобились приписать к «избранному народу»?

А уж то что Густав Иванович Гирш верой и правдой служивший трём императорам – включая Николая, происходит из семьи эстляндских крестьян – это знал всякий хоть немного вхожий ко Двору.

Между тем в Министерство двора на личные адреса лейб-медиков начали поступать письма и телеграммы из за границы от медицинских светил того или иного калибра – предла-

гавших свои многообещающие (и столь же сомнительные) методики лечения. Даже из самой Америки приходили проспекты пресловутых «патентованных средств» – иные даже готовы были предоставить их даром – только за одну славу царских аптекарей.

Разные изобретатели и непризнанные врачи – новаторы слали чертежи лечебных приборов – на взгляд Георгия напоминавших нечто среднее между произведениями безумного механика и орудиями изощренных пыток.

Мария Федоровна даже несколько раз спрашивала – может быть все же есть за этим всем некая надежда? Ведь наука в нынешнем веке достигла и в самом деле изрядных успехов – вдруг и столь тяжкие травмы поддадутся ее усилиям? В конце концов – не так давно еще смеялись над Пироговым и не оценили гениального Зиммельвейса!

(Георгий при мысли об этом зло сжал зубы – какими же мерзавцами надо быть чтобы пытаться сделать имя и деньги используя материнское отчаяние!)

На это Вельяминов и Захарьин показали вдовствующей государыне подборку статей на разных языках рассказывающих о жертвах докторов-обманщиков и о процессах над ними. И та печально вздохнув, приказала секретарю все подобные письма сжигать, ей не показывая.

Даже предложивший было свои услуги ставший знаменитым тибетский лекарь Бадмаев после изучения царского анамнеза и разговора с Захарьиным с глазу на глаз, виновато развел руками. Среди его рецептов, которые он по слухам похитил у хранивших их тысячелетия «махатм» тоже не оказалось тех, что могли бы поднять императора на ноги.

Так или иначе – и без консилиума окончательно все уверились в мысли что государя исцелит лишь чудо.

За чудотворцами и всякого рода колдунами дело впрочем не стало. Опять пошли письма – писали провинциальные батюшки и помещики средней руки и всякие темные личности – мол у них есть кандидатура которая точно поднимет монарха на ноги. Мелькали имена и известные в обществе и никому не ведомые... Богомолка Дарья Осипова, «странник Антоний», ворожея Матрена-босоножка, юродивый Митька Козельский... Красноярский вице-губернатор Мартьянов сообщил что дескать шаманы северных самоедов в их губернии чуть ли не мертвых оживляют – о чем известно осведомленным людям – и он готов поймать и прислать ко двору парочку.

Не удержавшись Георгий показал письмо Бунге – мол Николай Христианович, полюбуйтесь кто служит в провинциях российских. И глава Комитета министров разразился желчной речью что у господина Педашенко, енисейского генерал-губернатора, либерала и вольнодумца в подчиненных оказывается ходят натуральные мракобесы.

(Да – пресловутому Мартьянову теперь уж точно не стать губернатором – разве что новоучрежденной самоедской губернии).

Пожаловали и иноземцы – австриец-спирит Шенк и выписанный из Франции фрейлиной Евдокией Джунковской некий мсье Филипп. Как выяснили жандармы господина Шебеко – в прошлом – лионский колбасник, затем фельдшер-самоучка; преследовался французской полицией за шарлатанство и обман клиентов.

Даже Витте получил послание от своей помешавшейся на мистике тетке – госпожи Блавацкой. Она передавала предложение небезызвестного Папюса – приехать и посрамить врачей своей магнетической силой. (У Сергея Юльевича хватило ума и такта это письмо матушке не показывать – он о нем сообщил лишь Георгию)

Конец всему этому положил лейб-медик Вельяминов, сказавший что даст всем этим кудесникам ход в царские покои лишь если они на его глазах вылечат хоть одного выбранного им больного:

«Например от их флюидов у безногого вырастет нога!» – со злой насмешкой уточнил он.

Шенк на ломанном русском пообещал что проклянет маловеера – на что Вельяминов обратился напрямую к Дурново (которого знал лично по учреждениям Императрицы Марии).

И чины министерства внутренних дел в свою очередь пообещали наглецу что или он уберется обратно в Австрию – или уже без помощи всяких чар перенесется в Сибирь – по этапу: согласно сразу двум статьям «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных».

Однако то, что страждущий монарх был избавлен от шарлатанов и патентованных мошенников с их патентованными средствами, не могло отменить неизлечимости его болезни.

И все чаще в разговорах о будущем матушка вдруг умолкала, внимательно глядя на второго сына, словно готовясь высказать нечто важное – но не решаясь.

– Так какую же рекомендацию можете дать Регентскому Совету *вы?* – вернул его к реальности голос великого князя Владимира.

– Прошу прощения, Ваше высочество, – с достоинством ответил Груббе. Мы лишь показали ситуацию какой ее видит медицина. Делать выводы государственного характера из вышеизложенного – сугубо не в нашей компетенции. Решение за вами, господа...

Расходились в молчании.

Статуи древнерусских воинов у входа провожали их каменными взглядами...

* * *

12 мая 1889 года

Императорский поезд прибыл из Петербурга на харьковский вокзал в одиннадцать часов утра. Весь путь он столицы занял намного больше чем обычно – мало того что от Брянска пришлось двигаться кружным путем из-за размытой дороги так еще и ехали со скоростью не больше чем сорок верст в час...

Само собой эти люди дули на воду – как бывает всегда после катастроф – есть в этом что то от языческого суеверия – как у предков Рюриковичей что крестили извлеченный из могил прах предков-язычников... Поезд это называли – неофициально – Особым. Всего четыре вагона – конвойный, кухонный – где обитала прислуга, и два пассажирских. В одном прибыли аж два великих князя с немногочисленной свитой. В другом – со столь же скромной свитой Вдовствующая государыня Мария Федоровна. На вокзале они все сели в закрытые кареты и под охраной полуэскадрона кавалергардов двинулись к «Временной Резиденции Его Императорского Величества, Государя Императора Николая Александровича». Горожане не обратили особого внимания на кортеж – они привыкли что охраняемые повозки – не говоря уже о ландо с чиновниками и верховых фельдъегерях появляются на их улицах почти ежедневно. Поговаривали даже – уж невесть откуда возник сей слух – что Харьков официально станет если не первой то второй столицей – раз уж беспомощный монарх никак не может покинуть его без риска для жизни. Были и более мрачные слухи – добавлявшие седых волос жандармам и военным. Что де «нигилисты» бежавшие за границу собрали особую «Когорту обреченных», которая в некий урочный час тайно прибыв в Харьков атакует бывшее губернаторское жилище неся на себе адские машины. Что польские заговорщики поклялись истребить все августейшее семейство, и первым – несчастного царя-калеку, для чего думают пустить на его убежище воздушный шар с большим разрывным снарядом в корзине... Ну и тому подобный вздор который однако надо было проверять...

Так или иначе – но кавалькада благополучно добралась до цели. Крыльцо, прихожая, вестибюль, коридор – обычный дом шестидесятых годов. Запахи – ладана – видимо недавно служил священник; каких то неуловимых – неразличимых лекарств, и кухни, вперемешку с запахом сапожной ваксы и выделанной кожи – так пахнет дворцовая кордегардия...

Словно стараясь оттянуть неизбежное (хотя именно так и было – но как признаться самой себе в этом?) Мария Федоровна – и вошла в одно из помещений – наугад...

В узком двухпросветном зале второго этажа царил сонный полумрак. На диванах расселись караульные с подсмены, вскочившие при ее появлении.

На столе в глубокой фаянсовой миске румянились творожники с изюмом. На столе – севрюжья икра в запотевшей стеклянной вазе, свежий каравай, и изрядный кусок хлебной ветчины, укутанный в мокрую льняную салфетку. Но конвойцы еще к трапезе не приступили – словно находясь в вялой полудремоте.

Она покинула помещение не отреагировав на приветствие.

Зато внизу, в кухне первого этажа было довольно оживленно.

Вместо обычных дворцовых поваров – солидных и пожилых здесь ловко управлялся худощавый, юркий малый лет тридцати в красной рубахе и с короткой белой курткой поверх нее. Колпак ему заменяла белая косынка. Это и был знаменитый ныне на всю Россию Мирон Гурьевич Глотов – которому как раз недавно дали почти забытый придворный чин метрдотеля – между прочим двенадцатого класса по Табели о рангах. (Глотов сам и относил еду царю).

Ему помогали два поваренка и немолодая дородная тетка – серое платье и белый двусторонний немецкий фартук с кружевной оторочкой. Это была бывшая вице-губернаторская кухарка Марья Васильевна – царский повар взял ее в помощницы ибо у её прежнего хозяина имелись геморрой и желудочные колики – и она хорошо готовила блюда для недужных... Сейчас на подносе стоял второй завтрак для государя.

Каша – рисовая сваренная на свежем козьем молоке. Куриный бульон – крепкий и осветленный стерляжьими отжимками. Клюквенный морс в высоком стакане... При появлении вдовствующей царицы мундкохи истово поклонились – но та лишь принюхавшись к блюдам и оставшись видимо довольна качеством, покинула храм Кулины.

Поднявшись по парадной лестницы и пройдя за выстроившихся уже кавалергардов, Мария Федоровна наконец – то вошла в покои государя. Повелительный жест – и немолодая сиделка вспорхнула с низенькой табуретки и исчезла за дверью.

...Полумрак из за задернутых тяжелых штор, запах лекарств и все того же ладана, измученное лицо монарха на подушке. Мягкая бородка обрамляла ставшее почти иконописным лицо.

Мария Федоровна еле удержала слезы при виде сына...

Исхудавший, кости проступившие под обтянувшей лицо бледной кожей... Он всегда был такой жизнерадостный, улыбчивый...

– День добрый, матушка! – негромко приветствовал он гостью.

– Сын мой, – начала Мария Федоровна даже не присев.

Она едва ли ни всю дорогу обдумывала как начнет этот разговор, но сейчас поняла – рубить нужно сразу и без долгих околичностей – ибо перед лицом всего что случилось перед лицом своего страдающего ребенка все экивоки и политесы будут не просто излишни, но тошнотворны.

– Сын мой... Обращаюсь к вам и как к сыну и как государю – и к русскому человеку... Обращаюсь к вам как мать и как государыня всероссийская...

Это мой долг и как матери и как члена правящей династии. Затем последовала пауза с минуту наверное.

– Вы должны сложить с себя императорский сан, – выговорила твердо и спокойно Мария Федоровна. Мне тяжело это говорить... Видит Бог если бы я могла что-то сделать чтобы изменить случившееся...

Она не стала произносить вслух те мысли что посещали ее без малого всякий раз когда она видела старшего сына. Что предпочла бы погибнуть в тот день вместе с возлюбленным супругом – лишь бы ее старший сын и наследник престола был бы здоров и цел.

– Но как бы то ни было Ники вы стали императором не имея возможности им быть, – продолжила она. И значит – единственное то вы можете сделать ко благу России – это отречься

в пользу брата. О том вас прошу как мать – и как императрица. У царствующих особ есть свои долги и обязанности – и первейшая – служение державе.

Бледное исхудалое лицо монарха вдруг озарила грустная и какая то по-особому светлая улыбка.

– Матушка, – вам не нужно было это говорить мне. Это я должен был сказать вам об этом первым. Не зря видать я родился в день Иова-многострадального... Быть по сему, – произнес после паузы Николай.

Пусть все подготовят к завтрашнему дню – я не знаю право как положено для отречения...

Бумаги, свидетели – наверное архиепископ должен присутствовать...

– Да конечно – сын мой, – произнесла Мария Федоровна и торопливо вышла. Разрыдаться она себе позволила лишь в передней, буквально упав на руки подоспевшего Павла Александровича...

* * *

Сего дня ровно в полдень в присутствии Матери вдовствующей императрицы Марии Федоровны, великих князей Павла Александровича, Владимира Александровича и высокопреосвященного Амвросия, Архиепископа Харьковского и Ахтырского, Государь Император Николай Александрович отрёкся от престола в пользу Регента Цесаревича Великого князя Георгия Александровича. Цесаревич Великий князь Георгий Александрович был провозглашен Императором Георгием Александровичем...

«Биржевые Вѣдомости» 13.V.89

МАНИФЕСТ

Об отречении Государя Императора Николая Александровича от престола Российского и о сложении с себя верховной власти

Сообразуясь с советами приближенных наших и заключениями врачебными, не в силах нести бремя государя всероссийского по недугу телесному, признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. В согласии с законом мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Георгию Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновению царю и помощи ему в державном правлении и дальнейшем шествии державы по пути благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Подписал: Николай г. Харьков. 13 мая 1889 г.

* * *

МАНИФЕСТ

О восшествии Его Императорского Величества, Государя Императора Георгия Александровича на Прародительский Престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского

По сложению братом нашим Николаем Александровичем по тяжкой болезни Его Престола Всероссийского и согласно воле его Мы, в этот печальный, но торжественный час вступления Нашего на Прародительский Престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, приемлем священный обет перед Лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспеяние, могущество и славу России

благо и устройство счастья всех наших верноподданных. Всемогущий Бог, Ему же угодно было призвать нас к сему великому служению, да поможет нам...

На подлинном, Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Георгий».

Начертав последние слова, Георгий Александрович Романов – уже семь часов как Царь отодвинул от себя исчерканный листок с манифестом о собственном восшествии на трон и с каким-то остервенением отбросил перо. Он решил написать его сам. Не от того что не доверял придворной канцелярии и Герольдии. Просто в сочинении этого короткого документа и в шлифовке его официальных и торжественных фраз он пытался отвлечься от тяжести навалившегося на него. Да – это был очень тяжелый день. Конечно он знал – знал заранее – даже без разговора с матерью накануне, без заседания Регентского совета месяц назад, на котором все признали то что и та было ясно – надежды нет, и согласились – больной парализованный царь страной править не может. И пришедшая из Харькова в двенадцать часов тридцать три минуты телеграмма можно сказать оставила его равнодушным. Радости не было – да и какая может быть радость? Не было и облегчения – даже того невольного с каким приговоренный, измученный ожиданием, выслушивает судьбу...

И слова обращения в Богу в манифесте были не только данью традиции и обычаю. Просто – ему и в самом деле не на кого больше надеяться кроме как на Всевышнего. И на себя...

* * *

Ни придворным историографам, ни иностранным ученым, ни русским мемуаристам не удалось ничего узнать о дате и обстоятельствах разговора Марии Федоровны со средним сыном, в котором она убедила его принять корону и не возражать против отречения брата. Также неясно в какой именно форме было получено согласие колебавшихся великих князей – хотя вероятно Вдовствующая Государыня сумела каким-то образом изолировать двух главных сторонников идеи продолжения регентства – в. кн. Владимира Александровича и в. кн. Николая Николаевича заручившись поддержкой большинства менее значимых членов семьи. Об этом много спорят – мы же предполагаем, что Георгий Александрович был поставлен матушкой перед фактом – и эту тяжелую обязанность она взвалила на свои не по-женски крепкие плечи единолично.

Морис Палеолог. Д.Милюков. Начало великого царствования. 1934 год. Изд. во Сытина. Москва

* * *

Первым указом подписанным императором всероссийским Георгием I стал подписанный в то же день -13 мая – указ о переименовании Санкт-Петербургской академии наук в Российскую Императорскую академию наук и о назначении Великого князя Константина Константиновича её Президентом. Позже в этом будут искать символизм и скрытый смысл – но тот год вообще был урожайным на символы и знамения – хотя скорее всего люди просто видели их там где в прежние времена не разглядели бы ничего особенного.

* * *

29 июля 1889 г. Гатчина.

...Гатчина была в свое время подарена цесаревичу Павлу Петровичу царственной матерью с одной целью: удалить его от двора, с глаз долой...

И этот подарок нелюбимому сыну как ни странно пришелся ему весьма и весьма по вкусу. И отнюдь не красота природы влекла Павла Гатчина – здесь он устроил себе особый мирок, во всем отличный от ненавистного петербургского – мира материнских фаворитов и шепота по углам насчет судьбы отца и сомнительности происхождения.

За неимением другого дела, вся деятельность его мятущейся энергичной природы свелась к устройству маленькой «гатчинской армии» – нескольких батальонов, отданных под его команду. И забота об их обмундировании и выучке поглотила его всецело. Мечты о порядке в государстве преобразовались в хлопоты о высоте кивера и белизне этишкета.

Не менее властно чем прусский порядок и регламент Павла Петровича влекли к себе рыцарские идеалы... И воплощением их он нашел в Ордене госпитальеров, или иоаннитов, сиречь орден Святого Иоанна Иерусалимского, чаще называемый просто Мальтийским – Гроссмейстером которого он стал.

Был и план похода в Индию, и война с Бонапартом и скоропалительный мир с ним...

Кончилось все печально – монарх умер «апоплексическим ударом...»

Потом почти семьдесят лет Гатчина была всего лишь одной из резиденций семьи Романовых. А в 1881 на нее обратил внимание новый государь.

Резонно опасаясь новых покушений, он удалился в Гатчину, во дворец своего прадеда, спланированный как старинный замок, окруженный рвами и защищенный сторожевыми башнями.

И вот теперь его второй сын – уже третий месяц как тоже государь – решил что пока лучше ничего для загородной резиденции он не найдет. Пока что... Место обжитое привычное с детства опять же. Да и все что нужно для жизни с удобствами имеется электричество, телефон, водопровод и канализация новейшего образца, а вместо печного отопления – удобные и изящные калориферы...

А также особые каретки-подъемники, подававшие пищу из буфетных в жилые покои по электрическому звонку – быстро и прислуга не вертится на глазах.

...Император Георгий Александрович занимался обычным царским делом. А именно – изучал государственные бумаги. На данный момент это были донесения из МИД. Как сообщал посланник в Берлине граф Шувалов со ссылкой на некий источник в верхах Кайзеррайха. кронпринц Вильгельм – наследник умирающего кайзера проявляет явные признаки русофобии – одобряя идею «устранить Россию как фактор силы». Правда Бисмарку пока удастся убедить его в том что это гибельный путь – не без труда.

Георгий глубоко задумался – как ни крути, а пресловутый германский вопрос имеет первостепенное значение – от мира и нормальных отношений с этой скороспелой империей весьма многое зависит в судьбах российских. Этим надо заниматься особенно внимательно. «Это враг которого придется превратить в друга – но в конце концов в этом и состоит искусство правителя».

Но это трудно будет – ох трудно!

Как вспоминал отец на похороны Александра II приехал кронпринц германский Фридрих, и военный министр Милютин, не теряя золотого времени, этим воспользовался: Утром отправился в полной форме и в ленте ордена Черного Орла к наследному принцу германскому и имел довольно длинную аудиенцию. Предметом разговора была борьба с инсургентами и смутьянами – Милютин внушал пруссаку необходимость общеевропейских мер в борьбе с разрушительными учениями анархистов и нигилистов. Ведь никакое правительство не в силах справиться у себя с подпольными злодеями, пока они имеют безопасное убежище в Швейцарии, Париже и Лондоне, откуда исходит главное направление всех злодейских замыслов и достав-

ляются средства. В этой борьбе заинтересованы все государства, а не одна Россия. Наследный принц соглашался во всем, кивал и обещал ходатайствовать перед отцом о соответствующих решениях.

И все. А потом отец обнаружил просматривая берлинские газеты, десятки раз повторявшиеся злорадные фразы, что русское правительство «со своими нигилистами» еще долго будет сильно думать, раньше чем «решиться на энергичную политику против Германии.»

Да – уж ничего не поделаешь. Однако же придется. Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет.

Он принялся листать бумаги за прошлые месяцы – вдруг чего-то упустил? Вот самое важное наверно. 19 мая Парламентом Великобритании принят «Билль о морской самообороне»

Дело это тянулось с начала года...

4 января 1889 года премьер – министр Солсбери принял делегацию представителей крупнейших приморских городов: Глазго, Эдинбурга, Ливерпуля и Ньюкасла. В петиции, которая была передана правительству Ее Величества, выражалось «глубокое чувство тревоги ввиду опасности, угрожающей нашей торговле и крупным торговым портам». Подписавшие петицию призывали правительство «не терять времени в деле разработки и осуществления планов, гарантирующих безопасность наших городов и способных восстановить серьезно поколебленное чувство уверенности, которое является существенной предпосылкой торговой деятельности и процветания». Встревоженные быстрым ростом флотов других держав и сознавая, что благосостояние Британии и даже само ее существование зависит от морской мощи, морские специалисты и все газеты единодушно твердили одно: «Англия поднялась благодаря своему флоту и с уничтожением его она погибнет» и что сила британского флота – в сравнении, с флотами соперников – упала ниже, чем когда-либо «со времен Нельсона». «Таймс» своей передовицей потребовала от правительства представить свои соображения «в зрелой форме и как можно скорее».

В Адмиралтействе также не теряли времени даром: военные моряки представили доклад, в котором подчеркивалась необходимость создания флота, способного вести войну против России и Франции одновременно.

Лорд Солсбери, как он сам с неудовольствием признал, оказался вынужденным заставить Великобританию принять участие в гонке с другими державами в области морских вооружений. И парламент не в пример другим случаям не мешкал.

Уже в марте 1889 года соответствующий Билль был внесен в парламент.

Этот документ был рассчитан на десять лет – предполагалось построить восемь броненосцев первого класса, два броненосца второго класса, девять бронепалубных крейсеров, три десятка крейсеров серии «Медея». Сверх того – четыре легких крейсера серии «Пандора» и еще восемнадцать торпедных канонерских лодок. Английский парламент принял этот закон, и бюджет Адмиралтейства, утвержденный незадолго до этого, увеличился еще на четверть. Рост военно-морского бюджета сопровождалось решительными заявлениями – мол Британия не потерпит покушений на свое морское владычество и должна иметь флот сильнее, чем объединенные флоты двух самых крупных после нее морских держав.

Всего заказано было кораблей на астрономическую сумму: двадцать один миллион пятьсот тысяч фунтов стерлингов – что составит примерно четверть миллиарда рублей.

Георгий вдруг невесело усмехнулся. Сумма безумная конечно – если б в казну российскую свалилась с небес хоть половина... Так он бы спел на радостях «Арию Индийского гостя» А почтенный старец Бунге вообще так наверно «русскую» сплясал прямо на заседании Комитета министров!

Но только вот эта колоссальная груда денег – менее трети тех что ушло на последнюю войну с турками.

Однако всё-ж – какие все таки скоты эти великобританцы! Воистину обер-скоты как выражался батюшка. И так не проплыть никуда без того чтобы увидеть брыластую морду Джона Буля и пушки его кораблей...

*Как полил тысячерукий бритты
Цепкий флот раскинули кругом
И владенья вольной Амфитриты
Запереть мечтают как свой дом!*

Без малого сто лет этим строкам Шиллера – а как вчера написано. Да – вот уж правду сказать – где-где, а на море с Лондоном нам не тягаться... А мы и не будем! Ну что там дальше?

Новый лист, опять четкий почерк министерских писцов и регистраторов – с завитушками и без единой помарки.

На этот раз отписался Азиатский департамент МИД.

21 мая в Османской империи основана партия названием «Общество османского единства». Основные цели – восстановление конституции 1876 и созыв парламента. Любопытно – парламент и политические партии с этой с позволения сказать «конституцией» завелись уже и у отсталых закосневших в диких обычаях турок. Правда вид они принимают вполне себе азиатский – и противоречия в меджлисе решаются не дебатами, а как и раньше в серале – кровушкой и резней. Разве что вместо ятаганов – штыки и скорострельные винтовки. Дела у турок к слову идут прескверно – после того, как команды нескольких кораблей, взбунтовались, требуя выплаты задержанного за год жалования, угрожали обстрелять Стамбул, султан Абдул Гамид, повергнутый в ужас, приказал снять с кораблей важнейшие детали машин и орудий, и спрятать их в своем дворце.

Что еще? А вот тоже небезынтересно...

Опять Германия – рейхстагом принят закон о страховании рабочих от нужды в старости и во время неспособности к работе, хотя при обсуждении этого закона он подвергся резким нападкам как недостаточно достигающий цели.

Как сообщал все тот же Шувалов «изданием его была почти исчерпана программа социальной реформы в том смысле, как её понимал князь Бисмарк, для которого рабочий вопрос составлял, в сущности, только средство прикрепить рабочий класс к правительству посредством страховых и иных учреждений, сосредоточенных в руках администрации».

Можно ли что то подобное завести в России – пресловутый рабочий вопрос он конечно терпит – но и его надо решать? Ладно – это воистину не к спеху.

27 мая состоялось начало Большой Азиатской экспедиции – в Восточный Тянь-Шань и Наньшань. Во главе – молодой, но уже заслуженный географ Григорий Ефимович Грум-Гржимайло, на счету которого исследования западного Тянь-Шаня, Кашгарии, Памира, и Гиндукуша.

Экспедиция вышла согласно телеграмме 27 мая из Джаркента через Восточный Тянь-Шань, горы Бэйшань и Наньшань имея конечной целью выйти к берегам реки Хуанхэ. Во главе Экспедиция само собой во имя науки – но и не только...

По поводу этой экспедиции имеется подробное определение военного ведомства... Не только изучить эти прежде неведомые цивилизованному человеку края, но и выяснить – смогут ли там пройти войска, как быстро и в каком количестве.

Ну интересно – как вернутся дай Бог с успехом – почитаем отчет. Ну и ордена с производствами в чине не замедлят...

Георгий хитровато улыбнулся.

Да-с господа англичане! Это не моря которыми вы вроде как владеете – тут крейсера вам не помощники. Вы ведь сравнивали свой спор с Россией с игрой в покер? Даже с «Большой игрой»? Хорошо – но только в картишки то ведь и проигратся можно. Дотла!

Как проиграл свою игру придумавший сие словосочетание сэр Артур Конноли лишившийся головы по воле эмира Бухарского Насруллы (деда вассала Георгия) которого англичанин попытался обмануть.

12 июля во Франции раскрыт заговор Жоржа Буланже.

Прямо как в какой-нибудь Венесуэле или Мексике честное слово – заговор военного министра против власти!

Но Буланже тоже хорош. Скороспелый генерал – что есть то есть – храбро воевавший с пруссаками. А став министром не в пример нашим фрунтовикам быстро перевооружил армию на скорострельную винтовку и снаряды с меленитом, заодно повышая довольствие и облегчая муштру...

При этом – политикан и шулер каких поискать! Сперва – почти что революционер не хуже прости Господи тех парижских коммунаров, травил заслуженных офицеров за одни лишь симпатии к монархической идее, одновременно провозглашая скорейшую войну с Германией. Война сия должна была «смыть позор 1870». Затем не порывая с радикалами ухитрился вступить в тайные сношения с обеими монархическими партиями страны – и с бонапартистами и с легитимистами стоявшими за Бурбонов. И почти примирил их...

Экий винегрет однако! Даже новое политическое течение изобрел – «буланжизм». Не рыба ни мясо – с одной стороны монархия с другой революция... В голове у бывшего почти революционера при этом форменная каша – новая форма правления должна стать республика – точнее *как бы* республика – но с главой Бурбонского дома графом Луи-Филиппом Парижским в качестве президента... Самому Буланже полагался пост верховного главнокомандующего. И все это не просто не тайна – про это пишут в газетах и обсуждают в парижских кофейнях! Нонсенс!

Но однако слабоват в коленках оказался новоявленный диктатор. В то время как его сторонники ждали от него государственного переворота Буланже испугался ответственности, а разоблачительные статьи в газетах окончательно добились его... Ему бы ударить – но он как истый временщик колеблется и сомневается... В марте наконец принято решение Верховного суда его арестовать – но он пребывает на свободе до апреля и спокойно уезжает в Бельгию. И только потом объявляют о раскрытии заговора... Да уж – ля белле Франс не перестает удивлять. Воистину – это не страна, а черте что!

Особенно с учетом того что случилось там всего через два дня после громогласного разоблачения давно проваленного заговора. 14 июля состоялся Парижский конгресс II Интернационала. Они объявили 1 мая ни много ни мало «Днём солидарности рабочих всего мира» и предложил ежегодно отмечать его демонстрациями с социальными требованиями.

Охранное отделение доложило что и в России имеются желающие последовать призыву...

Ладно – пусть попробуют – смутьянов будем давить без стеснения. Горячие головы хорошо остудит стужа акатуйская. А вот... напоследок осталось самое неприятное. И тоже политическое.

31 мая жандармами была арестована бомбистка Софья Михайлова Гинсбург.

Георгий вчитался в строки донесения. Родилась в 1863 м, приняла православие, потом учительствовала, а затем примкнула к народолюбцам – уже после цареубийства. Но ничего серьезного там не было – собрания на квартирах с пением бунтарских песен да разговорами...

Четыре года назад уехала за границу в Париж (ну вот опять Париж!), где знакомится с идеологом террора Лавровым. В прошлом году с подложным паспортом возвращается в Россию. Так – а это уже другое дело – деятельное участие в петербургских военных кружках... «По данным негласных осведомителей «Онегина» и «Ромашки» за границей вместе с Исааком

Дембо участвует в изготовлении разрывных снарядов». И вот такая особа живет себе в России. А полиция – ни сном ни духом.

Попалась не из-за усердия филеров и не из за доносов столь лелеемых охранкой провокаторов (небескорыстно лелеемых – поговаривают рептильные фонды господра стражи трона используют не без выгоды-с).

Просто нелепая случайность – 14 февраля сего года – как раз когда Георгий только обдумывал что делать с результатами работы следственной комиссии, мадам забыла в магазине портмоне, в котором находился проект прокламации, на случай... удачного покушения на «Всероссийского душителя регента Георгия Романова». На него стало быть!

Вот так – никого не казнил и в крепость не упрятал и даже подумывал из ссылки коекого из политиков вернуть – а уже «всероссийский душитель».

Следствие закончено, можно судить – и вот насчет приговора появилась заминка.

Анатолий Федорович Кони – ох известный либерал! – заранее предложил кровожадную девицу помиловать. Формулировка была обтекаемая и в общем на вид разумная.

Дескать, общество все больше сочувствует казненным, а начинать царствование виселицей не комильфо... Опять же казнь женщины... Вечная каторга или пожизненное заточение в крепости избавят от угрозы не менее надежно.

Добавочно было указано – что мол у нас в России даже самых страшных уголовных злодеев – иные убили не двух или пятерых – по два, а то и три десятка покойников на каждом – и то не вешают. (Да – а ведь и в самом деле упущение!) Тем более заговорщики практически разгромлены – «Народной воли» ни «Черного передела» нету – остались эмигранты да горсточка людей таящаяся в подполье и холодеющая при виде городского...

Георгий отложил лист и глубоко задумался.

Заговорщики разгромлены? Бомбы однако делают и прокламации пишут. Но пусть и разгромлены. А надолго ли? Он когда еще висела в воздухе гипотеза что катастрофа – дело рук злоумышленников прочел отчеты по прежним покушениям.

И эти бумаги его огорошили.

Например опаснейший заговор Нечаева был раскрыт чисто случайно. Софья Перовская допустила оплошность: при аресте не успела уничтожить записную книжку с фамилиями женщин-связных, жен и любовниц распропагандированных Нечаевым солдат Петропавловской крепости. Оттуда то ниточка и потянулась. А уж как нашли кончики – так просто хоть стой хоть падай. Ибо собирался этот безумный сектант – убийца захватить царя – его отца Александра III и его приближенных во время молебна в соборе Петропавловской крепости.

Перовская потом уже после ареста, признавала что именно план Нечаева мог принести успех... Офицеры и солдаты, участники заговора, были арестованы, судимы военным судом, разжалованы и сосланы. В «Приговоре к делу о пропаганде среди солдат» было записано, что «команда дошла до такой степени деморализации, что почти в целом составе впала в тяжкое преступление». Казенный язык – в таких выражениях отчеты о конском падеже какого-нибудь ассенизационного обоза составляют. А ведь от написанного в пору волосам на голове дыбом встать!

Как однако все просто... И страшно! Один сумасшедший – а Нечаев действительно был безумцем – фанатиком, собиравшимся построить не какую то утопию или царство справедливости как пресловутые социалисты (хоть и тщетная мечта, но хоть понятная и где то даже и простительная). Нет – на месте несчастной России согласно его планам должна была быть воздвигнута воистину держава самого Сатаны в которой предполагалось умертвить чуть ли не четырех из пяти жителей! Так вот – один сумасшедший – без денег без сторонников наверху какие были у декабрьских заговорщиков восемьсот двадцать пятого года – сидя в тюрьме (!!!) создает опаснейшую организацию... из собственных тюремщиков (!!!).

Но все же если подумать и не решать с кондачка... Может в мысли старого судейского волка Кони всё же есть резон – мучеников у пресловутого «дела свободы» и так хватает? Из тех же декабристов так просто икону какую то слепили (а между прочим ни один из них про свободу витийствовавших за пуншем да «Клико» своих то крепостных не отпустил!) Занудные и бесталанные литераторы Герцен с Чернышевским кумирами читающей публики стали – ей бы волю дать – так в гимназиях заставили бы бедных детишек изучать про скорбного умом князя спавшего на гвоздях!

Если помиловать дуру – иудейку – оставив сидеть в крепости до седых волос – глядишь и порадуется *общество* да похвалит молодого царя. Или не похвалит, а все равно назовет сатрапом и «душителем всероссийским»? Как же поступить? Может дождаться пока суд своим чередом вынесет приговор – а там может и решать не доведется – потребует какой-нито либеральный прокурор из молодых двадцать лет – а суд и утвердит... А если нет? Пристойно ли откладывать неприятное на потом в надежде что все само как – нибудь образуется?

Георгий вспомнил восемьдесят второй год... То чему стал свидетелем будучи ребенком. На одном из раутов в Аничковом дворце некая молодая графиня, побывшая на Семеновском плацу когда казнили заговорщиков погубивших деда, громко и весело повествовала о том, как «Мадам Перовская танцевала, вися на петле...» Георгий был еще мал чтобы оценить те слова, но даже он заметил как отразилось на лицах собравшихся некое неприятное тяжелое чувства. А один бывший при этом старый вельможа засверкал глазами на рассказчицу и грозно сдвинул седые брови. Он как будто хотел что-то сказать, но вместо слов отмахнулся рукой и быстро вышел из комнаты...

А еще – письмо перехваченное жандармами. Некий разночинец вспоминал казнь царевубийц каковой стал очевидцем. Оно тоже было среди отцовских бумаг...

«...Вторым был повешен Михайлов. Вот тут-то и произошел крайне тяжелый эпизод, вовсе не помянутый в отчете: не более как через одну-две секунды после вынуждения ступенчатой скамейки из-под ног Михайлова, петля, на которой он висел, разорвалась, и Михайлов грузно упал на эшафотную настилку. Гул, точно прибой морской волны, пронесся по толпе; как мне пришлось слышать потом, многие полагали, что даже по закону факт срыва с виселицы рассматривается как указание свыше, от Бога, что приговорённый к смерти подлежит помилованию; этого ожидали почти все...»

Михайлов поднялся сам и лишь направляемый, но не поддерживаемый помощниками палача, взшел на ступеньки скамейки, подставленной под петлю палачом Фроловым. Последний быстро сделал новую петлю на укрепленной веревке, и через пару минуты Михайлов висел уже вторично.

Секунда, две... и Михайлов вновь срывается, падая на помост. Больше прежнего зашумело море людское. Однако палач не растерялся и, повторив уже раз проделанную манипуляцию с верёвкой, в третий раз повесил Михайлова. Медленно завертелось тело на веревке. И вдруг как раз на кольце под переладиной, через которое была пропущена веревка, она стала перетираться, и два стершиеся конца её начали быстро и заметно для глаза раскручиваться. У самого эшафота раздались восклицания: «Веревка перетирается. Опять сорвется». Палач взглянул вверх, в одно мгновение подтянул к себе соседнюю петлю, влез на скамейку и накинул петлю на висевшего Михайлова...»

Вот так...

Ловкий однако малый этот Фролов! Интересно – поднесли ему потом рюмку водку или просто дали трешницу? Или расщедрились на «красненькую»?

И вот сейчас эта Гинсбург!

Он представил себя на том плацу – ведь наверное захотел бы остановить казнь – просто что называется *по человечеству*...

Но ведь цареубийцы должны быть покараны – смерть царя и смерть убитых царских слуг – да и простых обывателей погибших от бомб неотмщенной остаться не могла... Иначе – что станет с законом и справедливостью? В памяти опять ожило прошлое – на этот раз тот страшный день когда деда привезли в Зимний дворец после взрыва бомбы Гриневицкого... Пятна крови на мраморных ступенях по пути в царские покои куда их – детей – привел отец – цесаревич Александр Александрович – которому оставалось быть цесаревичем меньше часа... Тяжелый запах лекарств и смерти. Кровоточащая наскоро забинтованная культя на месте правой ноги, множество ран на лице и голове, угасший взгляд умирающего... Брат Ники, смертельно бледный, в своем синем матросском, плачущая матушка, все еще держащая в руках коньки – известие о цареубийстве пришло когда они готовились отправиться на дворцовый каток... Отец стоял у окна, опустив могучие плечи, сжимая до боли кулаки и тяжело, страшно молчал...

Георгий невольно проглотил комок в горле.

И вот **этих** – миловать??!

Но одно дело всё понимать и совсем иное – видеть самому как дергается на «глаголе» живой человек казнимый по твоей воле.

Такова если подумать участь царя – обратная сторона жизни каждого властителя...

Право и обязанность обрекать людей на смерть – будь то несколько преступников или десятки, сотни тысяч солдат во время войны..

Поднявшись Георгий вышел в зал ротонду, машинально кивнув лейб-гвардейцу у дверей кабинета.

Тут никого кроме него не было – все адъютанты и дежурный генерал находились в другом крыле – если потребуется – явятся, а мозолить глаза царю лишний раз незачем.

Зал был обставлен гарнитуром золоченой мебели дворцовых мастеров, а на полу расстелена огромная шкура азиатского тигра поднесенная отцу депутацией самаркандских туземцев.

(Некстати вспомнился рассказ гатчинского обер-егермейстера – тигра этого дабы не попортить шкуру не застрелили, а отравили подбросив на охотничью тропу приправленное особыми местными ядовитыми травами мясо свежезарезанного козла. Экое, однако, зверство!)

Как резиденция, Гатчина что ни говори была великолепна: дворец, вернее, замок, представлял собой обширное здание, выстроенное из тесаного камня, прекрасной архитектуры и вполне удобной планировкой.

Дворец украшен зеркалами и золочеными консолями с мраморными вазами и светильниками венецианского стекла тончайшей работы, мраморные каминные, обшитые дубовыми панелями гостиные...

При дворце имелся обширный парк, в котором росло множество старинных дубов и других деревьев. Прозрачный ручей вился вдоль парка и по садам, обращаясь в некоторых местах в обширные пруды, вернее, озера. Вода в них была до того чиста и прозрачна, что на глубине трех-четырёх аршин видны были камешки на дне, и в этих прудах плавали большие форели и стерляди – их иногда подавали к царскому столу.

Здесь жила семья государя Александра, тут прошло детство Георгия. Многие втихомолку злословили – дескать слаб духом царь – не в пример деду и отцу. Спрятался в Гатчине будто медведь в берлоге. Это про человека стоявшего на линии огня на Дунае и под Рушукком.

Легко судить других когда не в тебя снаряды с гремучим студнем кидают! Впрочем... все чаще посещала молодого императора дума – только ли от людей из «подполья» ждал удара отец?

Вспомнить хоть историю со Скобелевым... Он над французами с их Буланже смеялся – а ведь и в России был схожий тип (хоть в чем то мы европы опередили!)

Михаил Дмитриевич Скобелев – «Белый генерал» – самый молодой и популярный военачальник – без лести и много более старшие генералы называли его «современным Суворовым». Первым ворвался в Хиву, заставив ее капитулировать. Победитель Коканда. Герой

Шипки, Плевны и Ловчи... Пожалован Золотым оружием и возведен в генерал-адъютанты. Потом – опять Туркестан. В январе 1881 года, взяв сильную туркменскую крепость Геок-Тепе, Скобелев присоединил к России богатый и цветущий Ахалтекинский оазис. Александр II дал ему чин генерала от инфантерии и орден Св. Георгия II степени. Пойди все как полагалось – быть бы Скобелеву фельдмаршалом и стать в ряду таких людей как Потемкин, Кутузов, Барклай-де-Толли и Паскевич. Да он и так уже считался признанным первым полководцем России. Покоренные азиаты боготворили его почитая «Ак Пашу» чуть не вторым Искандером – Александром Македонским. Однако прогремел взрыв первого марта...

Когда в Туркмению пришла весть о цареубийстве, Скобелев немедленно отправился в путь – и на каждой станции его встречали как триумфатора, а встреча в Москве превзошла все что можно было ожидать: генерал-губернатор князь Долгоруков, который должен был сопровождать полководца в Петербург, едва сумел пробиться к его вагону, так плотно стояли тысячи москвичей на площади перед вокзалом. (Это ведь, минуточки во дни траура – почти сразу после царских похорон!) Прибыв в Петербург, Скобелев прежде всего поехал на могилу Александра II, и только после этого – в Зимний дворец. Отец принял его холодно, даже не предложив сесть – и не в одном нарушении устава было дело...

Что уж случилось с рассудком этого не обиженного ни судьбой ни властью человека что он перестал быть тем кем был раньше – слугой трона и России – неведомо. Но случилось. Правда, матушка как-то обмолвилась – еще пару лет назад – что *слухи* доходили до двора еще и прежде...

Победоносцев, сразу же разобравшись в существе дела, написал Александру III большое письмо, призывая царя непременно привлечь Скобелева на свою сторону. Георгий нашел его в бумагах отца – он их толком не разобрал еще...

«С 1 марта вы принадлежите со всеми своими впечатлениями и вкусами не себе, но России и своему великому служению, – писал обер-прокурор Синода. Нерасположение может происходить от впечатлений, впечатления могут быть навеяны толками...» И дальше – что такой человек как Скобелев уже принес России огромную пользу и принесет еще больше – если не отталкивать его, а вернуть на должный путь...

В итоге увещевать Скобелева отправился лично Лорис-Меликов. «Белый генерал» пригласил его в свой вагон. Оставшись наедине, он разволновался, даже разрыдался и, нес какую то на взгляд Георгия слезливую ахию – словно слабонервная дама или испитой разночинец – неудачник. Убеждал Михаила Тариэловича ни много ни мало учинить мятеж.

«Дальше так идти нельзя. Все, что прикажете, я буду делать беспрекословно и пойду на все. Я не сдам корпуса, а там все млеют, смотря на меня, и пойдут за мной всюду... Я готов на всякие жертвы, располагайте мною, приказывайте!». И обиняками изложенный план – о, дерзкий и безумный – но как и нечаевская затея могущий сработать – арестовать царя и упрятав все августейшее семейство под надежной охраной в каком-то из дворцов единолично править от имени монарха. При участии «хунты» – ну точно как в какой-нибудь дикой южноамериканской республике – с Лорис-Меликовым в качестве второго лица.

Потом Меликов доверительно поведал Кони: «... Это мог быть роковой человек для России – умный, хитрый, отважный до безумия, но совершенно без убеждений». Убеждение одно у него все таки было – война с немцами и австрияками – и чем быстрее тем лучше!

Кончилось все однако грешно и смешно.

Как-то хорошо погуляв в «Яре» генерал после обеда у барона Розена, поехал в гостиницу «Англетер», что стояла на углу Петровки и Столешникова переулка.

Там в первом этаже занимала роскошный номер знаменитая московская кокетка Элеонора Альтенрод (видимо на интимные аспекты немецество «Белого генерала» не распространялось).

Что уж там случилось – неизвестно но поздно ночью испуганно всхлипывающая демимонденка выбежала во двор и сообщила швейцару, что у нее в постели умер какой-то офицер. Это оказался Скобелев.

Говорили что умертвила его «Священная Дружина»: некая секретная организация из знатных дворян, имеющей целью «тайными путями оберегать особу государя». (Та, которую в обществе именовали не иначе как «Клуб взволнованных лоботрясов».)

Другие кивали на масонерию (а как же без нее?), на турок, применивших «секретную азиатскую отраву». Третьи подозревали Германию и лично Бисмарка.

На то были вроде как основания. Уж слишком неприлично радовалась печать в Берлине и Вене. «Пусть панслависты и русские слависты плачут у гроба Скобелева. Что касается нас, немцев, то мы честно в том сознаемся, что довольны смертью рьяного врага. Никакого чувства сожаления мы не испытываем. Умер человек, который действительно был способен употребить все усилия к тому, чтобы применить слова к делу.» И весьма похоже что генерал и в самом деле умер накануне применения слов и мыслей к делу – правда не к немецкому.

Незадолго до того случилось странное происшествие.

Управляющий Скобелева Иван Ильич Бессонов реализовал по его приказанию все ценные бумаги, продал золото, хлеб из имений, заложил недвижимость собрав без малого миллион и... сошел с ума.

«Я и не знаю, где теперь деньги, – жаловался Михаилу Тариевичу Скобелев. Сам он невменяем, ничего не понимает. Я несколько раз упорно допрашивал его, где деньги. В ответ он чуть не лает на меня из-под дивана. Впал в полное сумасшествие... Я не знаю, что делать!»

Зачем ему вдруг понадобились деньги – целый миллион? Вот так – вдруг и внезапно?

Может и не просто так казначей «глядевшего в Наполеоны» человека лишился рассудка? Что всё-таки было на самом деле в той истории – и что случилось с «Белым генералом»? Кто отдал *приказ* если таковой был? А кто единственный в державе имел право отдать его? Была ли это прямо выраженная отцовская воля, или просто брошенное вскользь мнение что дескать Скобелев может быть опасен и «дело сие надобно разрешить»?

Кто *разрешил*? Ведь еще живы и Лорис-Меликов, и московский губернатор Долгоруков – и он может задать любому из них прямой вопрос. И наверное если задать его правильно и с должной волей они не посмеют солгать в лицо своему государю. Или посмеют? А он – осмелится ли он узнать правду? И нужно ли это ему? И можно ли судить тех кто это сделал?

...Войны значит хотел «Белый генерал»... Не понял он того что понял батюшка – дорого слишком становятся войны в эпоху крупновских пушек, и шрапнели. И не в том положении матушка Россия чтоб вот так лезть в войну.

Народ беден – ведь зря говорят умники из журналов да чайных что власть этого не знает... Целые уезды живут впроголодь. Да и в урожайный год бывает что крестьянин ест хлеб с мякиной. Жилища – бедные избы или городские лачуги его – сырые, вонючие.

У народа мало больниц – оттого до половины (Боже!) детей умирает. Но удвой число этих больниц – все равно число их будет на миллионы населения.

Землю пашут сохой как при Иване Грозном – истощая почву и учиня драки со смертоубийствами из за дележа скудных полос.

Война ведь тогда удачна когда тыл крепок. А не так как в Крымскую компанию когда не потеряв по сути почти ни клочка земли в битвах – подписали кабальный мир – «по невозможности продолжать военные действия»

Да и по части военной тоже не все хорошо... Как выяснил недавно Георгий общаясь с генералом Гурко – у нас еще состоят на вооружении древние гладкоствольные единороги – в качестве крепостных пушек-картечных.

Да и в войсках большая часть орудий – устаревшие уже системы с клиновыми затворами образца 1867 года. Да разве одни пушки? Еще не полностью перевооружили солдат на новей-

шие винтовки Бердана, значительная часть стрелков по-прежнему довольствуется ружьями Карле и Крнка с картонным патроном и игольчатым механизмом.

Тут еще предстоит сделать много – чтобы если все ж придется драться не повторилась Крымская компания – когда даже офицеры шли в бой имея сомнительной надежности однозарядный пистолет и дрянную саблю которую совестно было обнажить ибо она гнулась, как проволока. Частенько приходилось нашим воинам пользоваться трофейным кавказским бебутом и даже банальным кистенем. Это в то время когда почти каждый британский офицер был вооружен револьвером еще до начала высадки в Крыму. Это только одна мелочь – на фоне штуцеров и пароходов. Но мелочь показательна...

Он то это понимает – а вот генералы... Взять хоть Драгомирова – тоже еще орел... Мол не Европа мы – не нужны нам эти новомодные штучки – наше дело – «брать нутром». «Святая скотинка» – так он называл солдат – врага любого одолеет... Без пулеметов и пушек – штыком дедовским – когда его называли «штыколюбом» за глаза с гордостью соглашался.

Право слово, натуральный Минотавр!

Однако же пора и к делам вернуться...

Георгий возвратился в кабинет, рассеянно ответив на отданную часовым честь, и уселся за стол.

Перечитал еще раз донесение насчет Гинсбург. Повертел зачем-то бумагу в руках... Нет – к черту!! Главари «Народной воли» в своей прокламации после убийства деда заявили, что де убили Государя ибо «историческая справедливость существует и для него, как для всех». Для всех – значит для всех!

И, перекрестившись, поперек листа начертал:

«Министру юстиции, генерал-прокурору Сената г. Манасеину.

Полагаю правильным по возможности судить без снисхождения – по первому разряду. По поводу же помилования – в нем будет заранее отказано»

Затем размашисто расписался. Вот уж воистину «Подписано – и с плеч долой!»

За окном уже садилось солнце. Может быть закончить на этом и лечь пораньше спать? Тем паче – завтра – поездка в Ораниенбаум...

* * *

Все Романовы на протяжении своей жизни вели дневники. Мужская часть семьи и женская. Принадлежащие к ним по крови и те кто вошел в круг царственной Фамилии благодаря браку. Даже известный своей трагической судьбой Николай Александрович сделал перерыв менее чем на два года и в дальнейшем не прекращал делать записи – последняя относится к дате за день до смерти. Собственно в ту эпоху ведение дневников было не просто hobby как сейчас – но элементом быта, методом воспитания в детстве и юные годы, способом приведения в порядок мыслей и дел в зрелости, а также отдохновением в старости. Так или иначе – сейчас нам известны дневниковые записи всех членов правящего Дома. Всех кроме императора Георгия. Дневник великого князя Георгия, опубликованный по меньшей мере трижды (в двух мемориальных сборниках и приложении к мемуарам Вдовствующей Императрицы Елены Филипповны) тут не имеется ввиду – он оканчивается днем отъезда семьи государя Александра III из Ливадии. Но нам неизвестно ни одной личной записи касающейся времени регентства и царствования. Само собой мы не говорим про пресловутый «Ежедневник тирана» (Париж, 1922) – сборник лжи и клеветы состряпанный поляком-эмигрантом Оссендовским по заданию французского Департамента Пропанды. Или прогремевший в 30-е «Тайный дневник императора Георгия» – послуживший основой для целой серии голливудских подделок вроде «Северного гарема» и «Царской охоты» (и в подлинность которого скорее всего не верили и сами американские публикаторы). Мы располагаем лишь слухами, что после кончины

Георгия Александровича его бессменный помощник – генерал-адъютант Джунковский-Второй вместе со вдовой почившего предали огню какие-то личные бумаги великого царя – согласно его последней воле. Но скорее всего он действительно не вел дневника – достопамятная катастрофа оставила слишком сильный отпечаток на всей его личности. И его неведомые миру радости и слезы так и остались навсегда неведомы миру.

Иван фон Фелькерзам. «Георгий Великий в зеркалах истории»
Гельсингфорс (Хельсинки). 1968 год

* * *

«Царь еще не Бог, но человек – лишь отчасти».

Михаил Павлович Романов, великий князь, генерал-фельдцейхмейстер

...В комнате было двое – юная девушка с небольшим алмазным знаком приколотым к груди декольтированного платья простого кроя и совсем молодой мужчина одетый по последней моде. – Сегодня жаркий день, – произнес он совершенно обычным тоном. – Вы не против, дорогая если я сниму фрак? Не ожидая ответа, он скинул свой элегантный, сидевший на нем как влитой белоснежный фрак, затем бросил его на спинку стула. В селадонного оттенка муслиновой рубашке, с изящным французским разноцветным галстуком, он выглядел непринужденно и в то же время в высшей степени импозантно. Юная фрейлина опустила глаза, смущенная его взглядом; кровь бросилась ей в лицо, когда он, пройдя через комнату, присел рядом с ней. Она была одета по обычной придворной моде – с плеч спускался широкий полупрозрачный шарф, кружева на платье казались почти невесомыми, тонкая, затянутая в корсет талия. На лице была смесь тщательно таимого испуга и одновременно – неподдельного восторга. Алина Райнина недавно принятая на службу фрейлина Вдовствующей императрицы Марии Федоровны нервничала. Не далее как сегодня утром лакей вручил ей письмо в розовом конверте. Приглашение посетить Охотничий домик, выпить чашечку чая, полакомиться мороженым... Приглашение неподписанное – но она знала от кого и зачем. Государыня промолчала – но статс-дама Нелидовская объяснила начинающей фрейлине что состоять она будет не столько при матушке царя сколько при нем самом. При этом маленьком дворце. Первой мыслью несмотря ни на что был ужас... Но за ним пришло согласие... Что поделать – разорившаяся семья с заложенными именьями, отец, погрязший в долгах, брат которому нужна протекция по службе... А на удачную партию после того известного скандала (о, и почему она потеряла голову?) рассчитывать не приходится. Ну и потом – это же Царь! Но все же она откровенно трусила – и одновременно ожидала...

* * *

Когда то – в далеком 1743 году Ораниенбаум был пожалован еще не старой Елисавет Петровной наследнику престола Петру Федоровичу. Здесь под его началом построили потешную крепость на южном берегу Нижнего пруда и речки Каросты, названную Петерштадт. Одновременно со строительством крепости возвели и дворец – не похожий ни на прямолинейный холодный классицизм уже утвердившийся в России – ни на французские новомодные образцы. Итальянец Ринальди и в самом деле сумел найти нечто необычное – небольшой, почти кубической формы двухэтажный дворец – скорее даже особняк, увенчанный балюстрадой. При этом, один из углов был обрезан по плавной дуге, образуя главный фасада. Благодаря этому дворец можно было обозреть сразу с трех сторон. Эта оригинальная выдумка давно почившего итальянского маэстро придала неповторимое своеобразие дворцу, миниатюрное здание которого казалось солиднее, значительнее, не приобретя при этом мрачной тяжеловесности...

Окна второго этажа – по сути высокие стеклянные двери, в своей нижней части защищенные кованными решетками тонкой работы. После смерти царствовавшего считанные месяцы Петра III резиденция пришла в запустение. Постепенно разрушались строения крепости, дичал и вырубался вороватыми крестьянами и дворцовыми ораниенбаумскими слугами на дрова разбитый тут же итальянский сад. В 1802 году солдаты Аракчеева снесли сгнившие деревянные крепостенки и барбаканы. От Петерштадта остались лишь земляные укрепления, Почетные ворота и этот крошечный дворец – табакерка. Лишь в 1885 году министерство императорского двора решило дворец отремонтировать. Выписанный из Англии модный архитектор Прейс энергично взялся за дело. Остаткам крепости придали вид романтических античных руин. Рассохшийся изглоданный червями-древоточцами паркетный пол заменили; ободрали старую обивку со стен – обветшалый шелк и сопревший ситец. Стены его украсили произведениями итальянской, фламандской, голландской, немецкой живописи прошлого и нынешнего – XIX-го века – из дворцовых запасников. Палехские живописцы обновили росписи стен Картинного зала работы «лакирных дел мастера» Федора Власова – милое подражание китайским лаковым миниатюрам. А сам дворец переделали под охотничий домик для отца. Но Александр III так и не увидел результатов работы. Теперь новый царь избрал его для иной охоты – галантной (и на его взгляд – куда как более приятной нежели убийство Божьих тварей). Ибо кто как бы не думал – но приличия надо соблюдать. Гатчина – это резиденция это в конце концов *дом*... Опять же – для увеселений нужно место свободное от теней прошлого. Тут его предок что бы о нем не говорили – радовался жизни – по своему: расставлял своих солдатиков, веселился на пирушках со своими голштинцами и играл на скрипке... А в Гатчине, любимом дворце Павла I, было слишком уж много от мрачного прошлого. Например – *та самая* комната с забитой дверью. Там хранилась кровать из Михайловского замка – с одеялами и подушками, окрашенными кровью злосчастного императора. И слуги шептались, что не раз видели по ночам призрака убиенного монарха, бродивший по парадным залам Гатчинского дворца в мантии гротеск-мейстера иоаннитов. Маленький Георгий, в детстве боялся и мечтал увидеть призрак своего деда. Однажды они с Ники, тайком ускользнув от бонн, полночи на цыпочках блуждали по дворцовым переходам и галереям, надеясь и боясь увидеть неприкаянную тень предка. Тут же явно теней и призраков быть не могло... Зато все было как нельзя лучше устроено как раз для разных... невинных шалостей. Парадные комнаты по периметру на втором этаже – передняя, буфетная, картинный зал, спальня, будуар и ванная комната оборудованная на самый новейший манер Первый этаж – где тоже было все что надо – от буфета и кухоньки до комнат где слуги могли подождать пока хозяева отдыхают и водогрейной колонки. И ведущая из покоев тайная винтовая лестница позволяющая незаметно придти и уйти...

* * *

Георгий внимательно изучал даму. Платье с низким вырезом и без всякой отделки открывало молодую белоснежную грудь. Георгий представил, как под его пальцами затвердеют юные розовые соски, и снова улыбнулся. За прошедшее время он уже изучил обыкновенное поведение этих юных созданий – они сопротивлялись исключительно для приличия, из девической скромности. Иные принимали его ласки безрассудно – иные расчетливо – стараясь чтобы самодержец из заметил и отметил... Но... Ладно – сейчас не время долго думать.

Георгий подошел к девушке и протянул руку.

– Пора нам познакомится поближе, Алина. Она прижалась к бархатным подушкам, но ничего не ответила.

– Алина, – мягко повторил он, сжимая ее руку в тончайшей шелковой перчатке.

Но девушка робко высвободилась.

– Я готова, государь, и не имею ни малейшего сомнения... Казалось, она сейчас заплачет.

Но вместо этого Алина вдруг сказала:

– Я бы хотела послушать вас, Ваше Величество. Я право же не думала что... с таким человеком... Вы владеете всем – владеете Россией...

– Ничто из того, чем я владею, не сравнится с вами по красоте и привлекательности, – ответил он и подвинулся ближе. Комплимент тривиальный и даже пошловатый – но ничего больше в голову не пришло.

Алина обречено захлопала ресницами.

– Я хочу первым сказать вам, что вы не только самое милое создание, которое я видел в последние годы, но и то, что больше всего на свете я хочу вас поцеловать.

Алина в ужасе вскрикнула, но он уже обнял ее и притянул к себе.

Она отталкивала его, вырывалась, но он только сильнее прижимал ее.

Алина лепетала в нарочитом испуге:

– Нет! Нет! Оставьте меня, ах оставьте!

Она боролась, но безуспешно, и вот уже она почувствовала его губы на своей щеке.

– Нет! Нет! – снова запричитала она. – Пожалуйста, отпустите меня. Пожалуйста!

Он коснулся ее платья, расстегнул первый крючок и дотронулся до обнаженной кожи...

Потом пришел черед второго крючка и третьего... Повернувшись лицом к царственному возлюбленному, женщина уперлась ладошкой ему в грудь, удерживая на расстоянии и мысленно затрепетав. Георгий прижал ее к себе, его разгоряченное тело чувствовалось сквозь тонкую ткань платья, лишая воли и прогоняя вмиг спутавшиеся мысли. Алина вся затрепетала от теплого дыхания и нежного прикосновения. Ей казалось, что еще немного и она податливым воском растает в его руках. Ослабевшие пальцы скользнули по рукаву рубашки и судорожно вцепились в его запястье, то ли в порыве удержать, то ли разомкнуть.

Георгий почувствовал дрожь в теле. Его плоть уже восстала. Он вкушал аромат ее волос, чувствовал гладкость кожи под пальцами... Соски оттенка светлого пурпура просвечивали сквозь ткань нижней сорочки, грудь оказалась удивительно полной и округлой.

Алина была воистину чувственной мечтой.

Его руки выполняли свою работу без приказа рассудка (бывают оказывается моменты когда разуму лучше отступить). Перед Георгием вдруг открылась обнаженная кожа. Плечи, изгиб шеи, руки... Через несколько секунд платье упало на пол кучей.

Алина повела плечами, потом повернула вокруг себя нижнюю юбку, чтобы развязать завязку. Юбка была почти прозрачной, и как только она упала на пол. Бледно-розовая кожа, длинные стройные ноги, длинные красивые ступни...

Он обвел пальцем ее подбородок и двинулся дальше к уху. Он почувствовал, как откликнулось её тело, и сердце тоже.

...Изящный мозаичный столик был сервирован на двоих, – слуги заблаговременно расставили на нем три вида печенья, сладостей и маленьких бутербродов канапе. Было и то самое мороженное. Оно уже растаяло – двум гостям было не до мороженого.

* * *

Казалось, в мире уже не было ничего, кроме того что они с Алиной остались вдвоем...

Настойчивые, ищущие руки Георгия ласкали ее тело. Напряжение и предвкушение было столь сильным, что Алина не сдержала тихого стога. Когда ладонь легла на бедро, Алина еще сильнее прижалась к мужчине в порыве раствориться в этих объятиях, стать его частью, ощущая нарастающий жар внутри себя... Закрыв глаза, Алина ловила кожей каждый поцелуй, подставляя грудь и чувствуя, как пересыхают губы от частого горячего дыхания. Ей казалось, что желанием наполнена каждая клеточка ее тела, только и ждущая жадных прикосновений монарха. Рывок и легкий вскрик. Алина слабо вскрикнула и приподнялась на локтях... Он

снова забавлялся, играя ее чувствами... Внутри нее кипела кровь от калейдоскопически сменяющихся эмоций, сбивая с толку ее саму. Отодвинувшись, Алина вдруг передумала и яростно бросилась на Георгия, разворачивая и прижимая его к себе... Несколько пуговиц отлетело, остальные женщина нетерпеливо и быстро расстегнула, ныряя ладонями под ткань и пряча лицо на груди. Она была ниже Георгия, поэтому он не мог видеть, как изменилось ее лицо под наплывом страсти. Горячим поцелуем Алина прижалась к нему, замерев на мгновение и вбирая в себя аромат и жар его тела, чувствуя, как уходит страх. В ее эмоциях не было полутонов, она с головой бросалась в страсть, и нежность, которые, порой, разрывали ее изнутри, заставляя бессильно сжимать пальцы, невольно царапая спину, болезненно ощущать желание быть рядом с этим человеком – с ее царем и ее господином, любить и доставлять удовольствие. Сглотнув комок в горле, Алина отстранилась. Сдерживая порыв, нежно провела ладонью по щеке Георгия...

Мягкие тонкие пальцы девушки скользнули вниз по его спине и заставили вздрогнуть от удовольствия. Девушка тихо всхлипнула, почувствовав сильные настойчивые руки, сомкнувшиеся на талии... Алина и сама не понимала, что делает, отчетливо понимая лишь то, что она хочет Георгия. Здесь и сейчас. И это желание нарастало стремительно, сметая сомнения и доводы рассудка. Никогда прежде она не испытывала подобного чувства! Огромная теплая волна захлестнула ее, затопив все ее тело, проникая в каждую клеточку, жарким потоком поднимаясь к губам! Это было так чудесно, так восхитительно! Такое удивительное чудо, такое бесконечное счастье, такой восторг, ощущение полета – она даже представить себе не могла, что здесь, на земле, можно испытать подобное. Георгий почувствовал, как губы ее отвечают на его поцелуи, как ее нежное, гибкое тело точно сливается с его телом, и он стал целовать ее еще более страстно, жарко и требовательно. Словно горячий огненный вихрь закружил Алину, будуар, мебель, всё окружающее ее, – все поплыло перед ее глазами и исчезло, – они были одни на земле, в сияющем свете, ничего и никого не осталось в мире, кроме них и их счастья, их любви! Георгий с трудом оторвался от ее губ...

– Ты так прекрасна!

Эти глаза расширились, и счастье перешло в крайнее изумление.

– Что простите?

– Ты так прекрасна...

– Георгий? – Алина накрыла его руку своей.

– Прости, – выдохнул он и прижался губами к ее губам.

Рука Георгия скользнула по ее шее и ниже, но Алина не двинулась с места. Казалось, что она даже не дышит. Но когда он коснулся рукой ее груди, она задохнулась. Ее грудь тяжелым весом покоилась у него на ладони. Он коснулся большим пальцем соска, изумившись контрасту твердого и мягкого. Алина пискнула.

– Тебе нравится?

Она кивнула, прикрыв глаза, когда Георгий отодвинулся немного, чтобы посмотреть на нее.

– Ты восхитительна! Небольшая упругая грудь казалась теперь еще полнее на фоне тонкой талии и округлых бедер.

Георгий смотрел на нее во все глаза, а она прикрыла рукой темный треугольник внизу живота. Он положил руку поверх руки Алины и прижал ее к телу.

– Не прячься, – пробормотал он. – Ты такая красивая.

Она приоткрыла губы, дыхание ее участилось.

Они все еще целовались, поэтому Алина не сразу поняла, что он убрал руки. Покрывало соскользнуло вниз.

Сначала оголилась ее грудь, потом – живот. Он обхватил ее одной рукой и крепко прижал к себе. Она скомкала покрывало на бедрах.

– Хочу посмотреть на тебя, Aline, – выдохнул Георгий, опустив голову, и сомкнул губы вокруг ее соска.

Георгий обхватил рукой одну грудь, потом – другую, прошелся пальцами по ребрам и коснулся пупка. Он будто изучал ее тело.

Кончик его языка скользил вокруг горячих и влажных сосков, пробуждая в ней что-то спрятанное глубоко внутри. Потом его губы раскрылись, и язык стал ласкать набухшие бутоны сосков, заставляя ее издавать глухие стоны.

Его язык долго дразнил ее, чередуя то ласковые и нежные прикосновения, то жесткие и властные, пока Алина не сдалась и не застонала от наслаждения.

На нее обрушилась волна эмоций, каких она прежде никогда не знала. Она совсем потеряла голову от желания. Ее тело захватило власть над ее разумом, и оно получит то, что хочет.

Алина, наконец, отпустила покрывало и освободила руку, которую удерживал Георгий. Она вцепилась в его плечо, восхищаясь крепостью мышц. Он следил глазами за ее рукой, потом медленно поднял голову и встретил ее взгляд.

Широкие зрачки казались невероятно черными, как будто за ними скрывался колодец с черной водой.

Она слышала, как гулко стучит под ее ладонью его сердце. Он снова провел рукой по её груди:

– Тебе нравится?

Алина закрыла глаза, отсекая непонятное чувство страха, которое охватило её.

– Да, – услышал он её шепот.

Он повернул ее к себе спиной. Она на мгновение почувствовала напряжение, но его тело отвлекло Алину от неуместных мыслей. Георгий прижался к ее спине, точно соответствуя всем изгибам ее тела. В этом положении напряженная плоть Георгия коснулась её... Мягко, но сильно он перевернул юную женщину на живот... Она подалась ему навстречу...

– Ооооо! – застонала Алина и инстинктивно попыталась высвободиться – но Георгий пресек порыв. Он знал что не нужно быть стеснительным... И Алина покорно обмякла... Прошло немало времени, прежде чем он оторвался от нее и лег рядом с ней. Теперь ее глаза были закрыты, но она быстро нашла место рядом с его плечом и положила голову ему на грудь. Так они пролежали в объятиях минут пятнадцать. А потом он решительно развернул ее к себе...

Она жадно глотнула ртом воздух и изогнулась от прикосновения Георгия. Ее пальцы и губы ласкали его тело, и он забыл обо всем, кроме ее аромата, легкого прикосновения рук, изысканных мучительных прикосновений языка. Она двигалась всем своим телом по его телу, ее волосы скользили по его коже, как шелковые нити, возбуждая и волнуя. Пока они ласкали друг друга губами и прикосновениями, в нем нарастала, как волна, ликующая страсть. С каждой минутой нежности росли его сила и пыл. Она лежала под ним, а он скользил по ней, находя губами каждый вершок ее тела. Он нежно ласкал ее груди и, когда у нее стали вырываться короткие вздохи, спустился ниже и стал ласкать ее талию и живот. Потом удобнее вытянулся на ней, и его руки заскользили к внутренней стороне бедра. А потом – к средоточию ее женского естества. Она обхватила руками его спину, и он ощутил испуганный рывок и движение, услышал шумное, прерывистое дыхание. Она на мгновение замерла, а потом вскрикнула... Он приподнялся над ней, снова завладев ее губами, и плавно вошел в ее тело – медленно и очень осторожно, хотя по его венам словно струилось пламя. Она больше не кричала и плотно прижималась к нему, когда он, стараясь смягчить рывок и скольжение своих бедер, уверенно вводил ее в тот ритм, который задал. Когда он почувствовал, что она поворачивается и вздрагивает под ним, он дал полную волю силе, которую до сих пор сдерживал. Ее руки крепко обвили его вокруг него, она словно хотела перелить себя в его тело... Она сотрясалась в любовной лихорадке, принимая в себя его мужское естество. Он силой задерживал свой взрыв наслаждения, желая, чтобы первой испытала его она. И когда он уже думал, что сейчас умрет, не выдержав

огня, который сжигал его изнутри, она затрепетала, напряглась, потом обмякла. Он тоже позволил себе задрожать и дал этому огню вспыхнуть и взорваться. Она выгнула спину, чтобы быть к нему ближе, и раздвинула ноги. Ей было невероятно хорошо. Его напряженное тело, прижатое к ее спине, только усиливало восхитительные ощущения. Алина выдохнула его имя и откинула голову назад.

Алина попыталась отодвинуться, но поняла, что не может двигаться, пока Он творил с ней нечто невообразимое...

– Oh mon Dieu... George! – Vous êtes bien, mon amour?

Хорошо ли ей? Каждое движение приближало ее к невероятному блаженству. Она чувствовала, что внутреннее сопротивление тела пропало, и ей уже не хотелось, чтобы он прекращал свои ласки.

– Нет, – прошептала Алина, – Не останавливайтесь.

– Не буду, – ответил Георгий и провел пальцами по ее животу.

– Не останавливайтесь! – повторила Алина, но он не послушался.

Его рука скользнула еще выше и обхватила грудь. Георгий стал целовать ее шею, спускаясь к плечу, прикусил кожу, пальцем лаская сосок.

Алина вскрикнула, прижимаясь к нему спиной.

Она выгнула спину, чтобы быть к нему ближе, и раздвинула ноги. Ей было невероятно хорошо. Его напряженное тело, прижатое к ее спине, только усиливало восхитительные ощущения. Алина выдохнула его имя и откинула голову назад.

Он легко покусывал ее шею, заставляя издавать блаженные стоны. Ласки вдруг прекратились, что вызвало недовольный вздох с ее стороны.

– Оххх, – прошептал он, вновь проникая в ее тело...

– Моя! – страстный шепот словно обжег ее, одновременно возвратив из мира грез в реальность. – Ваша! – тихо откликнулась фрейлина...

* * *

«...Распахнулась дверь и в будуар вошел Его Величество. Боже мой, как затрепетало у меня сердце! Я чувствовала, что ноги подкашиваются, опустив глаза и наклонив голову, минуты две успокаивала сердце. Подняв глаза, я увидела, что Государь снимает свой показавшийся мне таким изящным фрак и направляется прямо ко мне.

Я была так поражена этим, что не могла ответить ни слова, покраснела и не могла сообщить, приснилось ли мне это, или действительно ли это наяву... Я лепетала какие то глупости: каких сама не упомяну – и готова была умереть в тот же момент от страха – не страха предстоящего соединения с *Ним* – но страха что-то сделать не так... Я выросла с чувством не только любви, но и благоговения к Августейшей Семье... на Царя смотрела, почти как на живого бога. Могла ли я допустить когда либо прежде саму возможность, что *Он* обратится к восемнадцатилетней девчонке с ласковыми словами?... Что я буду Ему нужна?

И это была вовсе не «прихоть господина для холопки», как написала эта безумная суффражистка Инесса Арманд в предисловии к французскому изданию моего скромного труда – но схождение божества к верующей...».

Алина Николаевна, княгиня Орбели (урожденная Ранина), обер-гофмейстерина и кавалерственная дама.

«Записки старой фрейлины»

Издание пятое, дополненное. Константинополь 1956 год

* * *

Все хорошее когда-нибудь кончается. Кончился и его царский отдых. Кроме того следовало соблюдать правила приличия. Он поцеловал фрейлину в нос и с неохотой сказал: – Соберитесь мадам. Алина надела панталоны. Георгий помог ей застегнуть платье и блузку. Нижнюю юбку, корсет и лиф решили не надевать. И без того достаточно респектабельно, чтобы тихонько пробежать по саду до кареты. Он долго смотрел на нее, словно пытался навсегда запомнить эту картину.

– Ты выглядишь очень довольной. Наконец вынес он решение. Та в ответ скромно сделала книксен. По той самой потайной лестнице они спустились на первый этаж, где их уже ожидали Лакей с вензелями Марии Федоровны, одетый в парчовую ливрею с золочеными пуговицами встретил их переминаясь с ноги на ногу. Молча и ничем не выдав своих мыслей он проводил фрейлину к карете, что осталась за Почетными воротами, на козлах которой восседал кучер, ожидая команды тронуться в путь.

Напоследок она вдруг подбежала к нему и тихо спросила:

– Я еще увижу вас?

– Всё может быть...

Вскоре карета с прелестной m-l Aline уже въезжала на песчаную дорожку, что вела в сторону Петергофа...

* * *

По дороге в Гатчину он дремал – вспоминая девушку и ее предшественниц...

Смотрел он на это философски – известно всякому что в состоятельных семьях когда сын достигает определенного возраста разумная мать подбирает хорошенькую, чистую и понимающую что к чему горничную... А что – французский или английским *манир* когда папаша сам ведет подростка сына в бордель – лучше? (Обыкновение, все больше перенимаемое нашими разночинцами).

Но эта Алина все же хороша! Сочетание робости и огня восхитительно! Не девица – так среди *этих* фрейлин и нет девиц... А в прошлый раз была Ольга. Оля фон Мес – баронесса фон Мес – чей муж наделал долгов да и сбежал... Очаровательная золотоволосая остзейская немка в стиле вагнеровской Брунгильды. А до нее Мария Валецкая – дочь польского графа и французской танцовщицы – лицо ее, с розовыми губами, прелестно-невинно очерченными, и темно-золотыми глазами так многозначительно смотрящими из-под длинных опущенных ресниц...

И лишь войдя в свои гатчинские покои и приготовившись лечь на кушетку подремать – вдруг замер как громом пораженный.

...Когда не так давно в Петербурге торжественно открывали памятник принцу Ольденбургу – перед главным фасадом Мариинской больницы – он посетив данное торжество даже произнес краткую речь о пользе медицины и заботе о народном здравии.

И пока он скучал глядя на то как управляющий Собственной Его Императорского Величества (то есть его) канцелярией по учреждениям императрицы Марии – он же товарищ министра внутренних дел Дурново – снимает покрывало неподалеку от него какой то маститый доктор с раздвоенной бородой и в золотом пенсне (из тех что берут за визит не менее двухсот рублей) беседовал с коллегой на профессиональные темы. И речь шла ни о чем ином как о венерических болезнях. С присущим людям сей профессии цинизмом (а как иначе – люди со смертью дело имеют – а данная особа поважнее любого царя будет) он излагал подробности *процесса*.

До слуха государя долетало «Спинная сухотка», «менингит» «гидроцефалия» «атрофия» «прогрессивный паралич»...

– Заболевание сифилисом означает, что человек начинает ускоренно превращаться в трупа! – изрек почтенный медикус напоследок.

Дрему и благодушие как рукой сняло... Черт – а ведь и в самом деле! Девиц то наверняка не проверяют! Известное дело Евины дочери род лукавый... Достаточно одной из этих милых и легкомысленных созданий пообщаться с кем на стороне – и нате вам – будет у России царь-сифилитик! То-то он будет хорош на троне с провалившимся носом!

А еще припомнился примерно годичной давности разговор кавалерийского генерала из департамента учебных заведений военного министерства – тот сдерживая жеребьячий гогот цитировал в кругу посетителей светского раута приказ по одному из училищ – касающийся посещения юнкерами борделей...

«Врач Училища предварительно осматривает жещинн этого дома, где затем оставляет фельдшера, который обязан наблюдать: а) чтобы после осмотра врача до 7 час. вечера никто посторонний не употреблял этих жещинн; б) чтобы юнкера не употребляли неосмотренных жещинн... считая на каждую допущенную врачом для совокупления жещинну по три юнкера... Также юнкера во всё время совокупления обязаны соблюдать порядок и тишину.

Генералу было смешно... И его собеседники – такие же важные господа тоже смеялись...

(Хотя чему бы смеяться? Не редкость были полки где каждый год кто-то из офицеров стрелялся из за постыдной болезни)

Вспоминалось Георгию и слышанное то про одну придворную даму то про другую что де муж застал свою благоверную о с цирковым атлетом, то с негром из того же цирка, то со знаменитым актером или с юнкером – а то и с конюхом или смазливый приказчиком...

Про то что иные переодеваются в простолюдинок и ищут приключений на сомнительных улицах... Разговоры между своими – что знатная дама позволит любовнику то от чего иная проститутка откажется – если при этом будут соблюдены внешние приличия...

Шуточки про «французский насморк» и постаревший на лет на тридцать в одну ночь церемониймейстер Васильев – его сын узнав что заразился люэсом выпил сразу пригоршню опийных пилюль... Мерзкое ощущение страха сосущее под ложечкой не отпускало...

...Он за не прошедшим еще потрясением от отцовской смерти и всеми регентскими делами историю с кронпринцем Рудольфом не особо и отметил – соболезнования Габсбургам присылала матушка. Когда 30 января пришло известие что тот скоропостижно умер в Майерлинге – Георгий буквально на следующий день забыл об этом. Потом уже слышал разные сплетни – что умертвили его и его юную наложницу баронессу Вечеру по приказу отца – Франца-Иосифа – из за того что кронпринц учинил заговор. Поговаривали что был он психопатом на почве чего и убил и себя и баронессу. Ну и прочее – вплоть до того что парочку прикончил сумасшедший лесник. Но лейб – медик Груббе как-то поведал в узком кругу рассказанное австрийскими коллегами: Рудольф заразился гонореей, которую запустил – и та сделала его бесплодным импотентом. Он много пил и пристрастился к морфию, менял жещинн ища ту, что поможет ему восстановить мужское достоинство, и видимо после очередной неудачи просто в припадке ярости расправился с любовницей, а потом и наложил на себя руки ...

Усевшись на диване и обхватив голову руками Георгий постепенно успокоился. Однако же – как сказать Марии Федоровне о проблеме? Как донести до нее эту мысль? Ведь невозможно говорит с матерью о таком.

Подумав он, однако, нашел выход...

На четвертушке бумаги он написал коротко послание

Mère! Selon le chef du pouvoir et les responsabilités du chef de la Maison impériale désirez plus de renseignements au sujet de votre bonne santé, en particulier les femmes récemment adopté. Parce

que, malheureusement, la maladie – de rhumes à ceux qui découlent de l'amour épargner ni l'âge ni le sexe, ni titres. Je pense que ce serait mauvais de courtisans et serviteurs des serviteurs sont inspectés régulièrement au médecin.

Запечатал в конверт со своим вензелем, и написав – кому, бросил на поднос с почтой. Даже если посторонний и прочтет, то не поймет смысла – разве что решит что царь по обычаю предшественников хочет управлять всем – даже фрейлинами и дворниками.

* * *

Надо сказать письмо весьма впечатлило Вдовствующую императрицу – и буквально назавтра фрейлины её двора без разбору подверглись осмотру особо вызванным врачом с кафедры сифилидологии Медико-хирургической академии; а вместе с ними – и весь дворцовый штат.

Кстати говоря – во многих справочниках по истории медицины Марию Федоровну называли в числе основоположников регулярной диспансеризации...

Впрочем это уже несколько иная тема.

* * *

Утро следующего дня

– Срочных дел никаких нет? – осведомился Георгий у дежурного флигель-адъютанта. Что у нас на сегодня?

– Новые сообщения из Государственного совета и с мест. А в приемной ожидает господин Победоносцев – он хочет изложить свои соображения относительно духовных дел – скопил глаза в журнал Кауфман...

Георгий невольно поморщился.

Константина Николаевича он конечно уважал, хоть с его идеями и был не вполне согласен – но в конце концов что за манера – являться без доклада и без приглашения к монарху? Это воистину моветон. Обер-прокурор Синода конечно являлся без доклада к *rara* – но между прочим Георгий ему пока такого права не давал. Впрочем – пусть приходит – послушаем...

– А во второй половине дня господин Гирс с докладом по турецкому вопросу – продолжил адъютант. Георгий вспомнил что и в самом деле направил распоряжение в МИД с просьбой изложить соображения по поводу ситуации в Порте. Но признаться не ожидал что отреагируют так быстро – и что лично министр явится. Он то ожидал бумаги, в крайнем случае – главу Азиатского департамента для личных объяснений...

– Хорошо! – кивнул император. Через полчаса просите... *господина обер – прокурора.*

Пусть посидит-подождет – пока русский царь читает официальные бумаги.

Он устроился за заваленный бумагами, и папками письменный стол, на котором кроме них торчал лишь китайский яшмовый чернильный прибор. Кроме этого – ничего лишнего, никаких безделушек или статуэток.

Первой он взял прибывшую с ночным варшавским поездом парижскую «Матэн». На первой странице – известие заставившее его поднять брови.

24 июня – то есть вчера – стал фактом крах Акционерного общества «Панама». Верховная апелляция оставила в силе решение суда департамента Сена о его банкротстве. Однако же! Георгий конечно слышал о нем – очередное достижение цивилизации – канал между Тихим и Атлантическим океанами. Сам гениальный Эйфель – создатель фантастической башни в тысячу футов что стоит в Париже – руководил стройкой. Фердинанда Лессепс – строитель Суэцкого канала! И каков итог? Миллиард триста миллионов франков

убытку. Семьсот тысяч акционеров пострадало! Хорошо хоть Россия в это не вкладывалась. Надо наверное попросить Бунге выразить соболезнование французам... Впрочем доморощенные российские грюндеры мало чем уступают мсье Эйфелю и его сообщникам...

Ровно через полчаса – было просмотрено еще две газеты и три ежемесячных отчета из сибирских губерний, появился обер-прокурор.

В мышинового цвета сюртуке, белоснежной сорочке и стального оттенка галстук с платиновой булавкой – он казалось подавлял всех окружающих своим мраморным ликом и высокой фигурой.

Окружающих правда был только один человек – и этот один был *некоторым образом* царь. И тем не менее Георгий на миг ощутил желание встать – мимолетное, но от этого не менее странное.

Став напротив стола Победоносцев согнулся в полупоклоне, а потом принялся говорить...

Смысл речи был вроде понятен – всеобщее падение нравов.

... Но, боже мой, куда мы идем! – сокрушался обер-прокурор. Куда мы только идем? Я вас спрашиваю, чего хотят добиться эти нигилисты и разные там студенты? И пусть пеняют на самих себя. Повсеместно разврат, нравственность падает, нет уважения к родителям. Они до седых волос мальчишки! Да – мальчишки которых надо пороть розгами – чтобы потом не пришлось вешать и расстреливать!

Он напоминал сейчас гимназического преподавателя выговаривающего ученику – Георгий само собой в гимназии не учился, но читал книги о мучениях школяров и даже пару водевилей посмотрел.

... Я знаю Ваше Величество – вас будут убеждать дать послабление *обществу!* – с презрительной гримасой выговорил Победоносцев. Но благодарности вы от них не дождетесь – как не дождался ваш великий дед.

Это они сейчас как шелковые – а на уме – знайте – бомбы! Бомбы! – от этого возгласа император непроизвольно вздрогнул. Динамит! – в эту минуту он показался Георгию уже гневным пророком, мечущим громы и молнии в нечестивцев с амвона.

Нет – вдруг пронзила Георгия мысль – не пророком, но актером играющим такого пророка и забывшего что играет!

Почему-то эта мысль едва не рассмешила его. И тут Георгия посетили некие еще смутные соображения насчет Победоносцева.

– Я даже осмелюсь предположить что станет мишенью *первостепенной!* Злосчастный закон о кухаркиных детях! – восклицал меж тем Победоносцев. Но поверьте – сей закон может и не идеален – но он камень, который лежит на груди будущей революции.

И отвалив этот камень *они* не успокоятся – они возьмутся за следующий... *Им* нельзя давать воли! *Они* конечно будут рассуждать о пользе с позволения сказать просвещения! Как будто истинное просвещение зависит от количества школ, а не от того, кто в тех школах учит! – возмущенно фыркнул он. Если в народных училищах засядут длинноволосые нигилисты и курящие папироски дамочки, то не просвещение, а лишь растление дадут они вступающему в жизнь поколению! – чугуном грохотал сановник. А между тем истинное просвещение начинается с морали, и гораздо лучшим народным учителем является не умник из университета, а скромный, нравственный и верный царю священник или дьячок...

– Эээ, Константин Николаевич, – оборвал излишняя обер-прокурора император, наконец-то оформивший мимолетную мысль в законченную форму. Прошу прощения – дела духовные важны, тут спору нет. Но я собственно хотел поговорить с вами о другом... – изрек он как будто и не сам Победоносцев явился к нему первый и без доклада. Я тут обдумывал ваши слова о взяточниках и ворах...

Как вы посмотрите на то, что я намерен поручить вам Государственный контроль Российской империи?

Победоносцев как-то по-особенному жалко и подслеповато посмотрел на царя. Из великого инквизитора, мгновенно сделавшись растерянным чиновничком десятого класса перед грозными очами директора своего департамента.

– Я думаю, государь, – пробормотал он, – я думаю... Но ... дело в том что... в некотором смысле...

И Георгий ощутил вдруг странное чувство веселого триумфа. У него получилось!

Сам того не ожидая парой фраз он сбил с котурнов витийствующего столпа общества – поставил его на место – без криков и угроз. Это ничего – привыкайте, господа! Воли не давать? Только ведь и вас касается!

– Но государь! – справился с собой Победоносцев, – я готов со всем усердием исполнить вашу волю, но я так сказать совершенно не знаю предмета деятельности сего ведомства. Я ничего не смыслю в финансах! – печально развел он руками («Можно подумать я смыслю в том как царствовать!» – желчно хмыкнул внутренний голос).

– Ну, полно, Константин Николаевич, – *отечески* покачал головой Георгий. Священный Синод коим вы успешно управляете не только о духовных делах печется – он еще и ведает церковным имуществом и расходами. Да и Добровольный Флот ведь тоже состоял под вашим началом... Кроме того – финансистов я найду вам в помощь! Мне же на этой должности прежде всего нужен человек честный и разумный, который не побоится сказать правду мне – и который будет строг не взирая на лица. И для начала я хотел бы в месячный срок получить подробный отчет о работе Государственного контроля по выявлению воровства в железнодорожном деле. Я буду его с нетерпением ждать. Я Вас больше не задерживаю. Все необходимые решения касательно ваших новых обязанностей будут готовы завтра.

Отпустив растерянного Победоносцева Георгий устало вытянул ноги откинувшись в кресле. И велел подавать обед – прямо в кабинет...

Тратить время на шествие в столовую и обратно неразумно – а слушать про давнюю головную боль империи Российской – османов – лучше все таки на сытый желудок.

К моменту появления действительного тайного советника и статс-секретаря Гирса он с обедом уже закончил и потому был достаточно благодушен.

Доклад был сух по форме и достаточно толково (как – никак Гирс прежде руководил тем самым Азиатским департаментом). Ничего особо нового царь не услышал – Турция по-прежнему слаба и пока не видно даже тени вероятности что она преодолет глубокое внутреннее расстройство. В своей политике она ориентируется на Англию и Францию – коим задолжала безбожно, и без которых была бы раздавлена еще в злополучную Крымскую; однако пытается наладить отношения с Веной и Берлином. Лелеет реваншистские надежды в отношении России и даже их не скрывает – но не опасна из за укоренившейся слабости. Реформы пресловутого «танзимата» столь ей необходимые провести турецкое правящее сословье не может да и не хочет хотя вроде как понимает их необходимость. Но при этом коснеет в почти средневековых нравах – до сих пор например сохраняя рабство.

– Вот на днях, – сообщил Гирс, был принят фирман султана Османской Империи Абдул-Гамида II. Этим указом объявлены свободными рабы, владельцы которых не могли доказать, что владеют ими на законном основании.

Однако же... – покачал Георгий головой – с какой злобой честили Россию за крепостное право в свое время все эти свободные бритты и французы! Но его уж почитай лет тридцать нет – а их обожаемая Порта торгует себе живым товаром и лишь следит чтобы владели двуногой собственностью на законных основаниях... И молчок! Воистину – век просвещения! Век трансатлантического телеграфа и успехов наук! Век того самого Панамского канала!

А совсем рядом с Европой людьми торгуют как скотом – словно при каком-нибудь Батые! – Откуда же они их берут?

– Ваше величество, – замялся Гирс, – я не большой знаток признаться данного вопроса – но по английским данным – источники рабства это в основном Восточная Африка и арабские владения Константинополя. В последних обычно сами родители продают детей – чтобы прокормить оставшихся. Кроме того – в горах южного Хадрамаунта и Хиджаза до сих пор межплеменная война почти не затихает. А немногочисленные европейцы попадают туда...

– Постойте, Николай Карлович! – встрепенулся Георгий. Так там есть и европейцы? Кто же именно? Впрочем – он понимающе усмехнулся, – догадываюсь: болгары, греки и прочие несчастные, имеющие удовольствие проживать рядом со столь добрыми соседями. Надеюсь, хоть наших подданных там нет?

– Увы и такое случается... – подтвердил дипломат его худшие подозрения. Не далее как четыре месяца назад по жалобе греческого священника мы нашли и освободили двух кубанских казачек. Бедные девушки попались в руки контрабандистам... Мы выслали соответствующую ноту и султанский диван уже дал клятвенные заверения что такие случаи не повторятся.

«Больше не будет? Нашкодили, а теперь плачутся? Ну, посмотрим!»

– Я полагаю – Николай Карлович, что – необходимо принят ноту и вежливо, но твердо указать на недопустимость и намекнуть на последствия.

«А похоже неладно на Кавказе!» – промелькнуло у него. Не докладывают – мерзавцы!

– Вы правы Ваше Величество – это нелишне. Что до вашего вопроса относительно европейцев – то вы правы.

Кроме того имеются поставки от еще уцелевших турецких и мавританских пиратов. – А разве они еще существуют? – изумление Георгия было неподдельным. Я вообще то полагал что они давно исчезли! И в самом деле – в эпоху паровых крейсеров как-то даже и странно слышать о морском разбое.

– Как это ни печально, но совершенно это явление искоренить не удалось, – подтвердил министр. Конечно времена алжирских корсаров и Барбароссы безвозвратно миновали. Но мелкие шайки на небольших фелюках все еще орудуют кое где – например у берегов Марокко, и в Адриатике... Большие корабли по счастью недоступны им – но рыбацьи лодки, каботажные шхуны, даже яхты путешествующих... Случается и нападения на одинокие селения и хутора. Впрочем – продолжил министр – по большей части христиане попадают на османские рынки стараниями – увы – единоверцев. Скажем некто нанимает ... ну к примеру француженок – для работы горничными в России – считается по старинке что у нас иностранца ждут золотые горы. А оказываются они в сералях похотливых богачей или вообще в домах разврата. Увы – сия беда не миновала и Россию – и, поймав недоуменный взгляд царя, пояснил – мошенники нанимают в приграничных западных губерниях молодых крестьянок под видом временных работниц для прополки полей или сбора винограда. Эти несчастные Маруси и Ванды и не знают к чему их готовят... – он печально покачал головой. И в итоге тоже оказываются в борделях. Причем Турция в этом смысле наилучшее место – ибо если в Европе жертва еще может рассчитывать на защиту закона – то в азиатской деспотии несчастные находятся всецело во власти купившего их мерзавца.

В некоторой растерянности Георгий обдумывал услышанное.

В старой сказке читаной ему матушкой в детстве, некоего царя заблудившегося в лесу нечистая сила обещает вывести к людям если он ей отдаст то чего он в своем царстве не знает... Доведись Георгию заключать такую сделку (свят-свят-свят!!!) – черти получили бы в уплату изрядный набор всякой дряни! А потом вдруг вспомнил иное – неожиданное... Яхты у причалов Ливадии и Петербургского яхт-клуба – многие его знакомые и друзья императорской семьи плавали на отдых в Средиземное море... И многие любили будучи в Италии и Греции побродить в одиночестве или небольшой компанией по глухим местам живописных берегов с

их укромными бухточками и античными руинами... Выходит любого из них – хоть даже фрейлину его матери (лицо Алины заполнило внутренний взор) запросто могли схватить морские разбойники и держать в вонючей земляной тюрьме как русских пленных на Кавказе еще на памяти его отца? Или вообще продать гнусному жирному турку для утех??!

Что с этим то делать? Распорядится чтобы МИД прислал ноту? Ноту...

Георгий шумно вздохнул загораясь яростью.

«Ноту,!!!»

– Вот что, господин Гирс! Вызовите турецкого посла и доведите до его сведения – желваки заходили на его скулах. Что еще один подобный случай и у его любимого султана будут большие неприятности! И для начала – я прикажу повесить его самого на воротах его посольства! Может быть даже вместе с женой! По его выбору – самой любимой в его гареме! И... составьте требование о необходимости освобождения всех рабов-европейцев и особенно русских вне зависимости от чего бы то ни было. В максимально категорической форме!

Министру показалось что на грани сознания послышался шелест крыльев.

Он не отшатнулся и не выдал растерянности – но вот в лице что-то такое промелькнуло – Ваше Величество – прошу прощения – вы намерены и в самом деле отдать такой приказ?

И Георгий вдруг увидел себя его глазами.

Злого девятнадцатилетнего мальчишку третирующего почтенного пожилого сановника – причем будучи в полном праве... Да еще готового своей дикой выходкой втравить державу в войну!

Кольнуло что-то похожее на – нет не стыд – скорее неловкость. И одновременно – еще на миг пришло некое самодовольное чувство – а выходит его считают способным проявить жестокость если надо!

– Ну конечно же нет! – максимально доброжелательно улыбнулся Георгий уже успокоившись. – Или я, по-вашему, лишился рассудка? Мы же не дикие азиаты – это османы и персы наших дипломатов убивали и сажали в темницы. А мы цивилизованные люди. Только... – он опять улыбнулся, прищурившись – турок то нас по себе мерить будет! Так что вы уж как-нибудь на ушко шепните...

И ощутил во взгляде старого дипломата неподдельное уважение.

После того как Гирс откланялся, император посмотрел на груды бумаг и пакетов ожидающих решения. Все это предстоит ему, самодержцу всероссийскому изучить и желательно сегодня.

Вот уж – самодержец! – усмехнулся про себя Георгий. Какой он самодержец – если не может повелеть быть в сутках хотя бы двадцати пяти часам?!

* * *

Вскоре России были переданы со всеми возможными извинениями найденные услужливыми турецкими властями российские подданные. Семеро стариков – не возвращенных в прошлые годы пленных – иные с семьями, пятеро грузинок и лазок – проданных на ту сторону ушлыми контрабандистами, три черкешенки из племени адыгов (видимо паши с сераскирами предпочли перестраховаться). А кроме того – пара дюжин обманом завербованных в Польше и Подолии девушек, и вдова богатого купца Гюрем-эффенди – Марьям – она же Акулина Данилова, дочь матросской вдовы из Севастополя – и с ней её четверо детей.

С тех пор пытавшегося торговать россиянами вылавливали и сдавали османским палачам сами работорговцы – чтоб самим не оказаться в руках у палачей Белого царя – хотя до настоящего страха перед «Темир-Гявургом» было еще далеко...

* * *

7 августа 1889 года. Гатчина

«Получается это первое сделанное мной назначение в верхах?» – подумал Георгий провозжая дядюшку.

Собственно это было второе назначение. Первым было утверждение адмирала Чихачева на должности морского министра вместо прежней – главноуправляющего военно – морским министерством. Собственно сделал он это просто ради ясности в должностной иерархии. Но немедленно явился генерал – адмирал Алексей-Александрович. Этот упитанный толстяк прозванный друзьями «бонвиван международного масштаба» а недругам «семь пудов августейшего мяса» тут же с порога принялся жаловаться – мол его выходит что отправили в отставку, ибо министерством то руководил он, а Чихачев был лишь вторым...

По мнению Георгия которое он составил бегло ознакомившись с делами – воистину «нехорошо многовластье!» как говорил еще император Август. Но не прогонишь же взашей родного дядю!

– Господин-генерал – адмирал, – с напускной суровостью изрек он. Ни о какой отставке речи нет. Я лишь позволил себе уточнить полномочия...

Собственно вы как были так и остались высшим военно-морским чином империи Российской. И соответственно на вас, Алексей Александрович, вся морская политика держава. Вся. Морская. Политика! – назидательно поднял он палец вверх.

– Но что есть морская политика? – жалобно осведомился генерал-адмирал. Я недурно как хочется надеяться понимаю в кораблевождении и командовании эскадрами и флотами... Но политика...

– Ну... – Георгий покачал головой. Ради этого я и назначил Чихачева. Он будет заниматься текущими делами. Но общее руководство – на вас. Вы должны будете вести Доброфлотом, Морским техническим комитетом, ГУКиСом, отношениями с иностранными судостроителями и вообще промышленностью... Это вещи выше повседневной рутины – и кому как не члену правящего дома их решать.

Дядя кажется ничего не понял, но ушел довольный. Нет уж – пожалуй надо его послать в Англию – дабы он изучил там организацию морской политики империи составил проект реформы морского дела в России. Чем дольше будет составлять – тем лучше! Флоту вполне хватит Чихачева... ну и его.

* * *

10 августа 1889 года. Санкт-Петербург. Зимний дворец

Чрезвычайное совещание переносилось уже трижды. Заседал не суд – всего лишь особое присутствие при Государственном Совете. Тем не менее то не могли определить окончательный состав, то препирались из за старшинства.

Кое-как определили состав – кто-то самоустранился – кто то напротив охотно выразил согласие. И вот наконец оно состоялось.

Особое присутствие состояло из председателей департаментов и заинтересованных министров.

...Фон дер Лауниц, фон Раух, князь Путятин; фон Нейгардт, генерал Юзефович... А также его дядя – что Георгия несколько беспокоило – люди они властные, разойдутся – так и кулаком по столу бахнут...

Ведь если что – придется чего доброго указать родственникам на дверь.

Пришло аж четыре великий князя. Явились Михаил Николаевич и Владимир Александрович. Также присутствовал и Алексей Александрович – как никак речь шла о судьбе Посьета – подчиненного и старого знакомого генерал-адмирала. Он выглядел не слишком довольным. Николай Николаевич сказавшись нездоровым от участия уклонился. Зато на правах члена Регентского совета пришел великий князь Павел.

...Доклад комиссии длился около двух часов. Картина злоупотреблений, безграмотности, воровства, и пренебрежения должностными обязанностями, развернутая обер-прокурором, была всеобъемлющей и красочной. Все молча слушали. Михаил Николаевич сидел, сдвинув брови и уставившись в пол. Вышнеградский периодически пытался делать какие-то записи. Мясистое лицо Алексея Александровича то бледнело, то наливалось кровью. Павел Александрович сидел в скорбном молчании. Он, кажется, был сам не рад что напросился.

Потом объявили получасовой перерыв.

К Кони подошел Победоносцев...

– Однако слышал я ваши выводы, – мрачно сказал Константин Петрович. – Ведь там не о конкретных мерзавцах речь, а про испорченность целого ведомства!

Можно ли *такое* в суд?!

– А как же? – удивился Кони, оглядываясь на молодого царя. – Неужто оставить виновных без наказания?

– Кабы только виновных! Кабы только об отдельных фактах разговор! – печально всплеснул руками Константин Петрович. Ведь судить не людей нужно – *систему*. Разве мыслимо такое? И покачал головой.

Заседание возобновилось. Начались прения.

Вначале слово взяли великие князья.

– Тут нечего долго обсуждать! – заявил Владимир Александрович. Под суд. Всех!

– Судить бы их всех по Военно-Уголовному уложению, шельм этаких! – припечатал Михаил Николаевич.

На лице Кони при этих словах обнаружилось выражение грусти и сожаления – старый либерал не одобрял излишней безжалостности.

Алексей Александрович хотел что то сказать – но лишь махнул рукой. Кажется ему было стыдно за Посьета.

Но нашлись и те кто высказался в защиту.

Взявший слово Ванновский упирал на дисциплину и единоначалие.

– Я буду говорить с позиций военного, – басовито по-генеральски гудел он.

В армии едва ли не главный стержень – это вера в командиров сверху донизу. От фельд-маршала до ефрейтора – но нижестоящий не смеет усомниться в вышестоящем – в том что он не просто старше по чину – но обладает истинным, и не побоюсь сказать – священным – правом приказывать и требовать исполнения. А мы не ефрейтора или околоточного судить собираемся – министра!

Можно ли допустить привлечения министра к судебной ответственности за небрежение своего долга? Доверенное лицо государя, ближайший исполнитель его воли, министр стоит так высоко в глазах общества и имеет такую обширную область влияния, что поколебать авторитет этого звания публичным разбирательством и оглаской представляется крайне опасным. Это приучило бы общество к недоверчивому взгляду на ближайших слуг государя: это дало бы возможность неблагонамеренным лицам утверждать, что монарх может быть введен в заблуждение своими советниками...» Позволю себе процитировать нашего русского Геродота – Ивана Дмитриевича Карамзина:

«Худой министр есть ошибка государева: должно исправлять подобные ошибки, но скрытно, чтобы народ имел доверенность к личным выборам царским».

И в связи с этим я полагаю в качестве наказания был избран строгий выговор с увольнением от службы.

А что до судебного преследования – то ему надлежит подвергнуть непосредственных виновников – машинистов, что разогнал литерный состав сверх допустимой скорости, поездную службу что допустила грубые ошибки...

– То есть как «выговор»?! – поднялся с кресла император. – Выговор... и только? Удивляюсь! Извините господа – а никто не забыл что речь идет о гибели царствующего государя??

Бывший министр финансов Александр Аггеевич Абаза – хитрый и умный старец взяв слово начал что называется мягко стелить

– Ваше величество – мягким басом зажурчал сановник. Господин Посьет, несомненно, виноват и привлечение его к суду является делом элементарной справедливости. Но кроме законов правосудия есть еще его обычаи и порядок производства... Вина его была очевидна сразу после трагического крушения. Но тем не менее, он еще месяц пробыл министром, а, получив отставку, был назначен в Государственный совет.

С чего бы ему заступаться? – пожал мысленно Георгий плечам. Или... за себя боится Александр Аггеевич?! Ибо уже давно поговаривали что используя конфиденциальные сведения из министерства он тайно играет на бирже – да еще на казенные средства.

– Таким образом мы видим что верховная власть в лице Регентского совета, – разъяснял Абаза, – простила господина Посьета – коль скоро он не был тогда арестован или изгнан со службы с позором. И стало быть со стороны особого присутствия карать его было бы неуместно...

– Позвольте Александр Аггеевич уточнить – где и когда лично я или другие чины Совета прощали Посьета, в устной ли письменной форме? – не вставая откомментировал Георгий.

Я этого не помню!

Господа – обратился он к собравшимся.

(«Нет – за шкуру и встряхнуть как щенков нашкодивших – иначе дела не будет!»)

У Российской империи есть не так много краеугольных камней – и среди них – законы и правосудие... И никто, – сказал Георгий, – не должен умалять силу законов; законы должны действовать механически; то, что по закону должно быть, не должно зависеть ни от кого. Даже от меня – вашего государя императора. Как говорили древние: «Dura lex, sed lex.»

Действия должностных лиц повлекших такие тяжелые последствия для Империи требуют судебного разбирательства, и каждый член Государственного Совета должен это понимать, если он предан Царю и Отечеству.

И выдержав паузу закончил

...Прошу голосовать.

* * *

По итогам голосования Особое присутствие четырнадцатью голосами против девяти все-таки решило дело в пользу отдачи всех виновных, включая Посьета и Шернваля, под уголовный суд.

Было это за четыре дня до коронации...

14 августа 1889 года

* * *

На Царскосельский вокзал он прибыл примерно в пять пополудни... Прошел мимо шеренги конвоя – сейчас его несли солдаты Собственного Его Императорского Величества железнодорожного полка – он почти не обратил на них внимания.

...Окинул взором состав из девяти «пульманов», окрашенных в голубой цвет, окна которых были увенчаны золочеными двуглавыми орлами. Кроме императорского вагона, свитский и служебный, четыре вагона для конвоя и прислуги, а также два кухонных. Все они были построены в прошлом году на столичном Александровском заводе – еще для отцовского поезда как запасные. Вагоны – недурное новшество в нашем климате – соединялись крытыми переходами с гуттаперчевой гармошкой.

Поприветствовал проводника и железнодорожного жандарма стоявших у дверей – против обыкновения двустворчатых и расположившихся в середине вагона, а не у концов.

Переступивши порог салон-вагона, он снял белую фуражку с высокой тульей, сменил легкое пальто на домашнюю куртку, а лаковые штилеты на турецкие туфли, затем взмахом руки отпустил лакея и устроился в кресле у окна.

Убранство апартаментов – что и сказать – было заметно роскошнее знакомого ему по *прежнему* поезду, даже обломки которого, должно быть уже переплавлены в печах Юзовки и Луганска.

Двери украшенные наборной деревянной мозаикой открывались совершенно бесшумно. Свежий воздух поступал по бронзовым вентиляционным трубам замаскированных бронзовыми фигурными решетками изображавшими нимф и сатиров... Потолок царского вагона был обтянут белым атласом, стены покрывал штоф малинового цвета. Для обивки стен и мебели, помнится, Фридерикс хотел выписать из Парижа французских декораторов-обойщиков, но Георгий запретил: в Петербурге своих мастеров хватает. На столах в порядке стояли бронзовые часы, вазы северского фарфора и серебряные канделябры. Среди них красным деревом и латунью выделялся телефонный аппарат – связь охватывала все вагоны и паровоз (уроки из прошлого были извлечены)

Всему этому великолепию предстоит быть его домом на ближайшие полсуток – и потом еще много раз...

Император подумал было – сможет ли он когда-нибудь сесть в поезд не испытывая теперешнего тщательно таимого страха?

Подумал – и усмехнулся сам себе с философским смирением.

Даже если не сможет – выхода то нет! Не сидеть же всю жизнь в Гатчине или Царском словно суслик в норе? А то ведь недолго и лису прозевать – а те норки то разрывают мастерски!

Правда в Германии некий инженер Бенц в прошедшем году изобрел экипаж на керосиновом четырехтактном двигателе Отто, а англичане уже давно строят паровые повозки бегающие со скоростью в тридцать верст в час. Может попросить... то есть, конечно, распорядиться (он же царь!) чтобы Министерство двора закупило пару таких для испытаний? Но ведь все равно из Петербурга в Москву не поедешь на подобных машинах.

...Зашипел стравливаемый пар и в такт ему фыркнули отпускаемые гидравлические тормоза. Потом поезд медленно и плавно тронулся...

* * *

...У рыцарей во дни ветхие был обычай «бдения над оружием» – перед посвящением провести бессонную ночь. Послезавтра он оденет корону государя всероссийского – самое время

вспомнить этот обряд. Завтра он окончательно перестанет принадлежать себе – и станет принадлежать истории и России.

И сейчас Георгий вспоминал отца – царя, родителя, человека...

Из дорожного несессера он вынул фотографию в рамочке и поставил на стол. Это был снимок отца. Не парадный – где Александр в мундире генерал-лейтенанта гвардии и орденах. И не семейный – где он со всеми детьми с матушкой – все они живы и здоровы... Нет – фото на охоте, снятое небольшой походной камерой кем то из спутников. Император стоял у дерева опершись на ружье, облаченный в потертый казакин и курил папиросу. На нем Александр Александрович Романов выглядел скорее как купец максимум Второй Гильдии, или преуспевающий трактирщик, а может – хозяин извозного заведения. Простой, но какой-то по особенному трогательный облик, глядя на который молодой царь чувствовал, как перехватывает горло....

Отец...

Кем он был для России? Каким он был? И как ему распорядится его наследством?

Сейчас ему вспоминались забытые мелочи и то что вроде знали все, но как будто значения не придавали. Обрывки чужих мыслей и впечатлений отрочества... Прочитанное и подсмотренное...

В памяти всплыли отрывки из писем и рассуждений придворных сановников, собранные охранкой – их отец держал в особой папке.

«Он совершенно лишён аристократизма, присущего его деду и отчасти отцу...». «Вышел к нам в солдатских сапогах с заправленными в них по-простонародному штанами как босьяк...». «Поношенный сюртук монарха невольно отталкивает...» «...Совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже средних способностей...». «Похож на большого русского мужика из центральных губерний...» «По манерам скорее, более или менее медвежатый».

Какое же высокомерие сквозит в этих строках светских дам и важных чинов – гаденькое высокомерие лакея втихомолку насмехающегося над господином!

Как можно было не разглядеть за неавантажной наружностью батюшки его благородный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость?

Или дело в том что несмотря на всю видимую простоту, окружающие отца просто не понимали? Что говорить – Александр III и в самом деле не был похож на освященного вековыми традициями святорусского помазанника Божьего. Но жил и не так как его европейские собратья-короли. Даже введенные с Петра церемониалы и привычки западных дворов, где внешние национальные различия были минимальными, были сразу же нарушены русским монархом.

Он первый со времен Павла I хоть не отменил вчистую, но облегчил столь любимый у нас в России фронт с шагистикой. По вступлении на престол Александр немедленно распорядился упростить военную форму, на уход за которой тратилось немало солдатских да и офицерских сил и сделать ее более удобной. Исчезли многочисленные петлицы, гвардейские каски с плюмажем, и султанами, и ментики. Солдат и офицеров переодели в полукафтаны и шаровары, перепоясали цветными кушаками, а на головы им надели барашковые шапки.

Обер-офицеры стали похожи на каких то околоточных надзирателей! – жаловались армейцы. (Уже предлагали к слову прежнюю форму вернуть).

Когда после введения этого новшества состоялся первый придворный прием, один из генералов свиты – спесивый, заносчивый и недалекий князь Барятинский, командир Преображенского полка, – нарушил приказ и явился на прием в прежнем мундире. Когда министр двора сделал ему замечание, князь еле сдерживая раздражение ответил

– Мужикой формы носить не буду!

Это был прямой вызов царю и неудивительно что Барятинскому пришлось донашивать свой блестящий мундир в Париже, уже пребывая в отставке...

Да что там князья и генерал-адъютанты – даже такой записной демократ, как Кони, как он обмолвился во время одной из встреч по следственному делу, весьма поразился, увидев на Александре III русскую рубашку с вышитым узором.

Иные втихомолку смеялись над его бережливостью – дескать скареден и скуп – как Плюшкин.

И в самом деле – отец носил простую тужурку, полушубок, сапоги – причем и изначально это были самые простые вещи: сапоги были даже не офицерскими, а солдатскими, тужурка – не из тонкого сукна, рубашки – и те не из-за границы, а из ивановского холста. А когда они рвались – отдавал их в починку – словно небогатый штабс-капитан из провинциального гарнизона.

И жить их семья стала не в прежних апартаментах Зимнего дворца как при деде, а в маленьких комнатках дворца в Гатчине, где до них жили слуги. Император навел строгую экономию во всех отраслях государственного управления, особенно сильно урезав расходы дворцового ведомства. Он резко сократил штат министерства двора, уменьшил число слуг и ввел строгий надзор за расходованием денег и в своей семье, и в семьях великих князей. Александр запретил закупку для своего стола заграничных вин, заменив их крымскими и кавказскими винами – чем приобрел тайных врагов в половине семейства! (Хотя им то пить на своих раутах и вечеринках разное «Аи» никто не запрещал)

Даже число балов ограничил четырьмя в год.

Потому то обиженные и шептались по углам – и мужиковат, и неотесан совершенно не царской жизнью жил в быту...

А сколько стрел было выпущено и левыми журналистами и писателями-эмигрантами и придворными острословами по поводу грубости и равнодушия отца к искусству! А ведь Георгий знал, что отец чаще, чем кто-либо из Семьи, бывал в опере, и даже недурно музицировал сам. На тромбоне он играл столь искусно, что как вспоминала матушка еще будучи цесаревичем собрал свой собираться маленький оркестр духовых инструментов, в который входил он сам и еще несколько музыкантов – офицеров гвардии. С течением времени этот кружок превратился в «Общество любителей духовой музыки»..

Кто из салонной публики и разночинцев похвалил отца за то что тот еще в 1869 году стал одним из основателей Русского исторического общества? Что он был попечителем Исторического музея?

Помнил ли про это вообще кто-то кроме близких? А ведь из этого не делалось тайны – но определенно каждый видит лишь то, что хочет. Но ведь и даже сам Георгий удивился когда разбирая отцовские бумаги нашел счета придворного ведомства и личной канцелярии им подписанные... Не на вина или лошадей – на произведения русского искусства.

Первым в России отец стал приобретать полотна современных ему художников, а о старых европейских мастерах сказал однажды: «Я должен бы их любить, ибо все признают старых мастеров великими, но собственного влечения не имею».

Зато он собрал большую коллекцию картин русских художников – Брюллова, Боголюбова, Боровиковского. А еще – поддерживал Репина, Поленова, Савицкого, Васнецова, Дмитриева? И рублем – и одним своим вниманием – ибо где-где, а под родными осинами не решаться обидеть художника на которого пала благосклонность августейшей особы.

Кто то это вспоминает вслух? А, например, то, что у нуждавшегося скульптора Антокольского царь купил бронзовые статуи Христа и Петра Великого, а потом и ставшие знаменитыми – «Летописец Нестор», «Ермак», «Ярослав Мудрый» и «Умирающий Сократ»?

Ценит ли кто то из служителей муз тот факт, что собственно говоря именно благодаря батюшке русская живопись толком вышла из передней – где была со времен крепостных художников? Нет – увы! Не вспоминают сие всякие вольнодумные витии и жрецы искусства – обо-

жающие эпатировать публику изображая измученных податям нищих крестьян или пьяных попов валяющихся в канаве (и при этом получающие за такие полотна столько денег, что хватило бы пропитать иное сельцо полгода)?

А вот еще... В мае 1883 года государь император повелел возратить проживающему в Москве декабристу Муравьеву-Апостолу ко дню празднования 200-летнего юбилея Лейб-гвардии Семёновского полка, в котором тот служил, солдатский «Георгий», полученный Муравьевым-Апостолом в Бородинском сражении. И лично генерал Черевин отвез в Москву где проживал старец изъятый из судебного дела Знак Отличия Военного ордена № 51802 «для доставления по принадлежности». Кто-то кроме самого бывшего великого мятежника поблагодарил Государя? Об этом кажется и не узнали – ибо не интересно сие никому в салонах...

Увы – «общество» ничего этого не замечало да и не хотело – а видело одни лишь грубые сапоги и бороду.

Или вот – кто то обращал внимание что Александр III был совершенно безупречен в вопросах семейной морали?

Он жил в честном единобрачии с Марией Федоровной, не заведя себе ни морганатической жены, ни гарема любовниц – не в пример ни отцу с его княгиней Юрьевской, ни деду иногда брюхатившему по четыре фрейлины в год... (Ни – грустный вздох – получается что и ему – своему сыну)

Но вместо этого твердят что Александр III был горьким пьяницей – и это всем, мол, известно. Но Георгий – как и все близкие люди знали что царь выпить может и любил, но «во благовремени», то есть никогда не пил и капли, пока не были сделаны все дела. Но и тогда никто не видел его пьяным...

А его юмор – не грубоватый казарменный – чем например Николай I был славен – а по своему изящный и добродушный? Например, когда великий князь Николай Александрович подал ему прошение о разрешении жениться на пригожей петербургской купчихе, Александр учинил на нем такую резолюцию: «Со многими дворами я в родстве, но с Гостиным двором в родстве не был и не буду». Георгий вспомнив этот эпизод решил что наверное обратиться к нему с таким прошением любой из его родственников он бы его удовлетворил не раздумывая.

Тем более – вступивший в неравный брак член Семьи терял всякие права на престол... (Или может быть – *в особенности* по этому.)

Что еще можно было сказать об отце?

Царь-миротворец – который как-то одернул адмирала Пешурова сказавшего что то насчет де легкой победы над турками в семьдесят восьмом – мол турок только ленивый не бил...

– Вы милостивый государь там не были, а я на Балканском театре эту с позволения сказать легкость наблюдал своими глазами!

Как узнал Георгий уже после смерти отца – тот был в свое время одним из самых больших сторонников русско-турецкой войны – как собственно и вся петербургская публика... Однако увидев войну вблизи – с разорванными грантами телами солдат, с замерзшими на Шипке, с могилами в которых лежали тысячи умерших от тифа, переменил свое мнение. «России незачем искать союзников в Европе и вмешиваться в европейские дела. ...Во всем мире у нас только два верных союзника – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся на нас». «Нашей силы боятся. Не войуй, как станешь править Россией!» – не раз говорил он брату Николаю, рассуждая о политике. Но при этом отец не был слабым и неуверенным в себе царем – как говорили другие. Ведь только его непреклонной воле Россия обязана победой в той войне – когда он настоял на третьем штурме Плевны.

В 1884 году, на русско-афганской границе, в районе Кушки, объявился крупный афганский отряд, руководимый английскими инструкторами. Атаковать? Но не вспыхнет ли война? И командующий Туркестанским округом немедленно запросил царя по телеграфу: что ему

делать? «Выгнать и проучить как следует», – незамедлительно ответил Александр III. Нарушителей границы выгнали и казаки долго преследовали их, желая взять в плен английских офицеров...

Британский посол в Петербурге заявил протест и потребовал извинений.

Взволнованный министр Гирс доложил об этом императору. «Мы не только не сделаем этого, – сказал Александр, – но я еще и награжу начальника отряда. Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию». И наградил генерала Комарова выбившего нападавших орденом Св. Георгия 3-й степени. В ответ англичане прислали ноту, и осторожный умница Гирс опять предложил извиниться, ибо это могло привести к войне с Англией. Вместо извинений и объяснений царь отдал приказ о подготовке Балтийского флота к военной кампании, несмотря на то, что британский флот был гораздо сильнее.

Через две недели Лондон предложил создать совместную русско-английскую комиссию для разрешения афганского инцидента...

А за год до того была ссора с Австро-Венгрией угашенная в зародыше.

В 1883 во время официального обеда в Зимнем дворце австрийский посол произнес речь полную завуалированных угроз, требуя у России не препятствовать поползновениям Вены. Александр, хотя и слушал его, но никак не реагировал. Посол стал раздражаться все больше и больше и под конец не сдержавшись заявил что мобилизация двух или трех корпусов вероятно сделает русского монарха внимательнее. Александр, не изменившись в лице, взял со стола серебряную вилку, и завязал ее узлом.

«Вот что я сделаю с вашими корпусами», – негромко и совершенно спокойно сказал отец...

Разумеется, ни о какой мобилизации впредь не возникало и речи.

Правда Боснию австрияки все равно заняли...

Потом – задним числом говорили что лучше было бы договориться с Веной – и разделить сферы влияния на Балканах еще в семидесятых. Но дескать все испортил Горчаков – немцев не терпевший.

Да что уж теперь говорить!

Георгий вдруг с грустью подумал что наверняка его не назовут «миротворцем» – ведь на его век наверняка придется хотя бы одна – и хорошо если так! – война.

Но это наверное все же внешнее в отцовских деяниях...

Главное – нечто иное...

Было что-то еще в отцовском правлении – не мягком – скорее суровом – но вместе с тем как-то по особенному человеческом и русском.

«У нас царь не механик при машине, но пугало для огородных птиц», – написал однажды историк Ключевский. Его отец был последним наверное – кто пытался быть хоть и не механиком при государственном механизме – как шведские или бельгийские к примеру государи или все эти президенты – но уж точно не пугалом или золоченой куклой на троне.

Что-то такое важное и неуловимое ушло вместе с ним. Ибо хотя Георгий не умел подобрать нужные слова – но понимал – наступили такие времена и в России и в мире – что так как правил отец уже править и царствовать у него не выйдет.

Сейчас он вспоминал афоризмы из дедовской тетрадки – ее показывал погибший монарх детям.

«Власть царя над человеком происходит от Бога, но не делай эту власть насмешкой над Богом и человеком». «Уважай закон. Если законом пренебрегает царь, он не будет храним и народом. И наконец – «Революция – есть губительное усилие перескочить из понедельника прямо в среду. Но и усилие перескочить из понедельника в воскресенье столь же губительно». А Победоносцев ведь хочет именно этого. Увы – неглупый человек – но не понимает что как

ни жаль – а по старому нельзя. И того не понимает что Россия это все ж нечто большее, чем выдуманная им «Ледяная пустыня, по которой бродит лихой человек с топором».

За окнами меж тем стемнело. Внутри поезда движение мало ощущалось – лишь по теням, мелькавшим в щелях занавесей можно было понять что они пересекают пространство Русской равнины, отделяющее новую столицу от старой...

Под потолком зажглась матовая полусфера – поезд был полностью оборудован электрическими лампами (чему способствовал вывод Следственной комиссии что возгорания после крушения были вызваны газово-калильным освещением в некоторых вагонах)

Светильники в стиле модерн на пятьдесят вольт напряжения и с лампами на двадцать пять свечей – как он помнил.

Прозвенел звонок и в дверях появился поездной служитель в особой форме – на нем был русский кафтан, украшенный поясом и зелеными нашивками. Еще старая отцом придуманная... Он осведомился: не нужно ли государю чего, и исчез...

А Георгий же почему-то подумал об одном отцовском решении трехлетней давности – касающемся дел заморских.

В феврале 1886 года в Россию вернулся знаменитый путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Он стал героем дня. Газеты и журналы сообщали о его приезде, излагали биографию... Но подвижника мало волновали знаки почета.

Он сразу же направился в Ливадию, где добился приема у Александра III. Он предложил царю основать русское поселение в Новой Гвинее – еще на тот момент никому официально не принадлежащей и взять ее север как минимум под протекторат. Александр III в свое время переживавший за проданную отцом Аляску заинтересовался и поручил новогвинейское дело специальной комиссии. Комиссия как это водится судила-рядила чуть не полгода и в конце концов признала проект авантюрой. И царь вынес вердикт: «Считать это дело конченным. Миклухо-Маклаю отказать». А потом как рассказал великий князь Павел, добавил не без иронии – «И без папуасов уже дикарей в России довольно!». И одновременно вспомнился достопамятный Самоанский кризис – точнее его разрешение месяца два назад, когда 14 июня над архипелагом Самоа был установлен совместный протекторат трёх держав – Германии, САСШ и Великобритании. О чем был подписан договор в Берлине. При этом острова то копеечные – а ведь свара была нешуточная! Но тут – Георгий невольно перекрестился – вот и слушай наших атеистов! – Всевышний помог, наслав ту бурю разметавшую флоты...

Интересно – в Тихом океане есть острова открытые русскими морякам – не заявить ли на них претензии? Скандал однако будет – те острова почти все за какой-то державой уже записаны... Да и не нужно это... Выходит прав был батюшка с Миклухо-Маклаем? Не нужно? А Германии нужно? А Франции? Им нужно значит и нам нужно. Или не обязательно глядеть в Европы? У них королевств в иную нашу губернию по пяти штук не самых мелких влезет. А у нас владения на двадцати одном с лишним миллионах квадратных верст. И при этом железная дорога только до Урала. Да и не осталось свободных заморских земель – только вот в Западной Африке есть какие то дикие негрские королевства – где в гвардии у царьков служат самые настоящие амазонки с луками и копьями и где до сих пор в ходу людоедство.

Британцам впрочем четверть земного шара принадлежит – а однако ж польстились на ничемные вроде островки: чуть ведь до войны не дошло.

Мысли его приобрели другое течение...

...Вот он вспоминал Новую Гвинею... А по этому поводу пресловутый Козьма Прутков высказался что де хорошо что нет в России эфиопов – а то ведь наши чиновники затеют «отбеливать известкой их черные зады»...

Надлежит это изменить? И если да – как? Скажем в 1883 году тогда еще сенатор Манасеин, по поручению Александра III, исследовал то что в докладах деликатно именовали «проблему внутренней расшатанности управления в прибалтийских губерниях» а газетиры –

«немецким засильем в крае». Он и в самом деле нашел что не все слава Богу и выдвинул проект мер, цель которых – эту систему управления восходящую кое в каких вопросах чуть не к Ливонскому ордену «прибрать к рукам». Например – низшие школы и народные училища изъять из ведения местных властей и передать в министерство просвещения. Ландегерихты заменить мировыми судьями, которые могут назначаться и сменяться только министерством юстиции. Отец однако затормозил проект. Не пришло ли время привести его в исполнение? Но немцы – как ни ругали их славянофилы и просто неразумные патриоты – верны трону, принесли и приносят немало пользы державе. Да и обрусели уже изрядно – многие по-немецки хуже него говорят. Только и разница что лютеране – так ведь силой веру переменить же не будешь заставлять – не по Божески... Может не случайно батюшка эту затею генерал-прокурора отложил до времени? Или сделать латгальцам с прочими чухонцами такие же ландраты с ландегерихтами? Вон русские мужики себя в волостных судах сами судят и сами же себя и порют. ...Тонкая однако материя все эти племена и народности!

Вот к примеру что написал в докладной записке Витте – которого Бунге прочит в министры. (Кстати весьма пришелся этот умный толковый железнодорожник) Пишет правда не про деньги или паровозы. По его словам не все у нас в верхах понимают что со времени Петра Великого и Екатерины Великой Российская Империя – уже не прежнее Московское царство. Примерно треть населения инородцев, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов. Невозможно вести политику, игнорируя этот исторической важности факт, игнорируя национальные свойства других, национальностей, вошедших в Российскую Империю – их религию, их язык и даже их предрассудки... И вывод – нужно нечто могущее сплотить все население, создать одну политическую душу. Ну правда тут же свернул на известный вопрос с иудейским племенем. Мол неплохо бы проработать вопрос об отмене «Временных правил» восемьдесят второго года, и вернуться к порядкам Александра II упразднившего черту оседлости и прочие ограничения вновь введенные отцом...

Что было то было – отец не просто евреев недолюбливал – но был именно что *пристрастен*. Правда при нем крестившиеся евреи производились в генералы военные и статские и царь даже стал Почетным попечителем Общества взаимной помощи русских художников основателем и секретарем которого был богач и меценат барон Гораций Осипович Гинцбург. Но отец же решительно – со злым ремарками – отверг письмо того же Гинцбурга о постепенном смягчении законов касающихся рекомого народа.

Но вопрос сей и правда сложен. Хотя и помимо Витте уже в прессе предлагали обратить на это внимание. Причем и не возразишь толком – господа резонно отмечают, что не подобает отказывать подданным иудейского вероисповедания в тех правах, что имеют даже дикие тунгусы и горцы, столь много крови попортившие империи (о поляках уж и говорить невместно).

Георгий глубоко задумался – и в самом деле отцу было проще – *новые веяния* над ним не имели силы. Да и среди убийц его отца было аж трое из *этого племени*. А вот самого Александра III погубили свои русские гешефтмахеры и русское разгильдяйство. С этим ведь со всем что-то надо делать...

Ну довольно уж об иудеях! – он ощутил глухое раздражение.

Это ведь лишь одна из тех *le question* что нагроутили государственный корабль России сверх меры.

Корабль... Сейчас ему пришла на ум история приключившаяся несколько лет тому с «Ливадией» – великолепной императорской яхтой, и ее бесславная кончина. Георгий – как тогда считалось, будущий в некоем пусть и не близком времени генерал-адмирал – флотскими делами близко интересовался. И эта история впечатлила – как мелкая ошибка губит вроде бы великолепно задуманное дело.

В 1878 году адмирал Попов и судостроитель Эраст Евгеньевич Гуляев разработали проект новой царской яхты – на том же принципе что и броненосцы-«поповки» ставшие знамени-

тым на всю Европу – с эллиптическим понтоном и устойчивую к качке – но уже мореходную и скоростную в отличие от круглых низкосидящих судов береговой обороны.

Как водится отечественные судостроители проект не осилили и яхту заказали в Англии. Что и говорить – корабль вышел хоть куда. Три с половиной тысячи тонн водоизмещения, скорость как у иного крейсера и ослепительная роскошь.

Общий объем залов, салонов и кают, предназначенных для царя и его свиты, составлял восемь с лишним тысяч квадратных аршин.

Огромная приемная императора, имеющая высоту свыше двух саженей, напоминала дворцовые покои в стиле Людовика XVI – его Версальского дворца и Фонтенбло. В приемной так же разместился фонтан и цветочные клумбы... Главную гостиную на средней палубе, меблировали в восточном духе, а остальные помещения оформили в английском стиле.

И вот этот великолепный корабль вышел в свое первое плавание – двинувшись через славный штормами Бискай.

«На судне ничего не падало» – говорилось в рапорте командира: «Высокие канделябры и сервировка стола оставались недвижимы как при штиле, ни вода в стаканах, ни суп в тарелках не пролились» – это при накатывающих десятиаршинных валах.

Судостроители и в самом деле не ошиблись – даже в самый жестокий шторм яхта почти не испытывала качки. Все было намного хуже...

Да уж – *натура* – как выражались философы «осьмнадцатого» века славно отомстила самонадеянным человекам!

Даже при незначительной зыби, сила волн не погашаемая качкой вся обрушивалась на корпус корабля, так что от ударов сотрясались переборки и надстройки, разлетались стеклянные стаканы в буфетах, а от того, что волны били в плоское днище, ломались заклепки и расходились швы корпуса. Так что после этого – первого же – перехода «Ливадия» стояла семь месяцев на ремонте в испанском Эль-Ферроле.

Потом все таки добравшаяся до России «Ливадия» выполнила, как оказалось, свой единственный рейс – под флагом командующего Черноморским флотом, приняла на борт сразу двух великих князей – генерал-адмирала Алексея Александровича и Михаила Николаевича, и направилась в Батум. Высокородным пассажирам не повезло: был шторм, и от его ударов яхта содрогалась как в лихорадке.

Спешно собранная флотская комиссия изучив вопрос вынесла приговор – конструкция была признана неудовлетворительной. То что годилось для броненосцев береговой обороны судну открытого моря не подходило.

Яхта ушла в Николаев, где и стала на прикол. Имущество и мебель потихоньку свозилось на склады порта; «Ливадию» в газетах деликатно упоминали как «бывшую яхту». Потом с нее сняли машины. В итоге бывший плавучий дворец гнил себе у причальной стенки, превратившись в номерной блокшив.

Что-то символичное виделось ныне молодому императору во всей этой истории...

Огромный державный корабль с мощными машинами и роскошной обстановкой, отборной командой и спроектированный умнейшими людьми – оказался беспомощен перед волнами и ветрами, которые выдерживали куда как более скромные суденышки. Ибо те не сопротивляются слепо титанической мощи морской стихии – а следуют ей.

Как бы и России не оказаться в подобном положении!

И что надо будет изменить из отцовских установлений, чтоб этого не случилось? Вот например просвещение и народные училища... Увы – сколь много говорят недовольные о том что народ наш темен, а власть и пальцем не шевелит – и вот тут уж не поспорить: в чем, а в этом не сильно врут.

Из армии пишут – толковых грамотных солдат, чтобы обслуживать новейшие пушки и митральезы и военные телеграфы найти нелегко. Земцы плачутся – не хватает врачей и зем-

лемеров. Министерство государственных имуществ отмечает, что для казенных рудников не хватает инженеров... Купцы и те жалуются – толковых десятников и мастеров для иноземных машин не сыскать. Увы – отец считал, что образование не может быть общим достоянием и должно оставаться привилегией дворянства и зажиточных сословий, а простому народу, как говорили «кухаркиным детям», подобает уметь лишь читать, писать и считать до ста.

А ведь еще прадед Николай – тот еще бурбон – не отрицал что «Народ без просвещения – это народ без достоинства. Им легко управлять, но из слепых рабов легко сделать свирепых мятежников».

Но это было забыто, и министром графом Дмитрием Толстым уже летом 1882 года был принят циркуляр о гимназиях, запрещающий обучение в них детей несостоятельных родителей. Вот к слову – Толстой – который как раз недавно отошел в мир иной. (Как поговаривали в свете – от застарелого сифилиса)

Когда то ведь был либерал каких поискать – дружил с Салтыковым-Щедриным и поэтом Плещеевым, одним из членов кружка Петрашевского. С последним он был настолько неразлучен и близок, что когда того арестовали и посадили в Петропавловскую крепость, то знавшие их считали, что следом за узником в крепость пойдет и Толстой.

Но уже в конце шестидесятых взгляды его резко изменились, – злые языки поговаривал что потому что Толстой, будучи крупным землевладельцем много потерял с отменой крепостного права. Вольнодумец был скуп и жаден и рассматривал земельную реформу как откровенное посягательство на свой карман. («А и недорого стоят идеи-то»!)

Обладея большим умом и твердой волей, он вместе с тем был коварным, злым и мстительным, что делало его страшным человеком, получившим прозвище «злой гений России». Грех конечно – но не жаль его. Что и говорить – министров батюшка ему хороших почти не оставил...

Горемыкин, Делянов, Муравьев... – не гении одно слово. Гирс неплох – хоть и осторожничает. С военными вот хуже – кого министром сделать – как не перебирай кандидатуры – подходящих и нету. Точнее все с какого-то боку и хороши – но в целом – нехороши каждый по-своему. Разве что Гурко?

Но тут уж ничего не поделаешь.

Еще Александр Благословенный сказал «честные люди в правительстве – случайность», и что у него такие министры, «которых он не хотел бы иметь лакеями». Да разве одни министры? А те кто ниже – масса чиновничества – карьеристы, взяточники, мастера втереть очки? Гимназические преподаватели и журналисты официальных листков – по приказу насаждающие сегодня то, что завтра будут ругать, и наоборот, и при том всегда доказывающие, что и насаждение и ругань – на благо России.

Цензоры – которые сами толком не знают чего запрещают. К тому же – уставы цензурные так хитро составлены, что никто никогда не может знать, как взглянет на его труд и в какую минуту тот или другой цензор. Случалось, что московская цензура пропускала то, что запрещала петербургская, и наоборот... В России не бывает лучшей рекламы, чем «попасть под гнет сатрапов». «Запрещенный товар – как запрещенный плод: цена его удваивается от запрещения...»

Он и сам читал Кюстина именно поэтому – хотя казалось бы пора уже позволить сие сочинение – уж четвертое царствование идет с описанной им поры...

(Разрешить, может быть, личным приказом? Но с чего бы царю снисходить до одной книжицы? Ну да Бог с ним с этим мужеложцем французским! Не в кюстинах ведь дело, а в наших русских Ваньках...)

В памяти Георгия намертво засел рассказ генерала Черевина – о некоем жандармском ротмистре каким-то боком причастным к знаменитому и позорному делу Дегаева.

Тот, занимаясь изъятием нелегальной литературой, имел занятное увлечение – коллекционировал карикатуры на царя – кои изымал из секретным образом ввезенных иностранных газет, прокламаций, и брошюрок. Три альбома насобирал – и даже показывал особо близким друзьям – то показывал, за что других отправлял в крепость и сдавал в солдаты...

И дальше – вплоть до околоточных и заседателей... Читая отчеты жандармов и письма отцу из провинции он временами готов был ругаться черными словами.

А кто виноват? А царь! Не серый же Акакий Акакиевич из Цензурного комитета и не дубинноголовый столоничальник из Синода. Сей ребус трудно решить – тем паче в одночасье. С этим всем надо что-то делать... Ну вот опять «что-то делать»!

«Надо делать хоть что-нибудь! Пусть хоть что-нибудь да сделает правительство!» – так по донесениям восклицали многие земцы, жалуясь на неурядица и беды. И никто не посоветует – что это такое «что-нибудь»? И хоть бы кто подсказал из этих прогрессивных дельцов – с чего начать? А то ведь потом ежели не так пойдет – будут призывать кары небесные на головы власть имущих и лично его...

Георгий шумно вздохнул.

...Решено – раз никто не может подсказать – начнем с народного просвещения. Закон о кухаркиных детях отменим – не прямо сейчас, но вскорости после коронации. Либерализму хотите? Будет вам и либерализм! И иудейский вопрос – дойдет черед – решим ко благу России и к удовлетворению народа библейского. А кто не удовлетворится... – Георгий недобро прищурился – тому казни египетские вспомнятся!

...Однако и спать пора – ибо даже царям хоть иногда отдыхать надо. Завтра предстоит тяжелый день...

Не раздеваясь, он лег на диван и смежил веки, погасив светильник поворотом фарфорового рычажка. Салон-купе заполнил глубокий мрак, нарушаемый лишь лучикам лунного света сквозь занавеси...

Бородатый уставший человек внимательно смотрел со снимка на задремавшего сына – как будто чего-то ожидая.

Часть вторая Тяжесть венца

Император Георгий Александрович прибыл в Первопрестольную 15 августа около шести часов вечера.

Согласно предварительным планам, царский поезд с берегов Невы должен был прибыть на пути станции Москва-Каланчевская, что рядом с Николаевским вокзалом. Там и планировалась встреча нового царя с московской знатью, городской депутацией. Поэтому строительству павильона уделялось самое пристальное внимание... Сперва его хотели построить на Каланчевской – но слава Богу в министерстве двора вовремя сообразили: для тожественного въезда предполагалось иметь несколько десятков парадных карет и почти сотню лошадей – и столько же служителей придворного конюшенного ведомства. Неширокая Каланчевская улица необходимого пространства для такого количества экипажей просто не имела. Кроме того, в Москву привезли транспорт жетонов и серебряных рублей, предназначенных для раздачи народу «в память Священного коронования». А такая раздача в тесноте Каланчевской и Мясницкой улиц была крайне нежелательной – сомнут всю торжественную процессию и еще потопчут друг друга не приведи Господь!

Словом, высочайший поезд по соединительной Алексеевской ветке прибыл на Смоленский вокзал.

Пришлось спешно сооружать новый павильон, теперь уже близ Тверской заставы. Нарядный деревянный терем возвели очень быстро – тут уж сроки поджимали: назначенный лично губернатором Долгоруким известный московский архитектор Лев Борисович Кекушев даже как донесли императору жаловался что работа добавила ему седых волос.

Павильон вышел довольно красивым и был увенчан куполом, покрытым цинком. Над главной залой здания высилась небольшая башня со шпилем.

Внутри павильон был великолепен: стены красиво декорированы штофными тканями, украшены светильниками, зеркалами, стояла изящная мебель любезно предоставленная московскими купцами. В общем и целом строительство вокзальчика обошлось казне в тридцать тысяч золотых рублей – воистину: мал золотник, да дорог. Со стороны путей была устроена весьма просторная платформа, покрытая легким навесом с резьбой тонкого рисунка. Ширина этой галереи позволяла установить в дюжину рядов встречающую парадную войсковую команду, да еще с оркестром в придачу – вдруг пойдет дождь или случится гроза – не мокнуть же царю как простому смертному? В убранстве царских черно-бело-золотых штандартов флагов царский павильон выглядел весьма нарядно. Спустившись по ступенькам вагона, застеленным красным сукном Георгий Александрович поздоровался с встречавшими и, пройдя в зал, «милостиво выслушал пришедших» как потом напишут газеты.

Платформа была по всей длине выстлана коврами, белым и красным сукном, на насыпанных в принесенных деревянных кадках клумбах, из цветов были составлены царские вензеля и герб России. На платформе выстроили почетный караул со знаменем и хором с оркестром. Маэстро взмахнул рукой, и полсотни голосов слаженно грянули:

*Боже, царя храни!
Сильный, державный, царствуй
На славу нам.
Царствуй на страх врагам,
Царь православный...*

У Триумфальных ворот Императора встречали генерал-губернатор князь Долгорукий с адъютантами; при вступлении в Земляной город к ним присоединились городской голова Чичерин с гласными Думы и членами всех трех управ – городской, мещанской и ремесленной.

Тут же присутствовали генералы Васмунд – командир лейб-гвардии Измайловского полка и Меве – из лейб-гвардии Павловского. Возле них, недалеко от тронного возвышения, стояли лоцены, с обширной лысиной и прижатыми ушами генерал-адъютант Фридерикс: громадный мужчина с коротким ежиком темных волос, подстриженными усами и бородкой, с пробритыми щеками и приятным лицом.

Тут же собралось московское дворянство во главе с губернским предводителем графом Бобринским вышло навстречу напротив генерал-губернаторского дома; московский губернатор Перфильев со свитой и купцами занял позицию у Воскресенских ворот.

Император, приняв положенные приветствия, сел в карету и, минуя город, прямо последовал в загородный Петровский дворец, славный тем в котором жил Наполеон I в дни когда после того как вошел в Москву тщетно ждал сперва московских «бояр» с ключами от Кремля, а потом послов Александра с раболепными предложениями о мире.

А на следующий день началось торжество.

На пути следования кортежа московские улицы представляли необычайный вид. Все лавки заперты, нигде не видно ни экипажей, ни пешеходов. Вся жизнь как бы отхлынула от города и вся прихлынула к его центру, к Кремлю...

И вот – Красная площадь.

Про себя Георгий невольно ахнул.

Сотни тысяч людей занимали кремлевские площади и стояли вокруг его стен. Это было сплошное море голов.

Толпа хранила торжественное молчание.

Взоры всех были обращены были лишь в одну сторону – на императорский кортеж.

Впереди казаки подняв подвысь высокие пики с бунчуками, за ними кавалергарды в блестящих касках, с серебряными двуглавыми орлами, дальше – Собственный Его Величества конвой в живописных ярко-красных черкесках... Конные герольды с поднятыми жезлами... Гвардейские конные трубачи с гербовыми трубами...

Регент ехал на коне светло-серой масти. На нем был мундир Гвардейского морского экипажа без знаков различия. (Предварительно он забраковал несколько предложных коронационных облачений остановившись в конце концов на флотской форме. Что до чинов – то увы – присвоить их ему было некому).

Рядом с Георгием на мышастом пони ехал наследник-цесаревич, великий князь Михаил. За ним следовали великие князья, иностранные принцы и знать рангом пониже, за которой в золотой карете, запряженной восьмеркой белых лошадей, следовала вдовствующая императрица. Рядом с ней сидели Ольга и сгорбившаяся выглядевшая усталой Ксения Александровна.

Парадные, запряженные цугом придворные кареты с верховыми форейторами, предшествуемые верховыми чинами конюшенного ведомства, расшитые золотом мундиры придворных, участвовавших в процессии, и ярко-красное с золотыми позументами одеяние многочисленной прислуги – все это, словно купаясь в ярких лучах августовского солнца, переливало всеми цветами радуги и ослепительно сверкало.

Мгновенно громадная площадь огласилась восторженными криками. Детский хор в двенадцать тысяч юных звонких голосов, управляемый полутора сотнями регентов собранных по церквам и обителям Московской губернии, исполнял «Слався...»...

Пушечная пальба, перезвон колоколов, крики толпы – все это сливалось в какой-то невообразимый гул.

Спешившись у Лобного места Георгий вошел в самую известную и почитаемую московскую часовню Иверской иконы Богородицы, где его благословил епископ Алексей.

Оттуда император направился к красному крыльцу Большого Кремлевского Дворца, где его встретил с хлебом-солью обер-церемониймейстер князь Долгорукий...

Да – признаться даже Георгий был поражен увиденным.

... Предвкушением редкого зрелища – кремлевской коронации, царского шествия и проезда по улицам столицы в сопровождении нарядной свиты, торжественных приемов – равно как и подготовкой к ним, была насыщена вся повседневная жизнь города.

Почти три месяца – с того самого апрельского дня когда определилась судьба Николая II, древняя русская столица готовилась к коронации императора, прихорашиваясь, как-только позволяла фантазия архитекторов и декораторов всех склонностей и таланта. Фасады множества зданий, все вокзалы, центральные площади были пышно убраны государственными символами, вензелями Георгия I гирляндами, флагами, цветными огнями.

Украшались Кремль, Триумфальная арка, улица Тверская; по всему пути выросли мачты,obelisks, колонны, павильоны, были подняты флаги, на Красной площади выстроили трибуны для зрителей – все было подготовлено к шествию царского кортежа. Вовсю шла работа на Ходынском поле, где намечалось провести народное гуляние.

Изо всех сил строился павильон в Сокольниках для принятия Императора во время церемонии освящения знамен Преображенского и Семёновского полков и для угощения войск; сооружались павильоны для встречи Императора депутациями и амфитеатры для публики у Триумфальных ворот на Тверской улице и на Красной площади. Множество домов и улиц были покрыты лесами: устанавливались щиты, декорации – город принимал праздничный вид.

Готовился совершенно особый никогда не виданный сюрприз – электрическая иллюминация – тысячи разноцветных «свечей Яблочкова» (правда – увы – французского и английского производства) должны были украсить соборы и дворцы. В помощь тянувшим электрические провода были даже выделены флотские гальванеры.

И на все это отводилось три месяца! Сперва Министерство двора даже просило отложить церемонию – на полгода, а лучше на год – ссылаясь на опыт коронации 1883 года – и то как указал в рапорте генерал-адъютант Оболенский – «Годичный срок может быть достаточен только при усиленной работе». Но молодой император настоял – коронация должна пройти как можно скорее.

Надо сказать – по ряду причин церемониал въезда Георгия на коронацию в Москву был изменен сравнительно с обыкновением. Например – все прежние государи короновались уже будучи женатыми – одновременно возводя в императорское достоинство и своих августейших супругов. (Тоже согласно установившемуся церемониалу – разработанному еще лично Петром Великим для коронации Екатерины I.)

Нынешний монарх будет короноваться в одиночестве – так что церемониймейстеры и Министерство двора наскоро внесли поправки в извечный порядок...

На следующий день в Оружейной палате прошло освящение нового Государственного знамени – штандарта нового царя – которое будет осенять его царствование и которое – дай Бог очень нескоро! – пронесут за его катафалком (Мысль об этом императора не испугала – скорее удивила – уж больно неожиданной она выглядела сейчас)

Панир изготовили из золотой ткани, на которой с обеих сторон был изображен императорский орел с гербами всех земель и царств империи Российской. Император лично прибил первый гвоздь к увенчанному серебряным двуглавым орлом древку стяга; остальные гвозди прибывали великие князья начиная с Михаила, потом Мария Федоровна...

На лентах знамени были указаны годы: 862, 988, 1497, 1721. Великие годы державы – год призвания Рюрика на княжение русичами, год крещения Руси Владимиром Равноапостольным, год когда Россия стала царством и год Петра Великого, год империи.

С церемонии освящения знамени Георгий переехал в Александрийский дворец в Нескучном саду, где провел последний день перед коронацией.

21 августа состоялось торжественное перенесение императорских регалий – порфиры, коронные знаки ордена святого Андрея Первозванного, скипетр, державу, Государственную печать, из Оружейной Палаты в Андреевский зал Кремлевского дворца.

Кроме того – во вторую столицу доставили Большую, императорскую корону, которую и возлагали на голову каждого нового самодержца – созданную знаменитейшими ювелирами Георгом-Фридрихом Экартом и Жереми Позье по специальному заказу государыни Екатерины II.

Сделанная из чистого золота, весом пять фунтов, она была украшена множеством бриллиантов и других драгоценных камней. Самым известным из них был рубин на дуге, разделявшей две половины короны. Поверх него находился крест из пяти больших бриллиантов.

(Во время обсуждения церемониала Победоносцев внезапно предложил использовать для коронации шапку Мономаха. Георгий было задумался – помимо того, что она послужит свидетельством приверженности нового царя древним обычаям и истории, шапка Мономаха имеет то преимущество, что весит всего два фунта. Но в конце концов решил что правильным было бы соблюдать прежние традиции)

Особая команда – дворцовые гренадеры под командой директора Оружейной палаты действительного тайного советника Филимонова и придворного ювелира Зефтинга извлекла из Оружейной палаты и перенесла в Успенский собор алмазный трон Алексея Михайловича, подарок персидского шаха Тахмаспа – созданный придворными ювелирами в Исфагане в далеком 1659 году. Трон украшали сотни алмазов и рубинов.

Опять таки – при обсуждении церемониала возник было спор – какой из хранившихся в Палате тронов надо избрать для обряда? Одни – во главе с обер-гофмейстером Нелидовским стояли за престол царя Ивана Великого, а московский градоначальник князь Долгорукий – за трон Михаила Федоровича. Конец спорам положил лично Георгий – выбрав трон отца Петра Первого.

Впрочем эти споры были мелочью сравнительно с финансовым вопросом.

Вначале Министерство двора запросило сто миллионов рублей. Георгий прочтя смету молча вычеркнул один ноль – ввергнув сановников и чиновников в состояние близкое к обмороку. Сумму снизили до восьмидесяти миллионов, но император был непреклонен. Сошлись в итоге на тридцати миллионах. Ну а кроме того Долгорукий пообещал что заставит московских купцов тряхнуть мошной – не все ж им объегоривать и казну и народ – не грех и поделиться.

И вот настал день коронации.

Накануне – 22 августа – Георгий переехал в Николаевский дворец Кремля.

Ровно в семь часов поутру прогремел пушечный салют, зазвонили колокола кремлевских соборов. Спустя два часа закончился заздравный молебен в Казанском соборе и три главных российских митрополита – Новгородский, Московский и Киевский – в сопровождении духовенства вышли из собора навстречу кортежу во главе с юным императором...

Шествие открывал взвод кавалергардов, который позже выстроился по обе стороны паперти Успенского собора в Кремле. Следом за кавалергардами шли двадцать четыре пажа и столько же камер-пажей. Дальше – представители земств, председатели городских управ и прочие.

За ними под звуки труб и литавр важно ступал гоф-маршал Голицын, а только за ним – император под шитым бисером и золотом балдахином, который несли шестнадцать генерал-адъютантов.

За Георгием следовали сестры – Ксения и Ольга Александровны. Далее шли особы императорской крови.

Далее – прибывшие на торжества иностранные особы королевских кровей.

Королева эллинов Ольга Константиновна, брат Вильгельма II – принц Генрих Прусский, сын английской королевы принц Эдвард, румынский принц Фердинанд, и с ними еще три вели-

ких герцога, а также два владетельных князя – монашеский князь Гримальди и Иоганн Лихтенштейнский. Два вассала русской короны: эмир Бухарский Сеид-Абдул-Ахадхан с сыном-наследником, а также владетельный хан Хивинский Сеид-Магомет-Рахим-Бохадур.

А кроме них – двенадцать наследных принцев включая двоюродного брата Георгия – кронпринца Дании Юхана; и сверх того – шестнадцать «простых» принцев и принцесс. Прибыла делегация даже из Китая во главе с каким то побочным братом тамошней богдыханши Цы Си.

Дальше два обер-церемониймейстера с увенчанными изумрудами жезлами открывали собой нескончаемую процессию представителей русских волостей, городов, земств и дворянства. За представителями земств и городов шли представители первопрестольной Москвы и чины министерства двора.

За ними – депутаты казачьих войск в мундирах с газырями; за ними – длинные ряды местных предводителей дворянства; сенаторы в своих красных, расшитых золотом мундирах; министры и члены Государственного совета... Депутации азиатских и кавказских народов, подвластных России – верхами. Все эти важные люди следовали друг за другом, точно раззолоченные звенья громадной цепи, втягиваясь в храм...

Все гости к девяти часам утра собрались в Успенском соборе Московского Кремля.

Сопровождаемые четырьмя герольдами и великанского роста гвардейцами высшие сановники государства несли императорские коронационные регалии. Когда они приблизились к собору, навстречу ему вышло высшее духовенство. Митрополит Иоанникий окурил регалии фимиамом из небольшого золоченого кадила, а митрополит киевский Платон окропил их святой водою.

И вот настал главный момент.

Вот войска взяли «на караул», забили барабаны, разлился по Кремлю звон колоколов. Грянуло тысячное «ура» тут же подхваченное густыми необозримыми толпами народа, оно пронеслось по всему Кремлю, перекатилось через стены его, загремело на Красной площади, громовым откликом отозвалось вдоль берегов Москвы-реки. На Красном крыльце появился император и неторопливыми шагами начал спускаться со ступеней.

Император направился к Успенскому собору, где его встретил Московский и Коломенский Митрополит Иоанникий с духовенством. В соборе император поднявшись по обтянутым алым сукном ступенькам занял место на троне. У подножия трона расположись великие князья Алексей Александрович, Сергей Александрович и Владимир Александрович и с ними командир Кавалергардского полка князь Шипов с обнаженным палашом наизготовку.

Огни мириад свечей отражались в драгоценностях дам и золотом шитье мундиров – это было поистине ослепительное зрелище.

Среди гостей взор Георгия выделил нескольких глубоких стариков которым даже было дозволено сидеть во время церемонии. Это были приглашенные на коронацию по предложению великого князя Николая Николаевича последние живущие участники Отечественной войны 1812 года.

И он вдруг подумал что также точно в некоем далеком будущем люди будут смотреть на таких же почтенных старцев – последних кто помнит его царствование.

После молебна первенствующий Новгородский митрополит Исидор поднялся на верхнюю площадку трона и – сейчас предстояло совершить еще один важный элемент коронационной процедуры – Государю предстояло прочесть Символ веры – дабы подтвердить лишний раз православное вероисповедание венчаемого на царство.

– Исповедуете ли веру православную? – задал вопрос митрополит

– Исповедую, – ответил Георгий.

В храмовой тишине торжественно звучали слова пришедшие из седой византийской древности...

...Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.....Нас ради человек, и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята, и Марии Девы вочеловечьшася.

Распятого за ны при Понтийстем Пилате, страдавши и погребена, и воскресшаго в третьи день по писаниих...

Аминь!

Довольный Исидор благословил императорскую мантию и камер-пажи укрепили ее на плечах Георгия.

После возложения порфиры Георгий склонил голову и митрополит осенил его крестным знаменем и, возложив на голову царя крестообразно руки, прочел все положенные молитвы.

Принесли корону, архипастырь благословил её и подал Георгию.

В этот момент в церемонии возникла краткая заминка – присутствующие заметили что стоя с короной в руках он прошептал что то еле шевеля губами... Вновь молился? Или говорил с кем-то незримым? Но это длилось лишь несколько секунд – и молодой царь собственноручно возложил корону на голову. Затем, взял в правую руку скипетр, а в левую державу и воссел на престол.

И вот тут – в тот самый миг когда генерал-адъютант Александр Константинович Багра-тион-Имеретинский предавал ему Державу, крепкая рука лейб-кавалериста внезапно дрогнула – присутствующим почудилось – еще миг – и царственный символ упадет. А у старых вельмож помнивших еще коронацию деда Георгия невольно замерло сердце. В памяти их тут же всплыло как стоявший у престола молодого Александра II с Державой старик Горчаков внезапно потеряв сознание, выронил подушку с ней – так что золотой шар увенчанный бриллиантовым крестом зазвенев, покатилаь по полу собора – что сочли весьма дурным знаком (и – увы! – не ошиблись).

Но Георгий тут же сомкнул на Державе пальцы – отменив зловещее знамение – и церемония продолжилась как ни в чем не бывало.

Он еще раз прочел молитву – особую, что читали лишь венчаемые на царство православные государи:

«Боже Отцов и Господи милости, Ты избрал мя еси Царя и Судию людям Твоим». А Исидор продолжил: «Умудри убо и поставь проходити великие к Тебе служения, даруй ему разум и премудрость». Хор грянул «И Тебе Бога хвалим», и началась литургия. Затем был еще чин миропомазания. Торжественная тишина царила в соборе. Но чрез миг её нарушил звучный, сильный гулкий бас протодиакона, возгласившего полный титул государя всероссийского... .. Божиєю поспешествующею милостью..., Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Вольнский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий князь Новгорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны Повелитель и царь Грузинский, Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских князей и иных наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая... Замерев в каменной неподвижности на троне Георгий вслушиваясь в названия царств и земель подумал – что этот звучный список который с трудом зубрят новобранцы под мат и зуботычины фельдфебелей, и над которым втихомолку посмеиваются высокоумные разно-

чинцы в своих гостиных – это ведь не просто набор слов. Это по сути итог всей российской истории, рек – а пожалуй что и морей – крови и пота народных, тяжких трудов мужиков и царей. Но в меньшей степени – разума народного. Ибо не мог бы народ варварский и неумный каким чтят русских не только иноземцы, но и увы – многие свои – стяжать столь могущественное государство в столь тяжелой борьбе...

А певчие уже исполняли царский псалом:

«Милость и суд воспою тебе, Господи».

А снаружи донеслись звуки артиллерийского салюта ровно из ста одного орудия, возвещавшие народу, что коронавание свершилось – и отныне у империи опять имеется истинный и законный государь.

Певчие затянули «Тебя Бога хвалим». Протодиакон монотонным басом возгласил полный императорский титул, хор запели «Многая лета», а снаружи донеслись звуки артиллерийского салюта ровно из ста одного орудия, возвещавшие народу, что церемония свершилась – и отныне у империи опять имеется истинный и законный государь увенчанный имперской короной.

Затем монарх удалился во внутренние покои, где в Грановитой палате, помнившей еще Ивана Грозного, состоялся традиционный Высочайший обед. За обедом Придворный струнный оркестр играл лучшие пьесы из опер русских композиторов.

Из высшей российской знати на нем присутствовало чуть больше полутора сотен человек. На горячее подали суп из сливок со спаржей, пироги «гатчинские», форель «по-американски», отбивные из баранины, филе молодой утки, фаршированное свежим горохом, на десерт – персики.

На столах стояли корзины со свежими цветами, на серебряных блюдах разложены конфеты, бисквиты, фрукты и свежая земляника. Рядом, поместили отдельный стол с закусками. Георгий остался верен отцовскому обыкновению – во время пира гостям подавали только русские вина – крымскую мадеру, кавказские – васисубани и кахетинское, и недавно появившееся «Абрау Дюрсо» – отечественное шампанское.

Для дам был приготовлен кофе и горячий шоколад.

Вопреки обыкновению не стали сервировать особые столы для чинов разных классов и для военных и штатских в разных палатах Кремля. Но зато для них был дан торжественный обед в зале Московского Благородного Соборания на три тысячи персон, а вечером – бал. Организаторы оригинально украсили зал – расставив цветущие лавровые деревья, пальмы, тропические растения и цветы из московских оранжерей.

А вечером, с последним ударом курантов на Спасской башне «как бы по мановению волшебного жезла» вся колокольня Ивана Великого вспыхнула сверху до низу огнями ярких электрических ламп.

Утра следующего дня в Кремлевском Дворце был принят папский нунций Ванутелли, который вручил свои верительные грамоты. После посла поздравления приносили, военные из свит иностранных послов..

В полдень началась Божественная литургия. По её окончании из Успенского собора царь в порфире и короне под балдахином посетил Архангельский и Благовещенский соборы.

27 августа на Ходынке состоялось народное гулянье, которое посетил и Георгий I.

Гуляния на Ходынском поле, где присутствовало более трехсот тысяч человек прошли на удивление спокойно. Хотя на Ходынку приходили не только со всей столицы, но даже из других уездов Московской губернии.

И тогда же произошло самое массовое угощение и москвичей.

Было роздано примерно полмиллиона подарков. Из множества палаток каждому входившему солдаты подавали узелок: два капустных или рисовых пирога, бумажный кулек с винными ягодами, орехами, изюмом, фунт сластей и пряников, и жестяную эмалированную

кружку; на ней был изображен государственный герб, царский вензель, и под ним цифра – «1889».

Народу также выкатили несколько сотен бочек медовухи и пива. Чиновники предлагали налить черни и «беленькой» – но Георгий Александрович немного подумав, не одобрил. Где водка – там буйство и драки – а то и до смертоубийства недалеко – не подходящие события для коронации. Так что получив наполненную пивом кружку, мужички, пользуясь теплой майской погодой, отправлялись на лужайки и садились на землю, поставив перед собой угощение или лукошки с пирогами и сладостями и мирно отдыхали и закусывали. Красные праздничные сарафаны принарядившихся молодых и девок, синие косоворотки и картузы мастеровых и мужиков, чистые хотя и ветхие армяки стариков... Все окрестности было сплошь усыпаны этими живописными группами простого народа.

Гуляние оглашалось песнями, всюду кружились хороводы. Народ любовался скоморохами и кукольными театриками с неизменным Петрушкой, толпился у райков, забавлялся лазаньем на мачты за сапогами, жилетками и поддевками.

Публика вовсю веселилась, но при этом чувствовалось, что поддерживается строгий порядок – чему способствовали внушительные фигуры гвардейцев и городских то тут то там.

Уже расходясь народ довольно гомонил: «Спасибо Батюшке-Царю! И угостили и потешили!»

Коронационные торжества закончились 28 августа высочайшим смотром войск.

В 11 часов утра на место торжества прибыл Император.

У старинной церкви села была разбита палатка, перед палаткой был разложен ковер и поставлены аналои с образами, около которых располагалось духовенство полков и два хора певчих.

Войска были поставлены развернутым фронтом. Перед аналоем стояло восемь знамен. Старым знаменам последний раз была отдана честь. Началось освящение новых знамен.

Командиры полков стали на колени. Во время молебствия была провозглашена вечная память всем государям, начиная с Петра I, а по окончании молебствия – многолетие Императору и всему Царствующему Дому.

Затем войска прошли церемониальным маршем.

Георгий I поздравил войска с новыми знаменами и выразил надежду, что они и впредь поддержат боевую славу их полков. Старые знамена поместили в на хранение в Преображенскую церковь.

По случаю коронации была проведена амнистия, прощены долги казне, но широкой раздачи титулов и денег, а тем более земли и поместий против обыкновения не последовало. Правда было роздано сто пятьдесят с лишним тысяч бронзовых коронационных медалей. (На предложение придворных сделать их серебряными Георгий – как раз в очередной раз печально изучивший смету торжеств – сообщил что отец его ограничился бронзовыми медалями и он намерен следовать его примеру)

Праздники закончились – наступало время для тяжелой работы – ибо в какой другой стране – а в России все державное здание держится прежде всего на плечах монарха. И это не многим легче, чем было Атланту державшему «меднокованное» небо древних греков.

* * *

«Могучею, неудержимую волной понеслось из уст всех присутствующих неумолчное «ура!», когда появился на Красной площади русский Царь ... По наступлении восьми часов утра начался перезвон к водосвятию, а духовенство начало движение из Чудова Монастыря с Иконой Святого Алексея Митрополита и из Иверской часовни с Иконой Богоматери в Успенский собор. Духовенство Давыдовской пустыни направилось к Храму с Иконой Спасителя.

Войска кольцом окружили площадь, фронтоном к Храму. Возле помоста, обитого красным сукном, разместились знаменщики.

К половине десятого, когда начался Благовест, в западном притворе собрались Великие Княгини и Принцессы, к 10 часам прибыл Митрополит Иоаникий. Ровно в 10 часов загремели со стороны Кремля «ура», возвещавшие о приближении Его Императорского Величества.

Государь объехал войска, здороваясь с ними – в ответ раздавалось оглушительное «ура» войск и народа, покрывавшего улицы, крыши домов и противоположную набережную. Императорский кортеж торжественно въехал на Красную площадь. Многолетие Государю Императору и Царствующему дому было возвещено народу пальбой из орудий...»

«Русский Инвалид»

* * *

...Блестящий кортеж, зубчатые стены Кремля, рыцарские доспехи кавалергардов, заводные лошади, покрытые шитыми тяжеловесными золотыми попонами с громадными двуглавыми орлами, литаврщики и оркестранты, наконец, несметная толпа народа – представляли живописнейшую картину и переносили вас воображением к давно минувшему времени... Прекрасны были кавалергарды и конногвардейцы в своих белых мундирах, в блестящих на солнце кирасах и золотых и серебряных приборах с рельефными орлами на касках. Превосходные лошади, блестящее вооружение, молодеватый вид людей и минуты торжественного ожидания – все это невольно импонировало толпе, которая все возрастала вскоре положительно запрудила площадь.

«Правительственный вестник»

* * *

«Впереди ехали жандармы, а затем драгуны псковского полка, шефом которого была вдовствующая императрица Мария Федоровна, казаки, кавалергарды в блестящих касках, увенчанных золотыми орлами, за ними следовал собственный конвой Его Императорского Величества в живописных ярко-красных черкесках.

Замыкали процессию депутации от азиатских народов, входивших в состав Российского государства. Император был верхом на коне светло-серой масти. У Иверской часовни при въезде на Красную площадь, он спешился и принял благословение митрополита.

В начале торжественного обряда коронации митрополит Новгородский обратился к государю с напутствием и предложил ему прочитать Символ

Веры, что Его Величество и исполнил. Митрополиты поднесли императору порфиру и бриллиантовую цепь ордена Св. Андрея Первозванного. При возложении порфиры император преклонил главу, а первенствующий митрополит осенил Его Величество крестным знамением и, возложив на голову монарха крестообразно руки, прочитал св. молитвы...»

«Московская газета»

* * *

«24 августа Император принимал поздравления от земств и городов, дипломатического корпуса и духовенства.

25 августа поздравления приносились военными, лицами придворного круга и чинами первых четырех классов.

26 августа император принимал поздравления от дам первых шести классов, супруг и дочерей потомственных дворян.

Вечером в Большом театре состоялся парадный спектакль – опера «Жизнь за Царя».

Теперь поздравления приносили придворные чины и кавалеры, гражданские чины 4-х классов, потомственные дворяне и иные особы, имеющие проезд ко двору.

В 7 часов 5 минут Его Величество сошли в нижний этаж Петровского Дворца. На парадной лестнице их ждала коронационная комиссия, которой Георгий I выразил особую благодарность. На крыльце Император принял хлеб-соль от подрядчиков, работавших на коронационных торжествах. Затем Его Императорское Величество сели в карету и экипажи тронулись к Смоленскому вокзалу, при громких благословениях и кликах огромной толпы народа. На платформе Его Величество и сопровождающих лиц ожидал генерал-губернатор, поднесший Вдовствующей Императрице Марии Фёдоровне роскошный букет.

Государь Император, прощаясь, многим подал руку. Поезд отправился в 7 часов 30 минут...

«Сын Отечества».

1 сентября 1889 г. Зимний дворец

– Вы хотели меня видеть господин Ванновский? Присаживайтесь...

Министр с достоинством опустился в кресло напротив стола.

– Надеюсь – вы не принесли каких то неприятных новостей? – Георгий машинально пролистнул блокнот.

– Слава Богу – по моей части все благополучно... – министр как ему показалось сомневался – начинать ли разговор. Я пришел если так можно по личному вопросу. Я полагаю вам, Ваше Величество будет небезынтересно узнать мое мнение... по вопросу суда над господином Посьетом и другими обвиняемым по делу 17 октября

– Вот как? – Георгий заинтересовался. И что вы имеете *мне* сказать по сему вопросу?

– Я... хочу спросить вас, ваше величество, – Ванновский за отрешенным спокойствием прятал волнение – вы намерены добиваться обвинительного приговора? Вы и... августейшая Семья?

– А ваше какое дело? – захотел осведомиться император, но сдержался

– Я полагаю что процесс следует довести до конца – раз уж он начал... – неопределенно бросил он. Не надо очертя голову бросаться в атаку – тем более на *подчиненного*. Вы ведь в конечном итоге не сразу, но согласились с отдачей их под суд? Что до приговора – его вынесу не я, а судьи...

Ванновский промолчал с полминуты...

– Государь – начал он. Я готов понять ваш чувства – и чувства царствующей Семьи – но прошу меня простить – это дело уже не семейное, а государственное!

Для государства – для державы – поправился он зачем-то, – будет лучше если бы все кончилось актом амнистии. Любой из этих людей до того дня выполнял свой долг как мог – в нашей действительности... Адмирал Посьет – благородный человек принесший немало пользы России – и в конце концов ему не так много осталось... Уже одно то что он стал пусть и косвенной причиной гибели своего царя – есть наказание для такого человека жутче цепей и ссылки!

– И что же вы считаете нужным применить к...обвиняемым? – сухо бросил монарх

– Увольнение, выговор, опала...

– И все? – невольно переспросил Георгий

– И все! – согласно кивнул Ванновский. Мне кажется государь как видится мне я имею право просить об этом – ибо был с вами в тот день...

– И вас не смущает Петр Семенович что вы сам могли разделить судьбу любого из погибших ...или моего старшего брата?

Сказал он это просто от души – но если бы и думал смутить старого служаку, то ошибся.

– Ваше Величество – я осознаю это более чем другой – как побывавший на трех войнах. Но именно как военный, как офицер я знаю что смерть может придти не спросясь...

Государь! – голос его звучал проникновенно и уверено. Георгий Александрович! Я думаю вы понимаете что никто не имел и тени мысли причинить зло вам или вашему царственному отцу и брату... Это воистину нелепая невероятная случайность!

– Ну... с тем же успехом как судить Константина Николаевича или господина Шернвалья вы бы могли приказать расстрелять из трехдюймовки тот злосчастный паровоз что сошел с рельсов так некстати!

Мнение многих и многих сейчас таково что осудив их вы вызовете сочувствие и не побоюсь этих слов – недобрые мысли о вас в обществе...

Георгий вдруг зацепился за последние слова Ванновского. **Многих?** Господина министра кто-то прислал? Или уполномочил «довести до сведения»? *Камарилья* испугалась? Пробуют давить? – стрелой пронеслось в голове...

– Это только... ваше *личное* мнение? – сухо прозвучал вопрос.

Генерал с достоинством выпрямился

– Как наверняка помнит Ваше Величество – уставы запрещают подачу коллективных рапортов и жалоб, а за самовольное построение во фронт с этой целью солдат ждет каторга и арестантские роты. Я всегда чтил устав. Но так как я думаю многие. Государь – воспользовался Ванновский паузой чтобы перехватить инициативу...

– Видит Бог я понимаю ваши чувства – чувства сына чей отец погиб так нелепо...

Но вспомните – да простите вы меня – Александр Благословенный для пользы России не стал карать господ Бенигсена и Палена...

Потом Георгий долго вспоминал – что именно тогда после этих рассудительных и вроде как сочувственных слов с ним случилось? И не смог... Он даже не удивился что *про такое* сказали вслух в его присутствии.

...Просто что-то словно изменилось вокруг... Что то заставило его встать – и вот он уже выходит из за стола – и вот стоит в тех шагах от замершего статуей Ванновского... В ушах – странная звенящая тишина...

И лицо того выглядит так как будто тот испугался – хотя Георгий чувствует себя совершенно спокойным.

– Это неуместный разговор, Петр Семенович! – прозвучал в звенящей тишине от чего то охрипший голос... Вы свободны. Но я обдумаю то, что услышал от вас...

С минуту он стоял устремив взгляд на закрывшуюся за министром дверь

Потом вернулся за стол – навалилась усталость – словно пять верст строевым прошагал...

Покачал головой вспоминая физиономию господина генерала. Словно бы кобру или не приведи Господи – дракона – увидел!

Или испугался, что за такие слова его в крепость бросят? Ну – не те времена! Даже отставки не будет – ибо министр он не особо дурной...

Но вот с назначением его в Государственный Совет как предлагал Победоносцев – повременим. Пусть и дальше председателем будет господин Николай...

* * *

11 сентября 1889 года

Указ Императора Всероссийского «О порядке управления правительством».

Его императорскому величеству благоугодно повелеть учредить для наилучшего руководства правительством должность председателя Совета министров.

На председателя Совета министров возлагаются обязанности по повседневному ответственному руководству Правительством Империи.

Председатель Совета Министров подотчетен лично императору.

На новоучрежденную должность Нами назначается действительный тайный советник Бунге Николай Христианович

* * *

17 сентября 1889 года. Зимний дворец

Он сидел в Зимнем в кабинете отца за столом, заваленным непрочитанными бумагами. (Как не сопротивлялась душа – а пришлось все же занять царские апартаменты – *poblesse oblige*)

...Все те же бумаги, все тот же механизм распоряжений и дел, которых вращался до него и будет и после него... А он – то ли главный приводной ремень то ли пятое колесо в этой телеге – без которого однако оставшиеся четыре не поедут.

Георгий брал одну бумагу, читал, откладывал – иногда писал свое мнение. Теперь это уже ненадолго – но пока что никто эту работу за него не сделает.

Доклады с мест...24 августа, выполняя указ правительства об образовании на самой северо-восточной территории государства Анадырской округи, назначенный ее начальником Леонид Францевич Гриневецкий заложил в устье реки Казачка пост Ново-Мариинск.

Гриневецкий? – чуть приподнял он брови. Надо же – всего одна буква, но какая разница...

К рапорту было приложено представление на орден Святого Владимира 3-й степени с кратким послужным списком... Георгий покачал головой. Однако... Действительный член Императорского Российского Географического Общества; плодотворное участие в работе Первого Международного Полярного Года; статский советник, первым совершил пеший переход через южный остров архипелага Новая Земля, удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени...

При этом по образованию – медик.

На сердце у монарха вдруг потеплело. Вот какие люди служат России!

И чиркнул резолюцию – «с мечами». Что показательно – сообщение пришло через Владивосток по недавно проложенному телеграфу – доставленное в город попутной шхуной. А еще недавно ему бы идти еще пару месяцев – морем и ямской почтой. Ох как много предстоит сделать на восточных рубежах!

Надо к слову будет запомнить про этот случай и через годик отозвать господина Гриневецкого в высочайшее распоряжение. С должностью начальника тамошнего справится и какой-нибудь казачий есаул – а вот землепроходцы такого уровня еще понадобятся.

30 августа – на укреплениях Владивостока, подняли крепостной флаг в связи с получением статуса крепости 2-го разряда. Кто там комендант? Хотя – не важно. Наград не будет – пока не за что...

2 сентября. Открыт морской порт в Мариуполе... Так – ну это не очень интересно хотя и хорошо. Открыто движение по железным дорогам Псков – Рига и Валк – Дерпт. Тоже неплохо – конечно в железнодорожном деле воровство и раздраз – но и польза есть. Да – скоро всем этим будут заниматься другие. И кто тогда станет вникать в мелочи? Кто обратит внимание на кого-то вроде этого славного врача-путешественника?

Георгий I вздохнул – в конце концов понятно – невозможно одному человеку держать в голове всю махину дел – изрядная часть коих требует высочайшего соизволения только по

давнему обыкновению. Монарху же должно сосредоточиться на главном... Вот только как определить – что главное а что нет?

* * *

...Идея возникла словно сама собой... Как-то вот также он сидел за этим столом и читал. Тягостное, унылое единоборство с бумагами – читал до обеда и после обеда – а прочел – словно великана одолел. «Вышеизложенное споспешествует водворению благочиния»... «предполагается вернуть в первобытное состояние» «оказывали полезное содействие предприятиям ведомства»...

Скоро он того гляди начнет разговаривать этим языком с девицами в самые интимные минуты!.

Однако что поделать? Батюшка его – Александр III тоже тащил на себе этот воз бюрократический. Также поступал и дед а до того – прадед. И цари что были до них – а как же иначе? Петр Великий – славный прашур и зиждитель державы вон лично двадцать тысяч указов написал...

Но когда молодой император осознал объемы ежедневной работы и уровень ответственности, обрушившейся на него, он просто впал в панику.

И поневоле вспомнил опыт отца. Тот тоже измученный грузом бумаг решил негласно завести нескольких помощников. На эту роль он выбрал трех ближайших соратников: графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова; генерал-адъютанта Оттона Борисовича Рихтера, командующего Императорской Главной квартирой, и главу телохранителей Черевина. Главной их задачей было помогать императору разбираться в докладах и отчетах.

Что интересно – все трое сразу высказались в то духе, что как верноподданные выполнят вол монарха, но подобное решение представляется им не только неудобным, но и опасным.

По их мнению учреждение этого тайного совета невозможно будет сохранить в секрете и в результате все прочие сановники воспримут новый порядок, как знак личного недоверия к ним. Но главное – в обществе пойдут разговоры и пересуды, сочтут, что новый порядок есть ограничение самодержавной власти монарха в пользу некоего триумвирата; и в итоге воцарится убеждение, что вместо самодержавного монарха Россией правит олигархия из высших чинов.

Слухи и в самом деле пошли и на соратников отца стали косо смотреть – после чего члены «негласного комитета» попросили освободить их от обязанностей личных помощников.

И батюшка был вынужден согласиться со своими соратниками лишь грустно бросив – «И вы меня покидаете».

Но Георгий уже почти собрался завести себе что-то подобное – ибо буквально тонул в донесениях и отчетах – и все чаще ловил себя на том что чувствует себя к концу дня крепенько поглупевшим.

И вот тогда ему и пришло в голову простое изящное решение – а зачем ему тайная секретарская служба? Нужно открыто учредить сию, как говорили римляне – институцию. И не какой то там совет при императоре или личная канцелярия – как у прежних царей. А нормальная должность главы правительства с соответствующими полномочиями, штатом и порядком управления – как в иных странах – вместо этого нынешнего рыхлого и ничего не решающего Комитета министров.

Казалось бы что может быть проще? Но тогда он буквально вбежал в гостиную к матери и радостно сообщил

– Мама – я придумал как мне разобраться со всеми этими делами!

Потом несколько часов они живо обсуждали идею доводя ее до совершенства.

После – собрав основных министров он изложил им не допускающим возражения тоном о намерении учредить данное нововведение. Министры не возражали – если кто и был против – то плевать против ветра никто не решился.

Предлагали даже назвать должность премьер министром – но потом решили все же порусски – Председателем Совета министров.

Кого поставить на должность даже и вопросов не возникло.

Конечно Бунге – мудрый и понимающий человек знакомый еще по отрочеству – когда он читал великим князьям политическую экономию, статистику и финансы (В основном конечно брату Ники – но и на долю прочих царских детей оставалось).

Финансы и смежные вопросы, а особенно – промышленность можно поручить только Вышнеградскому. Правда Николай Христианович недолюбливает Ивана Алексеевича. И есть за что – тот пару лет назад вместе с Катковым сильно интриговал против Бунге – де надобно гнать «министра-инородца». А в окружении Вышнеградского Бунге иначе как «худой немчик на тоненьких ножках» не называли. Но то дела прошлые – да и хорошо с другой стороны – не смогут сговориться за царской спиной. Правда смогут ли работать рука об руку?

Но Георгий решил что сможет сгладить этот вопрос.

Он просто побеседовал с обоим сановникам и со всей деликатностью и твердостью выразил надежду что оба обратят свои труды на благо России, а личные чувства если они есть никак на работе не отразятся.

А потом уже с одним Иваном Христофоровичем – указав что председатель Совета министров на то и председатель что начальствует над всеми министрам – и отвечает за них перед престолом – как и за то чтобы дело шло как надо...

Министерство юстиции получил Набоков.

Матан сомневалась – дескать он либерал – причем не нынешний, а старый, еще при деде начинавший. Однако может и либерал, но никого поумнее нету.

– Или матушка может быть лучше господина Кони назначить? – не без хитринки в голосе отметил он. Как никак, в юриспруденции мало кто понимает больше него!

– Георгий – это невозможно! – воскликнула вдовствующая императрица. И добавила с неким священным ужасом:

– Ведь съедят же!

– Анатолия Федоровича? Это прокурора то сенатского?

– Тебя, Георгий! – с истовой верой произнесла матушка. Да и нас всех.

– Подавятся...

– Не тот случай чтобы проверять... – резонно отметила матушка поставив точку в споре.

Так или иначе Набоков получит портфель. Ну ин ладно.

Министром Императорского двора и уделов стал как собственно и было до того – Илларион Иванович Воронцов-Дашков. На нем настаивала Мария Федоровна – но Георгий и не думал возражать. Воронцов не глуп богат и деловит да и предан – если не лично ему то династии несомненно. Из отцовских сановников – то есть службу знает.

Надо будет распорядиться, чтобы подтянул дворцовых слуг. Ибо это они на людях при одном появлении господ замирают аки кролики перед удавом. А за спиной как докладывают, брюзжат на своих хозяев, разносят сплетни про августейших особ, втихую пакостничают, склочничают, подают невероятные счета, воруют провизию и напитки...

МИД решил даже и не раздумывая оставить Гирсу.

Позавчера пригласил к себе сообщить о назначении – и заодно обсудить иностранные дела – и проговорили долго, пили чай с тартинками... Вспомнили отца – старик даже пустил слезу.

Потом была встреча с Победоносцевым – он сохраняя за собой Синод должен был официально руководить Государственным контролем.

На него к слову уже жаловались – ни генералов статских, ни подрядчиков не ставит ни во что – грозит судом и расправой.

Но встреча его разочаровала признаться – не успел монарх осведомиться по поводу жалобщиков, так Константин Петрович разразился длинной речью о политической морали.

– Государь! – тоном врача сообщаящего пациенту о неутешительном диагнозе начал он. Я хотел бы поговорить о настроениях в обществе. В последнее время раздаются голоса осмелевших, что не чувствуя тяжести длани отца вашего увлеклись бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах державного управления... Вы должны... – он запнулся. Вы должны дать всем понять что будете охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его ваш незабвенный покойный родитель! Что крамоле и вольнодумству послабления не будет!

(«Я должен??» – вдруг мелькнуло у Георгия. Эвон как! Что то не помню Константин Петрович чтоб я у тебя одалживался!»)

– Также полагаю, что надлежит водворить в обществе пошатнувшиеся начала христианские! – сел на своего любимого конька Победоносцев. Вольнодумство и распущенность идут рука об руку! Бурный рост распущенности в стране: увеличилось число разводов, внебрачные дети превращаются в законных почти беспрепятственно! Стало возможно жениться на супруге соседа, просто купив соответствующее решение духовной консистории. Полагаю что нужно вспомнить про законы – ибо многие забыли что еще недавно за подобное ссылали в монастыри, штрафовали, приговаривали к церковному покаянию.

Георгий мысленно покачал головой. И в прежние времена разводы случались, да и, вряд ли сильно возросло и количество внебрачных детей... Да и что плохого в том, что дети стали по праву носить фамилии своих настоящих отцов, а любящие друг друга люди могут соединять свои судьбы?

– А между тем порча нравов идет не сама собой – как говорят некоторые – а сверху вниз! – излагал обер-прокурор свои мысли. Наш высший свет до самых высоких особ показывает дурной – дурнейший! – пример народу! Можно ли требовать от крестьянина или мещанина соблюдения заповедей если особы голубых кровей до страшно сказать каких степеней знатности отрицают их?!

«Ах вот оно что!» – теперь Георгий по настоящему разозлился.

Бог весть, как это происходит, но в России все тайна, но ничто не секрет. Само собой его Охотничий домик и мамыны фрейлины тоже стали известными публике.

И судачили о сем деле такое что впору вспомнить «Декамерон» а то и сочинения прости Господи маркиза де Сада! Дескать пропуском в число этих девиц является одно – доказанное распутство высшей пробы. Что любая из них невероятно развратна чуть ли не с пеленок, и, чтобы «разжечь страсть императора», фрейлины танцуют перед ним канкан – обнаженными и прямо на столе. Что руководят ими, посвящая в тайны блуда старые опытные проститутки выписанные из Парижа.

Вот уж воистину, не в меру ли своей испорченности судят? И вообще, кому какое дело, чем и как царь занимается когда свободен от дел правления?

– Позвольте, Константин Петрович, – довольно резко оборвал его император во время очередной филиппики. Мораль это дела синодальные – но не о них сейчас толк. А я бы сейчас в связи с реформой правительства очень хотел увидеть отчет Государственного контроля.

– Я ...простите... Но он еще не готов, – всхлипнул Победоносцев. Простите – я наверное докупаю вам этими своими старомодными рассуждениями... И двинулся к выходу.

Эээ да он обиделся!

Хотел было рывкнуть что не отпускал его, но вместо этого вдруг сказал нечто иное

– Постойте! Ну Константин Петрович, голубчик! Замерев, Победоносцев уже протянувший ладонь к ручке двери обернулся.

– Ну право же – что за обиды! Я всегда готов вас выслушать – но и вы помните – за консистории и брачные законы отвечаете вы – но я отвечаю за Российскую империю!

– За державу которая принадлежит дому Романовых – также как мы принадлежим ей если на то пошло! Мне тяжелее чем вам – ибо и империя и ответственность за нее принадлежит мне и только мне! И ваш отчет действительно весьма мне нужен – я очень на него надеялся, надеялся что он облегчит мне бремя текущих дел. («Вот так то господин хороший – ты царя подвел!»)

– Прошу простить мне мою недостойную слабость, государь! – прочувственно произнес Победоносцев. Конечно – отчет будет готов в самое ближайшее время.

И еще – мне требуется ваш совет... – Георгий решил заодно уточнить кое что насчет новых назначений. Как вы знаете уже не один месяц вакантна должность министра внутренних дел. Кого поставить на место покойного Дмитрия Андреевича? Мне предлагают на выбор ряд людей – например господ Спягина и Плеве и я право в затруднении. Что вы думаете о сем?

– Плеве – подлец, а Сипягин – дурак! – не допускающим возражения тоном вынес вердикт Победоносцев уже ставший прежним грозным блюстителем.

Отпустив его через несколько минут Георгий недовольно фыркнул. Однако ж – каков Ришелье выискался! Только вот мудрый советник при монархе-дурачке – это не про него. Победоносцев то неглуп – не отнять – да не мудр – а уж он то точно не дурачок.

В прочем же... Для духовных дел у него духовник есть. А Победоносцев пусть и дальше Государственным контролем заведует – должна же быть польза от этого «льва рыкающего».

...Курьер от Половцева принес подборку публикаций в прессе – российской и зарубежной о реформе правительства.

Иностранная пресса в основном ограничивалась сухой констатацией – дескать принят указ, будет в России председатель совета министров – мелкие заметки в лучшем случае внизу первой полосы – куда обычно ставят новости принесенные телеграфом.

Единственное исключение – на третьей странице «Таймс» некий Ллойд-Джордж довольно пространно проанализировал ситуацию, высказавшись в том духе что имеет место попытка «усовершенствовать архаичный административный механизм Российской империи» путем «рационализации верхних его звеньев». При этом добавив что вероятно данное решение знаменует собой победу «партии Бюрократии» над «партией Двора». Однако уже и партии какие-то нашлись в России – прямо «тори» и «виги». Завершил Ллойд-Джордж статью вполне в британском духе – что теперь проведение политики Лондона на российском направлении станет сложнее из за того что решения станут более продуманными и последовательными.

Отечественная же пресса в основном просто перепечатала указ добавив разве что пару абзацев верноподданной лексики. А либеральная суворинская «Речь» устами профессора Чичерина разразилась восторженной статьей – что теперь у нас как в цивилизованных странах почти что «ответственное правительство» (это «ответственное правительство» повторилось несколько раз – чего они его вспоминают?). Ну и выражена надежда что это – знак грядущих перемен возрождения духа «Великих реформ» – ну и что отмечено отдельно – за основу взят опыт Европы.

Интересно, – вдруг желчно подумал царь, – вот если бы он, к примеру, заменил смертную казнь через повешение – гильотиной? Они бы тоже восхищались и радовались что вместо «деспотической» петли приговоры будут исполняться с помощью выдумки просвещенного французского ума?

* * *

Министерство Путей сообщения получил Витте – и хотя это и было ожидаемо – но Сергей Юльевич буквально просиял. Еще бы – за неполный год из провинциальных служащих почти на самый верх...

Георгий его дополнительно порадовал – сказав что хотел бы видеть его своим другом и дал право личного доклада. Но вместе с тем и сказал что спрос будет особый – ибо те Авгиевы конюшни что образовались в этом важнейшем деле нужно разгрести и как можно скорее – и спрос будет особый.

Меньше всего вопросов было с министром государственных имуществ – Мария Федоровна настояла на том чтобы им остался Островский. Император не возражал – ибо своего мнения не имел – пусть будет как хочет папаша. В открытом воровстве Михаил Николаевич не замечен и не дурак (как-никак – брат великого драматурга) – и на том спасибо.

Статс-секретарем Георгий тоже оставил прежнего – Половцова.

Александр Александрович сперва правда засомневался.

– Я привык служить добросовестно, – сообщил он, – а между тем, чувствую, что канцелярская работа на месте государственного секретаря так велика и обременительна, что мое здоровье и лета начинают мне мешать на этом поприще!

Однако Георгий убедил его оставаться пока в прежней должности. Потом подумаем – может в отставку а может и в Сенат... А пока без столь толкового чиновника никуда.

Будет у него еще одна обязанность – тоже с прежних времен. Георгий еще весной обнаружил в ящике отцовского кабинета пачку листков подписанных статс-секретарем. То были отчеты – краткие мемории по государственным делам которые Половцев тайным образом отправлял отцу для ознакомления. Когда он спросил об этом Александра Александровича тот покачав головой сказал что уговор с государем был такой, что эти бумажки он уничтожает по прочтении... Порешили что он будет продолжать делать для сына то что делал для отца – так же тайно.

Еще одной проблемой стал новый военный министр.

Георгия и прежний – Ванновский – вполне устраивал – точнее справлялся. (Хоть разговор насчет суда и не был забыт.) Но тот внезапно выразил желание уйти в отставку – тоже возраст и прочее...

Донесли – воистину все секрет и ничего не тайна – что генерал от инфантерии скептически бросил – дескать молодому монарху и министр нужен не столь дряхлый – а ему уже тяжело гнуть спину в поклонах – перед лейтенантами особенно.

Полагалось бы попросить остаться, поугovarивать – и возможно что тот бы хоть и отнекиваясь для виду согласился остаться. Но Георгий решил что не будет соблюдать этого принятого в свете обыкновения. Если кто-то хочет уйти в отставку и без него можно обойтись – значит так тому и быть. Царская служба это не «демянова уха» чтобы умасливать ее продолжить – да и в самом деле Ванновскому лет немало. Пусть в имении рыбу удит или мемуары пишет.

Он поговорил об этом матушкой – она наверное общалась с отцом и может быть слышала о генералах что могут занять данный пост.

Начальник генштаба Обручев был ею отвергнут как либерал и вольнодумец. К тому же из «партии войны». По мнению его, наилучшим делом для России была бы война между Францией и Германией – ибо пока суд да дело Россия могла бы броситься на Австрию и, разбив ее, занять Галицию и перевалы в Карпатских горах... Экономические и нравственные соображения для этих людей не существовали – как и мысли о возможных последствиях.

Он больше в шутку предложил Драгомирова (тот как он знал был весьма популярен среди офицеров) – и был поражен: Мария Федоровна очень серьезно посмотрела на него и с дрожью в голосе заявила

– Только не его! Это же самый настоящий карбонарий в эполетах! А и того хуже: в Бонапарты лезет.

Тут и выяснилось – что отправленный в этом году начальствовать Киевский военным округом Михаил Владимирович ведет себя словно какой-то удельный князек.

Военного министра издевательски называет «Банковский», проверяющих из Петербурга аттестует «фазанами» – и оказывался даже говорит с ними. Однажды даже вышел к инспектору с пером в руках и осведомился – а где тут фазан которому перо под хвост вставить надобно? (Матушке однако выходит сообщают больше чем ему? Однако...)

В общем поневоле вспомнился Скобелев.

Тогда-то и прозвучало имя Иосифа Владимировича Гурко.

Гурко... Знаменитый «генерал Вперед». В несчастливую Крымскую компанию перешел из кавалерии в пехоту чтобы только биться на передовой. В болгарском походе командовавший Южным отрядом – и располагая втрое меньшими силами, чем у противостоящих им турецких войск, своими победами вызвал Константинополе настоящую панику. Такую, что главнокомандующий турецкими силами, кровожадный Абди-паша был немедленно вышвырнут в отставку.

Ныне успешно возглавляет Варшавский военный округ. Как сообщают – развернул большие фортификационные работы, усилив укрепления Новогеоргиевска, Ивангорода, Варшавы, Брест-Литовска, создав линию новых укреплений. Также строит новые стратегические шоссе и рокадные дороги и буквально вколачивает в подчиненных необходимость тесного взаимодействия между крепостными и линейными войсками. Артиллерия округа непрерывно проводила стрельбы на новом хорошо оборудованном полигоне, а кавалерия обучалась действовать большим массами и проводить глубокие операции с разведкой... Ясно – делом человек занят, а не очковтирательством.

Кроме того, как выяснил Георгий у матушки – у полного генерала не имелось и знатных родственников, стремящихся через него сделать себе карьеру. Идеальный министр.

Победоносцев – что редкость – и то не нашел аргументов против: «Совесть у Гурко солдатская, прямая. Он не поддается действию политических болтунов, в нем нет хитрости и он не способен к интригам». Это Победоносцев то – от которого услышать доброе слово о ком то не проще чем от раввина – «Отче наш!»

...Генерал вошел строевым шагом – как отметил Георгий он был несмотря на возраст еще строен и крепок. Судя по всему он лишь недавно с поезда – разве что успел привести себя в порядок с дороги и переодеть мундир. Но при этом утомленным не выглядит – тоже весьма хорошо.

После краткого приветствия предложил ему сесть и начал без обиняков.

– Итак, господин Гурко – я бы хотел видеть вас на месте военного министра.

– Петр Семенович... – осторожно начал было генерал.

– Выразил желание оставить службу, – не вдаваясь в подробности, ответил император. Не скрою – помимо вас назывались и другие кандидатуры – вот Драгомирова вспоминали. При этом имени лицо старого вояки непроизвольно дернулось. С Драгомировым генерал как доложили, был в контрах чуть ли не с Болгарии. Да и словечко «минотавр» в отношении его теорий поговаривают, именно Иосиф Владимирович пустил.

– Но я все же решил остановиться на вас – продолжил Георгий с должной невозмутимостью. Собственно рескрипт еще не готов, но вы прямо из моего кабинета можете направляться на Исаакиевскую – принимать дела. Надеюсь ни вы ни я не пожалеем о вашем назначении.

Георгий помолчал и добавил веско.

– На будущее... Вы Иосиф Владимирович можете говорить со мной свободно и излагать любой предмет как вы его видите. Я не обещаю что непременно поступлю согласно вашему мнению – но никогда не накажу за него и не выражу недовольства как бы оно не отличалось от моего. Единственное – от вас я жду что вы мне будете говорить только правду.

– Ваше величество! Могу ли я раз уж я теперь министр, обратиться с настоятельной просьбой? – отрапортовал генерал. (Вот истинная военная косточка – ни нарочитых восторгов, ни потока цветистых благодарностей – словно боевой приказ получил!). Я бы крайне рекомендовал вернуть армии форму старого образца – отмененную положением 1883 года.

– Вы полагаете, наиправильным было бы начать с... мундиров? – осведомился Георгий в некоторой растерянности. Что вопрос сей уже возникал он знал конечно. Вот на днях в его руки попала еще одна докладная записка каким то чудом миновавшая все бюрократические ступени. Некий интендантский полковник написал проект насчет возвращения прежнего обмундирования – правда затруднился в вопросе – как должны застегиваться шинели: на пуговицы или крючки?. И если вопрос решить в пользу пуговиц то какими должны быть пуговицы – эмалированными или блестящим?

Но не думал что не плац-парадный служака, а боевой генерал сочтет это таким важным.

Видя что его молодой визави в замешательстве Гурко продолжил:

– Позвольте объясниться, Ваше Величество... Я знаю – есть мнение – то что называется позитивистской школой... Согласно ему в армии должно быть тому что нужно для войны – точнее **только** тому. И солдату достаточно лишь уметь хорошо стрелять – ну и чистить винтовку да еще рыть траншеи. А все остальное это дело офицеров.

Все это от американцев идет – у нас многие от них в восторге – в той же кавалерии...

Но надо помнить – в их Гражданской войне воевали все таки не за параграфы конституции и не за сенаторов с депутатами... Они воевали за Союз штатов, за свободу и против рабства – за справедливость... Мораль и дух это не пустые слова – если конечно не подходить к вопросу как... он запнулся сжав челюсти – *господин* Драгомиров! С его «серой скотинкой» которую довольно не бить и хорошо кормить. – Вот иные теперь поговаривают... – вдруг вымолвил он, и выражение лица и голос выдали, что генерал завел речь о чем-то очень важным для себя. Говорят так – мол война семьдесят седьмого года была ошибкой, и что де воевали выходит за неблагодарных людишек которые сейчас косятся на Европу и Россию третируют и по сути предают нас. Да и я сам признаться видел еще тогда такое поведение со стороны болгар, что готов бы понять тех моих товарищей, что жалеют о том что участвовали в сей войне. И прежде чем Георгий успел удивиться еще раз, твердо продолжил:

– Понять – но не принять! Ибо если бы не мы и не ваш дед – и не русский солдат – то христиане были бы вырезаны вчистую – наше неучастие стало бы сигналом к общему избиению христиан в османских пределах. Что несовместимо не только с интересами России как православной державы, но и с нашей народной совестью.

Что до форменной одежды... – продолжил он после краткой паузы. Ваш царственный отец своей реформой хотел добиться национального облика войска и простоты. Не спору: может быть эдак лет сто назад подобная мера имела бы смысл. Но сейчас уже крепко сложились традиции и представления и ломать их неразумно. Внешний вид значит очень многое для воинского духа. Ваш батюшка к сожалению смотрел на красивые мундиры как на дорого стоящую мишуру, отнимающую время у солдата от воинской учебы. Но в глазах офицеров и солдат это далеко не мишура, а знак прошедших геройских эпох.

Да – чего греха таить – солдаты ворчали, тратя время на приведение в порядок петличек и лацканов с позументами. Мой денщик в свое время тоже ворчал на мой мундир, натирая позументы уксусом и выдраивая пуговицы мелом. Но он же и гордился своим барином, когда на смотре или просто при выходе в город золотое шитье сияло, а в форменные пуговицы можно было глядеться как в зеркало.

К тому же аккуратность дисциплинирует нашего солдата – что греха таить дома живущего не самой опрятной жизнью. А ведь именно привычка к дисциплине и понимание сути службы – а не оружие в руках – делают солдата солдатом. И более того – определенно генерал давно ждал возможности поговорить на данную тему – я скажу нечто что вас возможно удивит – но армия мирного времени нужна не столько для войны. И, уловив недоумение в лице царя, продолжил:

– Она для того чтобы подготовить солдат для армии военного времени. Людей, которые будут умирать по приказу вашего величества – и которым важно знать, что они дерутся и умирают под священной хоругвью, а не под амуничным предметом. ...И надо еще помнить – в бой предстоит вести русского солдата, который от своего офицера никогда не отставал, видя в нем высший авторитет. А если офицер похож на какого-то лавочника в армяке – то уж какой у него авторитет? – улыбнулся Гурко. Понятно что важен не чин, а важен начин – но ведь не зря говорят что встречают по одежке!

(А и умен господин генерал! За словом в карман не лезет! Не какой то Скалозуб... Все по полочкам в пять минут разложил!)

– Хорошо Иосиф Владимирович – парадную вернем немедля. Парады действительно многое потеряли. Подготовьте соответствующие приказы. Ну и подготовьте Ваши предложения по поднятию морального духа войск и повышению их боевой мощи. Мой отец говорил «У России только два друга – армия и флот». Я считаю так же. И вы будете моим другом и думаю что и учителем в военных делах.

– Ваше величество – осведомился Гурко напоследок – позвольте задать вопрос... Кто будет военно-морским министром? Мне важно знать с кем предстоит работать рука об руку.

Понятное дело – споры между военным и морским министерство давно стали постоянным явлением – причем из-за одного и того же – из-за ассигнований.

– Как прежде – адмирал Чихачев. Уверен – он справится... – коротко сообщил Георгий и Иосиф Владимирович лишь склонил голову в знак того что возразить ничего не имеет.

Проводив генерала он позволил себе довольно вздохнуть.

Одним словом – если и есть в России сейчас среди начальства образчик настоящего русского воина, то это Гурко. Одна беда – немолод. Но и тут есть светлая сторона – у молодых да ранних кто высоко взлетел голове недолго закружиться – а когда под рукой военная сила – Бог весть куда такое головокружение от успехов заведет... Бывало уже – бонапартиев в России нам не надобно!

Честью служить будет – а она не пустой звук для него. И храбр не только на полях битвы.

Как помнил Георгий из разговоров тапан, во дни крестьянской реформы 1861 года Гурко был в числе назначенных проводить мероприятия ее на местах и лично докладывать о состоянии дел царю. Когда начались мужицкие волнения, Гурко вразрез с решениями местного дворянства, при любом случае требовавших применения военной силы к крестьянам, вместо воинских команд выезжал лично и прекращал беспорядки «простыми растолкованиями». Иосиф Владимирович не гнушался проводить с крестьянами долгие беседы, поясняя им суть царских указов.

На всю Россию тогда прогремело дело гофмаршала князя Кочубея, забравшего у крестьян всю хорошую землю, имеющуюся в их собственности. Не стесняясь в выражениях, Гурко в очередном рапорте монарху обрисовал ситуацию, и в итоге дело решилось в пользу обиженных мужиков.

У этого человека есть должная твердость идти против мнения большинства – значит и царю будет возражать если надо. Но лишь если будет убежден в своей правоте.

Как бы то ни было он получил великолепного министра – странно что батюшка не оценил этого человека. Правда напоследок Георгий слегка слукавил – министра то морского назначил, но с флотом придется справляться самому. Впрочем, флот это как раз то в чем он понимает больше всего. Точнее чуть больше чем ничего – сравнительно с прочим предметами!

Вторым камнем преткновения стал вопрос с министром внутренних дел.

Прежний – Толстой про которого все тот же Победоносцев еще при жизни отца говорил что он «труп не имеющий воли» и «совсем разлагающийся человек» еще до скоропостижной кончины совершенно перестал выполнять свои обязанности.

Дела вели Горемыкин и Дурново – товарищи министра. Но как известно – министр – это не товарищ министра да и товарищ министра министру не товарищ.

В конечном итоге уже на второй день по назначению явился с докладом Бунге и буквально с порога заявил.

– Можете меня уволить Ваше Величество, но без министра внутренних дел далее обходиться невозможно! Навестив министерство, я застал целый ряд важнейших бумаг и дел не решенных и не двигающихся вперед.

– А кого бы вы рекомендовали? – растерявшись слегка, осведомился царь.

– Я? Собственно я бы согласился и на Горемыкина, да хоть даже на барона Фридерикса, – потряхнул седыми усами Бунге.

«Щипцы для орехов»? Нет благодарю покорно!»

– Кстати – Горемыкина рекомендует господин Победоносцев... – как бы между прочим отметил Бунге. («А мне не сказал!»)

– А вы лично? – Георгий подпустил в голос металла.

– Я определенного мнения о нем не имею... – как показалось Георгию глава правительства секунду другую колебался. Но, по всей вероятности, Константин Петрович рекомендует Горемыкина потому, что Горемыкин закончил как и господин обер-прокурор Училище Правоведения... А известно, что правоведы держатся друг за друга, все равно как... – Бунге замялся – иудеи в своем кагале. Особая каста... – он неприкрыто ухмыльнулся, и Георгий понял: почему.

Не составляло тайны что в Училище Правоведения юношей посвящали не только в тонкости законовещения, но и нередко – в тайны противоестественной любви. Правоведы они такие! – сказал ехидно внутренний голос. Неужто же наш рыцарь строгой морали *тоже*...? Ну ладно – пока не об этом.

– Так все же кого вы посоветуете? – не выдав своих эмоций осведомился Георгий

– Я как уже говорил думал о кандидатурах господ Плеве или Сипягина. Нужен человек со стороны, чтобы встряхнуть тамошнее болото. Ибо ведомство занимает особое место в нашей государственной системе и от его работы многое зависит.

– Я, представьте, спрашивал Победоносцева и о них....

– И какое же мнение Константина Петровича, если ваше величество соизволите мне это сказать?

– Да он очень просто мне ответил: – де Плеве – подлец, а Сипягин – дурак, – неожиданно сам для себя выпалил царь.

– А о Дурново? – ничуть не смутился старый камергер

– Про него тоже говорили... – мельком монарх подивился пронизательности опытного царедворца.

– Позвольте сказать ваше величество, – вдруг улыбнулся Бунге – хотя я и не присутствовал, но почти с уверенностью догадываюсь, что сказал господин Победоносцев.

– И как вы думаете, что?

– Да, наверно, – он сказал так: подходит, да и тот... И процитировал некую фразу из «Мертвых душ» Николая Васильевича Гоголя...

– «Один там только и есть порядочный человек-прокурор, да и тот, если правду сказать, свинья!».

И оба рассмеялись.

Так или иначе, но Бунге вышел из кабинета имея на руках именной Указ о назначении Плеве.

– Сообщите ему о назначении. Пусть принимает дела, а через пару недель я его вызову... Пусть готовится.

Оставалось еще министерство просвещения. Тут его выбор был неожиданным для всех. Оба «главных» великих князя – Владимир Александрович и Николай Николаевич почему то разом предложили Мансурова Николая Павловича. Отчего так – Бог весть. Разве потому что ведал Цензурным комитетом и департаментом духовных дел в Государственном совете?

Ну и Победоносцев – этот воистину «ворон здешних мест» тоже не оставил своими советами. Предложил на этот пост назначить какого-нибудь провинциального инспектора народных училищ из числа тех чья твердость в вере и приверженности трону не составляет сомнений. Сказал даже что дескать все равно какого – только с полицией посоветоваться на тему благонадежности (а у самого наверно и списочек уж имелся). Ну хоть спасибо не ректора какого-нибудь Царевококшайского епархиального училища или духовной семинарии сосватал!

На этот пост однако Георгий нашел кандидатуру сам – точнее матушка указала на все-российскую знаменитость, директора Московской консерватории, композитора и либерала (а то не либерал нынче?) Сергея Ивановича Танеева.

Он кстати уже ожидал в приемной.

– Просите, – распорядился государь.

Танеев вошел – не в вицмундире как бы полагалось (впрочем, он пока не в должности так что и нарушения особого нет) а в черном концертном сюртуке. Глядя на его аккуратную черную бородку и густую шевелюру Георгий подумал вдруг что это будет самый молодой его министр. Прочие не в отцы – в деды годятся – а вот Танеев по возрасту мог бы стать ему братом – хоть и старшим.

Выслушав – зачем вызван, Танеев растерянно покачал головой.

Он то полагал что вызвали его из Москвы ко двору дабы предложить должность в каком-то из императорских театров, ну или например придворного капельмейстера – а тут такое!

– Ваше величество – я право же поражен, – взволнованно воскликнул он, чуть опомнившись. Мне – и в министерство? Я музыкант!

– Значит вы в чем то способнее даже меня – я вот в музыке мало что понимаю, – ответил Георгий решив шутливым тоном успокоить слугителя муз.

– Я...я... вынужден заранее просить об отставке... – Извините, но это невозможно! – решительно произнес Танеев разводя руками.

– А я вот полагаю – что человек, отлично справившийся с консерваторией и поставивший ее на уровень лучших европейских учреждений сумеет справиться и с министерством, – с самой доброжелательной улыбкой сообщил Георгий.

– Я конечно руковожу консерваторией и смею надеяться недурно... – смешавшись кивнул Танеев, – но ... Наша консерватория не есть учреждение государственное – и порядки так сказать в ней... несколько не те. У меня даже нет классного чина!

– Ну сие то как раз поправить проще всего! – Георгий опять улыбнулся. Не забывайте – я все-таки *царь* – и указ о вашем производстве могу написать хоть сейчас.

Сергей Иванович подумал некоторое время, потом решительно покачал головой.

– Нет Ваше величество – я вынужден настойчиво отказаться от этой чести! Извините – но скажу что думаю. Будет ли идти в нашем народном просвещении все по-прежнему или приключаться реформы – но хоть так хоть сяк на данной должности потребны будут скорее таланты фельдфебельские. А муштровать директоров гимназий и профессоров я не умею и не сумею – хоть в вице-канцлеры меня произведите! Эта фраза сказанная с какой то обреченной смелостью буквально добила Георгия

«Да что ж это такое! – едва не заорал он. Что они ломаются все как модистки перед гусаром!» И одновременно пришло в голову печальное – а выходит правы то были дядюшки да Константин Петрович! Мансурова надо было – или еще какого провинциального дурака – те хоть кочевряться попусту не будут!

Однако не заорал, и вообще ничем эмоций не выдал – а, придав лицу выражение равнодушной насмешки, встал из-за стола и прошел к окну. Посмотрел на петербургские крыши и шпиль Адмиралтейства под тускловатым осенним небом...

Выждал некоторое время, пока напряжение за спиной стало почти физически ощутимым. (Так, рассказывают, прадед – Николай Павлович – любил ставить на место собеседников)

– Вижу что имеет место некоторое недопонимание, господин Танеев, – сухо бросил он наконец, и развернувшись на каблуках добавил. С моей стороны – не с вашей. Просто... я знаю настроения в ваших кругах – хоть в них и не вхож... И насколько их усвоил – вне зависимости от политических настроений вся интеллигенция согласна... *как будто* – что русский человек должен быть грамотным и достойно жить. Вот я и подумал, что вы постараетесь этому посодействовать. Видимо я ошибался – и разговоры в гостиных от реальных дел далеки как Луна от грешной Земли. Там на столе – Георгия что называется понесло, – рескрипт о вашем назначении. Возьмите его... на память – если хотите.

– Ваше Величество... – забормотал явно сбитый с толку Танеев. И по его облику было видно что он не просто обижен, а оскорблен мыслью что не хочет содействовать народному благу. Я бесконечно уважаю вас, но я всего лишь хотел сказать... Я и не думал давать повод... Но я лишь боюсь испортить порученное дело!

– Неужто это так уж сложнее чем дирижировать оркестром из множества разных инструментов? Что до муштры и... – царь позволил себе усмехнуться – фельдфебельства... Если кому-то будет недостаточно того что вы исполняете МОЮ волю – доложите – и я решу сие препятствие в минуту. Да и в консерватории, коей вы руководите, дисциплина достойная, но и дух творческий имеется.

– Но все же – почему я?! – пробормотал новоиспеченный министр. Я никогда не собирался делать карьеру!

– Я между прочим тоже не собирался быть царем! – парировал Георгий. Но Господь отдал мне страну и как-то вот забыл посоветоваться... Считаете что на вас тоже свалилось нежданное бремя... Однако же, у вас есть способ доказать что я ошибаюсь: не справится с обязанностями и все таки испортить дело. Тогда я вас заменю... – Но что то мне подсказывает что вы приложите все усилия дабы этого не случилось.

Повисло молчание во время которого композитор, что называется, ел глазами императора – похоже не до конца веря в только что услышанное.

Потом...

– Ваше Величество, – голос Танеева вдруг задрожал. Я... простите мою недостойную слабость, – ну конечно... Я сделаю что могу!

– Да он сейчас расплачется! – вдруг понял Георгий.

Танеев однако не разрыдался – всего лишь глубоко, прочувствованно поклонился. А потом вдруг схватил руку царя и поцеловал.

Кто из двоих при расставании был более обескуражен – один Бог знает.

* * *

19 сентября 1889.

Указ Императора Всероссийского «Об особых правительственных комиссиях».

Его императорскому величеству благоугодно повелеть учредить при Государственном совете некоторые комиссии для усовершенствования государственного управления и изменения законов к общему благу.

Комиссия по земской реформе (глава М.С.Коханов)

Комиссия по военной реформе (глава Н.Н.Обручев)

Комиссия по тарифной политике (глава С.Ю.Витте)

Комиссия по акцизам и монополиям (глава И.А. Вышнеградский)

Комиссия по судебной реформе (глава Д.Н.Набоков)

Комиссия по реформе просвещения (глава Д.Д.Семенов)

Комиссия по вопросам управления Финляндией, Остзейскими губерниями и Привислинским краем (глава К.П.Победоносцев)

Комиссию по земельной реформе благоугодно было возглавить лично Е.И.В. Георгию Александровичу.

* * *

Это тоже было одним из нововведений молодого императора, интуитивно определившего что доверять реформы ведомствам которые их будут проводить – значит уже наполовину провалить дело. (Исключение было сделано для судебной сферы – просто никому иному кроме как Набокову эту сферу оказалось невозможно поручить, впрочем с ожидаемым результатом)

Позже этот метод внедряют во многих странах – само собой не указав на русский приоритет – как это обычно и бывало.

* * *

Император Георгий I обладает особым даром. Я не так уж много знаю людей, которые, будучи первый раз представлены Государю, были бы им очарованы; но еще меньше тех кто при сколь-нибудь длительном знакомстве с ним не стал б его горячим приверженцем. Будущий министр внутренних дел И. Н. Дурново однажды спросил меня – какого я мнения о молодом царе. Я ответил, что он совсем неопытный, хотя и неглупый, и он на меня производил всегда впечатление хорошего и весьма толкового молодого человека. На это И. Н. Дурново мне заметил: «Ошибаетесь вы, Сергей Юльевич, это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности»...Я затем часто вспоминал этот разговор. Просто удивительно как такой проницательный человек настолько ошибся! (Правда позднее он в разговоре со мной признал что заблуждался.) Георгий I оказался не вторым Павлом Петровичем, и не новым Петром I как говорили льстецы – и подавно не «Екатериной Великой в мужском роде» – как написал недавно с боязливой неприязнью бывший британский морской министр Уинстон Черчилль. Это оказался царь воистину нового века – монарх каких не бывало не только в России – но каких уже столетия не знал мир...

Сергей Витте «Воспоминания» т.2-й «Типография Сытина» СПб. 1920 год.

* * *

19 сентября. 1889 года

Указ Императора Всероссийского «О командующем Киевским военным округом»

Нам благоугодно повелеть освободить от должности командующего Киевским военным округом генерал-полковника Драгомирова Михаила Александровича.

На должность командующего Киевским военным округом назначить генерал-лейтенанта Клейгельса Николая Васильевича

Георгий

Указ Императора Всероссийского «О назначении Киевского генерал-губернатора» Нам благоугодно повелеть назначить генерал-полковника Драгомирова Михаила Александровича Генерал-губернатором Киевским

Георгий

* * *

21 сентября 1889

– А что Драгомиров? – спросил император у Кауфмана.

– Говорят, Ваше величество, – полковник (произведен месяц назад) неуверенно помялся секунду-другую – говорят запил...

– Даже так? Царь покачал головой. А сильно ли?

– Весьма... – и после короткой паузы добавил. Поет во весь голос на балконе.

– Ну хоть надеюсь не «Боже царя храни...»?

– Никак нет – «Камаринского мужика». А еще... – право же не знаю как сказать...

– Как есть господин полковник! Всегда говорите как есть!

– Ругается черными словами что дескать беда русской армии пришла неминуемая и последняя – полицейскую ищейку... – простите Ваше Величество – в командиры суют. Впрочем и не удивительно – господин Клейгельс весьма круто взялся за дело. Трех командиров дивизий отстранил. Полковника Шварцмана под суд отдал.

– Значит было за что! – сухо расставил все точки над «i» Георгий давая понять что все происходит как нельзя лучше...

И в самом деле перед отъездом в «Мать городов русских» он доверительно объяснил бывшему варшавскому полицмейстеру Клейгельсу задачу – подтянуть округ, распустившийся под сатрапской дланью, и вышибить из него драгомировский дух. И добавил

– Не скрою, Николай Васильевич – в будущем я хотел б видеть вас на посту генерал-губернатора.

– Сделаю всё что в моих силах! – рявкнул Клейгельс с восторгом на лице – аж усы зашевелились.

«Надо будет на всякий случай временно переподчинить киевского полицмейстера Клейгельсу именным распоряжением. Кто знает что может выкинуть наш Минотавр? Хотя какой Минотавр – Бонапартишка недоделанный!».

– Это все теперь не драгомировская забота, – ясно показывая что вопрос исчерпан, произнес он вслух. А вот за киевские дела, если что спрошу с него без снисхождения. Так что отбейте-ка Драгомирову телеграмму:

«Преступить к выполнению своих должностных обязанностей. Георгий»

* * *

22 сентября 1889 года во Франции прошел первый тур пятых выборов в Национальное собрание Третьей республики. По итогам первого и второго (случившегося 6 октября) туров, «левые» партии взяли большинство мест: 366 из 576 места – впрочем рядовой избиратель толком не получил ничего кроме громких слов о народном благе.

И тогда же – 22 сентября на острове Сахалин вблизи залива Урукт по инициативе отставного лейтенанта флота Григория Ивановича Зотова было пробурено несколько нефтяных скважин, и построены первые дома «деревни Урукт». Первое событие попало на первые страницы газет многих стран и вызвало немало комментариев. Второе – отозвалось коротким заметками в нескольких губернских и городских газетах Восточной Сибири да еще несколькими строками в новостном разделе «Биржевых ведомостей».

Первое событие вскоре забылось за чередой перевыборов, парламентских и правительственных кризисов и скандалов.

Второе же оказалось поистине началом новой эры для огромного края – правда, это стало понятно много позже.

А 28 сентября 1-я Генеральная конференция по мерам и весам в Париже приняла систему мер, основанную на метре, килограмме и секунде, так как эти единицы были признаны более удобными для практического использования. И это то же имело свои последствия.

* * *

29 сентября 1889 года. Гатчина

– Николай Христианович, – а что вы думаете о метрической системе мер? – обратился он к уже собиравшему бумаги Бунге, вдруг вспомнив про заметку во вчерашней «Le Constitutionnel» относительно конференции по измерениям.

– Прошу прощения, но Вашему Величеству лучше бы справиться о данном вопросе у господина Вышнеградского или у Сергея Юльевича... – покачал головой тот. Я не математик и не инженер – моя специальность – право и политическая экономия. Я разумеется, слышал что идеи ввести ее в употребление в России имели и имеют хождение, – пояснил он. Но рассуждать о достоинствах и недостатках подобных планов честно признаюсь не готов. Это не имея ввиду что в России довольно куда более важных дел на которые нужно смотреть правительству! – важно продолжил он. Могу лишь твердо сказать одно – именно с позиций своей науки... – уточнил – Николай Христианович. Если к примеру завтра мы перейдем на метры и километры это не прибавит даже полушки в казну; а пересчет сбора основных хлебов из пудов в тонны не даст ни единого лишнего мешка зерна!

– Но все же, – Георгий покачал головой – я слышал например что школьное обучение при метрической системе не в пример легче – не так ли?

– Мне кажется что это скорее вопрос привычки, государь. Те же французы например пользуются своим довольно, прямо скажем, неудобно сделанным «Кодексом Наполеона» и не проявляют желание сменить свою громоздкую институционную систему на знакомую нам пандектную.

(Георгий не подал виду что услышит и о той и о другой впервые)

– Хотя... – вдруг задумался Бунге... – есть одно обстоятельство... Мне вот только сейчас пришло в голову что в сущности в Европе есть лишь две страны с неметрической системой мер – это мы и Британия. Ну с англичанами все понятно – для них по большому счету цивилизация кончается за Ла-Маншем, – чуть усмехнулся глава правительства. Но для нас в самом деле это

не вполне логично. Наша торговля в основном в Европе, ввоз машин и патентов из Англии тоже давно не преобладает. Наши студенты также предпочитают учиться в континентальных университетах. Мы все таки европейская страна и лишний раз отделять себя от других цивилизованных соседей может быть и не стоит, – размышлял Николай Христофорович вслух. Да к тому же наша система она не чисто русская – наряду с верстами и аршинами использовать дюймы и линии тоже несколько – то даже странно. Будь она сугубо самобытной – это еще бы имело серьезное значение как предмет национальной гордости... Было видно мысль эта уже заняла в голове Председателя Совета министров свое место.

– Вот видите – тут есть о чем подумать! – кивнул Георгий. И я буду рад узнать ваши соображения касательно наилучшей системы мер и весов...

* * *

31 сентября 1889 года. Зимний дворец

Где-то в глубине анфилады комнат щелкнул дверной замок. Послышались быстрые, чуть пристукивающие каблучками шаги... «Флигель» машинально вскочил, нервно оправляя мундир...

Георгий тоже поднялся готовясь приветствовать матушку...

Мария Федоровна вошла в сопровождении только двух фрейлин. Пожилой статс-дамы Нелидовской какой то новой – причем явно не из *тех самых* – невысокая полноватая брюнетка с невыразительным лицом...

Обменявшись поцелуям мать и сын устроились в гостиной, в ожидании когда принесут кофе и горячий шоколад...

Начался обычный разговор – справились о здоровье друг друга, рассказали пару милых анекдотов.

Вот и кофе и шоколад были выпиты, а пирожные съедены...

– Георгий, – начала мама. Он понял что сейчас собственно и начнется разговор рад которого вдовствующая государыня его навестила. Георгий – я буду говорить с вами не только как мать, но как ваша первая подданная – как изволил выразаться мой тесть и ваш дед. Вам нужно как можно скорее вступить в брак.

– Матушка, – Георгий слегка растерялся, – право же...

– Долг царя как бы то ни было – позаботится о престолонаследии... – не допускающим возражений голосом уточнила вдовствующая императрица. А еще – все мы ходим под Богом – как выражаются в России – и мне хочется при жизни увидеть внуков...

– У вас есть кто-то на примете матушка? – осведомился Георгий, отставляя чашку.

Сколь знаю – в Европе не так много невест подходящего возраста...

– Но и не так уж мало...

– Подождите, мама, – Георгий принялся прикидывать – кого именно наметила родительницу.

А ведь не так много подходящих принцесс... Эльза и Ольга Вюртембергские – дочери герцога Евгения – кстати наполовину русские? Нет – слишком юны – всего тринадцать лет, кроме того они внучки Константина Николаевича – слишком близкое родство – русские законы и Синод может и *попустят*... Нет – не надо – это европейский обычай женится на кузинах. Да и ждать самое меньшее три года. Есть еще принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская... Возраст уже подходящий – семнадцать лет. Про нее он как-то не думал – твердо знал лишь то что она внучка королевы Виктории. Нужно ли такое родство с давним и упорным – пусть и не прямым врагом, но *неприятелем*? Но может быть это шанс уменьшить вражду?

Вряд ли...

Есть княжны Черногорские – и их много. Милица, Стана, Елена, Зорка. Они правда все кроме Елены старше его – но не слишком заметно. Георгий задумался. Черногория конечно маленькая и бедная – но в принципе согласно законам Российской империи о престолонаследии принцип равнородности соблюден и родители их царствуют. Есть еще одно достоинство – в глазах матушки уж точно – все они сейчас в Петербурге – в Смольном институте.

Мда – почему то у императора смутно не лежала душа к браку с балканскими принцессами.

Из православных стран есть еще Румыния – но у ее короля Кароля нет детей, а болгарский князь Фердинанд Саксен-Кобург вообще не женат.

Имеется впрочем еще одна православная династия – сербские Обреновичи... Ну нет уж! Даже если бы у ее нынешнего короля-мальчишки Александра были сестры или еще какие родственницы женского пола – роднится с этими безумными распутниками и ничтожествами – увольте!

Или... Ну конечно же – самое очевидное! Как он сразу не подумал о принцессе Маргарите Прусской? Маргариту-Беатрису Феодору – дочь Фридриха III он видел лишь один раз. И мысль жениться на этой некрасивой и костлявой девице, имевшей в семье странное прозвище: Мосси и не расстававшейся с лютеранским молитвенником заставила его помрачнеть. Пусть даже брак этот весьма выгоден России...

– Я думаю, – продолжила меж тем матушка, – не сыскать лучшей кандидатуры нежели – графиня Елена Парижская; дочь герцога Орлеанского...

Георгий несколько растерялся.

Об этой представительнице захудавшей ветви Бурбонов он конечно слышал – мельком. Но определенно никогда не думал о ней как о возможной невесте ни для себя ни для кого – то из Семьи. Хотя бы потому что кроме всего прочего Бурбоны – это католическая династия – а приверженцы римской церкви крайне неохотно меняют веру – не в пример протестантам.

– Георгий? – осторожно осведомилась татап. Я жду вашего ответа?

– Я согласен, матушка! – произнес он.

Почему то он вдруг почувствовал – что именно такой ответ ему следует дать – и поверил этому чувству.

Несколько удивившись матушка недоверчиво переспросила.

– Сын мой – вы соглашаетесь... вот так сразу? Даже без раздумий?

– Я как примерный сын и не должен спорить, – пояснил молодой император. Но главное... – он вздохнул, – ведь кого бы я не выбрал – но это будет выбор по расчету. Я хоть молод, но не имею иллюзий. И понимаю что монархи лишены права искать себе спутниц жизни по любви. И проникновенно продолжил:

– Я ведь знаю – мой отец тоже любил княгиню Мещерскую, но женился на вас, матушка... Я же ни в кого не влюблен, а Елена как я слышал – умница и красавица.

– Прекрасно, сын мой! – не скрыла радости Мария Федоровна. Я немедленно же свяжусь с Его Высочеством Орлеанским и приглашу его дочь в Россию. Ах, – надо же справиться в МИДе – как следует по протоколу это осуществить – наверняка он тоже должен будет сопровождать мадемуазель Елену. Что же еще...

– Матушка, – вступил в разговор Георгий. Еще – узнайте пожалуйста, какие драгоценные камни предпочитает принцесса... Ну, сапфиры или может быть жемчуг? Нам нужно будет подобрать подарки...

– Верно! У меня как раз имеется для m-l Орлеанской прекрасный изумрудный браслет! – с восторгом воскликнула Мария Федоровна...

* * *

Когда еще юный дед влюбился в графиню Ольгу Калиновскую суровый царь не случайно прозванный «Палкиным» сурово выговорил ему...

«Что станет с Россией, если человек, который будет царствовать над ней, не способен владеть собой и позволяет своим страстям командовать собой и даже не может им сопротивляться?» – писал он в письме наследнику. История повторилась весной 1864 года – великий князь Александр Александрович влюбился во фрейлину матери Машеньку Мещерскую. Александр II гневался и ругал сына за «неразумие» и в итоге не нашел ничего лучше как воспользовался своим положением самодержавного владыки.

Что же ты думаешь, – заявил дед, – я по доброй воле на своем месте? Разве так ты должен смотреть на свое призвание?.. Я тебе приказываю ехать в Данию... а княжну Мещерскую я отошлю...

«Запомни хорошенько, что я тебе скажу: когда ты будешь призван на царствование, ни в коем случае не давай разрешения на морганатические браки в твоей семье – это расшатывает трон» – читал он сыну нотацию чуть позже, не зная что довольно скоро шокирует Россию своей связью с Долгорукой.

Когда его братья Константин и Николай Николаевичи вступили в связи с балеринами и забросили законных жен – немецких принцесс с родословной длинной как грот-мачта по выражению дяди Алексея, Александр II вознегодовал:

«Как?! – стыдил он родственников. – Незаконные связи, внебрачные дети в нашей семье, ведь у нас никогда не было ничего серьезнее гостиных интрижек!»

Но стоило отцу когда отец осмелился напомнить об этом разговоре во дни приснопамятной «Екатерины III»... Александр Николаевич – обычно столь спокойный и рассудительный пришел в неописуемую ярость, кричал на цесаревича как охотнорядец, топал ногами и даже пригрозил выслать его из столицы. Чуть позже тогда еще великая княгиня Мария Федоровна открыто заявила императору, что не хочет иметь дела с его пассией. На что тот возмущенно ответил: « Попрошу не забываться и помнить, что ты лишь первая из моих подданных!»

И мама была вынуждена улыбаться на светских приемах неприятной ей во всех отношениях княгине Юрьевской.

И все это невольно вспоминалось сейчас Георгию – когда он листал «Готский альманах». Еще на столице было несколько журналов и фотография – за ней к слову пришлось посылать в книжный магазин Гоппе где как было известно всему Петербургу в числе прочего можно было купить портреты членов европейских царствующих домов.

На фото была высокая темноволосая миловидная девушка в белой амазонке, снятая на фоне моря...

Принцесса Елена Орлеанская. *Princesse Hélène d'Orléans.*

Полное имя Елена Луиза Генриетта Орлеанская.

Родилась в 1871 году в Лондоне.

Отцом m-l d'Orléans был граф Луи-Филипп II Парижский, орлеанистский претендент на престол Франции, в 1842–1848 годах бывший наследник престола в царствование своего деда Луи-Филиппа I Орлеанского. Ныне давно проживавший в эмиграции в Англии, ибо республиканские власти запрещали наследникам свергнутых династий (каковых в этой стране было три) – проживать на территории ля Белле Франс. Матушкой – Мария Изабелла Испанская.

Георгий читал дальше и изумлено качал головой.

Луи-Филипп был оказывается довольно незаурядной личностью и приверженцем идеалов демократии и свободы. В 1861 году вместе со своим братом добровольцем записался в американскую армию и участвовал во многих битвах против южных штатов.

Позже написал несколько трудов по истории Гражданской войны между Севером и Югом.

С 1883, после смерти внука Карла X и последнего представителя старших Бурбонов графа де Шамбора, Луи-Филипп стал главой дома Капетингов под именем Филипп VII. Впрочем другая часть легитимистов не признавала его выдвигая кандидатуру испанского принца Хуана Монтисона – не могли простить Орлеанской ветви прегрешений Филиппа Эгалитэ.

Заговорщики не раз предлагали ему возглавить мятеж – но на эти предложения он отвечал решительным отказом говоря что вернется во Францию лишь если этого захочет народ.

Мда – а ведь это может стать камнем преткновения! Если дочь восприняла идеи отца хотя бы отчасти... Не хватало еще республиканки *ragdonne moi* в супружеской постели вдобавок ко всем бедам династии!

Правда родная сестра Елены – Амелия – стала женой наследника португальского трона принца Карлуша I и как будто не пытается убедить мужа отречься...

Просмотрел прессу – но существенного там не было. Разве что подчеркивали что юная принцесса отличалась большой внешней привлекательностью; «Вашингтон

Пост» назвала её «воплощением женского здоровья и красоты, изящной спортсменкой и очаровательным полиглотом».

Ну что ж остается лишь доверится чутью матушки – и конечно ждать личной встречи...

* * *

14 октября. Санкт-Петербург. Правительствующий Сенат

Георгий Александрович оглядел зал Сената.

...Народу собралось немало – родня обвиняемых и пострадавших, проскользнувшие неведомо как светские хлыщи и зеваки, чины Министерства путей сообщения – едва ли не четверть зала – Витте велел придти им дабы как он выразился преподать урок соблюдения технических норм и того – что может случиться с теми кто их не уважает... Пара иностранных послов с переводчиками – датский и кажется греческий. Еще какие то иностранцы. Пресса – ее впрочем было немного – десятка два репортеров из особо отобранных Плеве газет. «Новое время», «Правительственный вестник» «Нива»... Даже два фотографа с переносными камерами – не Америка чай; в той в судах снимки делать воспрещается, отчего и держат художников умеющих быстро рисовать.

Само собой шелкоперы коим не выдали пропусков уже возмущались – но ни царь ни министр не реагировали.

Процесс как положено в России гласный и открытый – а что не всем допускается придти – так Сенат он не безразмерный. Опять же не цирк и не театр – дело серьезное – еще «Синий журнал» и «Будильник» бы пожаловали...

Скамью подсудимых ограждали символические плюшевые канаты наподобие тех что используют в театральных залах. Кроме них подсудимых окружали жандармы при тесаках – но была еще некая невидимая грань что отделила этих еще формально свободных людей от прочего мира – и они это кажется, ощущали.

Публика впрочем больше смотрела не на них, а на царя – сидевшего на верхнем ярусе. Сюда он прибыл без свиты – только с лейб-конвоем. Полковник Кауфман отобрал для ближней охраны лучших стрелков – у каждого в кармане шинели наготове французский револьвер-самовзвод. Конвой дежурил также снаружи и в коридорах. Были само собой и филеры высматривавшие возможных заговорщиков – готовясь в любой момент взять типа с подозрительным свертком или портфелем. Но таких не было – да и агентура постаралась распутить слухи что царь на суд не явится – ибо намерен проинспектировать Кронштадт.

Но император не мог не придти на вынесение приговора – слишком много сил он потратил чтобы этот процесс состоялся – и слишком много от этого процесса зависело.

Родня подсудимых пришла конечно далеко не вся... Он заметил только жену барона Таубе виденную им раньше мельком – и при ней двое старших детей. Еще он отметил невысокую миниатюрную блондинку примерно за сорок и рядом – рыжеволосого юнкера. Это была незаконная жена генерала Черевина – вдовая купчиха Ксения Фарб, бывшая балерина – и с ней – её сын от генерала – признанный особым указом погибшего царя. Неподалеку от них подчеркнуто не смотря в их сторону обмахивалась веером дама под вуалью – нынешняя метресса генерала графиня Радзивилл. Но взгляд Георгия остановился не на них, а на чистенько хоть и бедно одетой старушке в платочке и черном салопе. Сидевшая на первом ряду она подслеповато смотрела на подсудимых. Как знал император, это была матушка одного из отцовских егерей чье имя он не мог вспомнить – потерявшая единственного сына. Муж ее – гвардейский унтер – погиб под Рущуком и прошение несчастной дошло до отца – и он приказал взять сына старого солдата на дворцовую службу – на беду как оказалось.

Но вот шум в зале смолк...

Из дверей совещательной комнаты в зал один за другим вышли члены особого присутствия и при их появления обвиняемые поднялись не ожидая слов пристава...

Председатель поднялся на кафедру и раскрыв бювар с золотым тиснением начал читать.

– По указу Его Императорского Величества, и согласно резолюции Государственного совета – разносилось под куполом, – Правительствующий сенат, в особом присутствии в составе:

Господин первоприсутствующий: Гольтгоер, Михаил Фёдорович – Председатель Особого временного присутствия.

Господа сенаторы: Даневский, Пий Никодимович, Биппен, Николай Николаевич, Змирлов, Константин Павлович, Ренненкампф Константин Карлович, Бер, Дмитрий Борисович, Делянов Иван Давыдович... В присутствии Гуссаковского, Пётра Назарьевича – обер-секретаря за обер-прокурорским столом в Первом департаменте Правительствующего Сената...

В присутствии присяжного поверенного Герке, Августа Антоновича защитника... Присяжного поверенного Плевако Федора Никитича... Присяжного поверенного Рейнгольда...

Да – у всех были правозаступники – новое время новые песни!

Лучшие петербургские адвокаты – умница Герке – не побоявшийся защищать первомартовцев, златоуст Плевако – только вот они не помогут.

...Заслушав обвиняемых и защиту и рассмотрев представленные доказательства...

...Рассматривал дело о товарище министра внутренних дел, генерал – лейтенанте Петре Александровиче Черевине, дворянине Николае Андреевиче Кронеберге, дворянине Александре Петровиче Хлебникове, дворянине Владимире Александровиче Кованько, бароне Павле Павловиче фон Гане, адмирале Константине Николаевиче Посьете, инспекторе движения императорских поездов бароне Александре Васильевиче фон Таубе, главном инспекторе железных дорог тайном советнике бароне Кануте Генриховиче Шернвале, мещанине Иване Васильеве, преданных суду Особого присутствия на основании 998 статьи Устава уголовного судопроизводства...

...Признал их виновным в том, – хорошо поставленным голосом излагал Гольтгоер – что они в продолжение времени до 17 октября 1888 года совершили ряд законопреступных деяний, как по сговору так и лично... Взор Георгия уперся в скамью... Слева направо девятеро – от старого и даже сейчас сановито выглядящего Посьета до упитанного человечка лет несколько за тридцати в сером сюртуке – железнодорожного «жучка» Васильева... Почти все пришли сами – кто то из под домашнего ареста – лишь привезенных из Харькова членов правления держали на «гауптической вахте» городского гарнизона.

Одного человека в этом ряду явно не хватает – коммерции советника Соломона Самуиловича Полякова... Вся машина гешефтов и надувательства была запущена именно им. Да уж – и в самом деле – фигура! Дела проворачивал – не хуже Панамы... Практически любимец деда – сын местечкового купчика-винооторговца из Могилевской губернии – можно сказать лично из рук Александра II получил концессию на строительство этой злополучной дороги... Говорят пронюхал о секретных царских резолюциях насчет жизненной важности ускорения строительства железных дорог, чтобы ликвидировать отставание Российской Империи в этой области. И чуть ли не на коленях пообещал что дороги будут строиться быстрее чем где то в мире... И ведь построил – всего за год и десять месяцев – почти три тысячи верст... Сколько золота на этом нажил – даже Победоносцев не знает... Одних пожертвований на школы больницы, народные училища богадельни – на два с лихвой миллиона сделал! На него чаще всего ссылались обвиняемые – «учинено по приказу господина Полякова» «Поляков поставил дело так...» «Мы ничего не могли против поляковских миллионов». Но его тут нет и не будет – он скоропостижно умер в апреле прошлого года – еще до аварии. А жаль... Впрочем – с судьями уже обговорено – дела покойника рассматриваться и вообще упоминаться не будут как и отсылки к его воле – там разве что для министерства финансов есть работа. Каждый ответит лишь за то что сделал сам...

...При этом суд признал, что вышеописанное повлекло тягчайшие последствия в виде трагической гибели Его Императорского Величества Александра III и смерти большого числа людей, а также тяжкого увечья Его Императорского Величества Николая Александровича... – без запинки басил первоприсутствующий...

Когда с Кони обсуждали обвинительное заключение – возник вопрос – что делать с титулом брата – ныне вновь великого князя? Порешили, в конце концов что поскольку Николай формально считался императором с момента гибели отца – то судить следует за причинение увечий царю. «Все по закону господа! По закону – как вы хотели!» – зло произнес он про себя обращаясь то ли к виновным, то ли к находившемуся за стенами Сената *обществу*.

... Приговорил:

Бывшего Министра Путей Сообщения адмирала Посьета Константина Николаевича – к четырем годам заключения в крепости с лишением мундира, чина и наград...

Старик на скамье подсудимых непонимающе оглянулся на судей, потом на царя, как-то жалко сцепил руки на груди... Неуверенно коснулся эполет словно хотел защитить их... По морщинистой щеке побежала слеза, исчезнув в бороде...

И Георгий ощутил острую жалость к этому старику вся честная многотрудная и образцовая жизнь которого была зачеркнута в этот миг.

... Главного инспектора железных дорог барона Канута Шернвалья – к шести годам заключения в крепости с лишением мундира, чина и наград, а также всех прав состояния

Побледневший барон, кажется, готов был рухнуть в обморок... Нет – уже рухнул – однако конвоир имевший видать опыт в таких делах его аккуратно подхватил за воротник мундира и удержал стоймя.

... Александра Таубе – к шести годам заключения в крепости с лишением мундира, чина и наград, а также всех прав состояния

Железнодорожник растерянно вертел головой, словно не веря что это происходит с ним.

...Николая Кронеберга ...

На днях на стол Георгия легло на днях прошение, подписанное Марией Александровной Кронеберг. Вдова Андрея Ивановича Кронеберга – видного русского переводчика критика, шахматиста – «Гамлета» в его переводе он видел на царскосельской сцене – просила помиловать любимого единственного сына.

А как быть с мамой того отцовского егеря?? Возвращаются и с каторги и из Сибири – но смерть еще никого не отпускала из своих чертогов.

К шести годам заключения в крепости с лишением всех прав состояния...

– За что? – первый из осужденных воззвал Кронеберг к публике... Я же старался сделать все что в силах моих... Он сделал попытку двинуться к суду – но жандарм с ефрейторской лычкой предупредил сей порыв, тяжело опустив ему руку на плечо

...Коллежского асессора Владимира Кованько, управляющего Курско-Харьково-Азовской железной дорогой – к лишению всех особенных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к отдаче в каторжные работы сроком на десять лет...

Бледный от накатившего ужаса Кованько спрятал лицо в ладони.

Членов правления Курско-Харьково-Азовской железной дороги – барона Павла фон Гана, поручика запаса Александра Хлебникова, харьковского мещанина Ивана Васильева – к отдаче в каторжные работы сроком на десять лет с лишением прав состояния... Молчание...

Генерал – лейтенанта Петра Червина считать по суду оправданным.

Бывший царский телохранитель тоже никак не отреагировал. А вот рыжий юноша порывисто обнял мать, да госпожа Радзивилл радостно сжала кулачки на груди...

...Дела низших железнодорожных служащих передать на рассмотрение по принадлежности...

Паровозная бригада и мелкие служащие будут судиться в Харькове – и тамошним крючкотворам дали понять – судить строго по закону. Не найдется вины – и не искать – их счастье; обнаружится – не обессудьте...

...Также вынесли определение о конфискации с отдачей в казну Курско-Харьково-Азовской железной дороги в силу исключительных обстоятельств...

Стукнул председательский молоток знаменуя то что приговор провозглашен и отныне уже не подлежит обжалованию – ибо судил Сенат – высшая судебная инстанция выше которой лишь монарх...

В наступившей тишине слышались лишь старческие всхлипывания Посьета к которому полминуты спустя присоединился тонкий прерывистый стон-визг господина Гана – из богача и воротилы в одночасье ставшего жалким каторжанином.

Поднявшись Георгий I молча покинул зал Сената, быстрым шагом не обращая внимание на еле поспевающих за ним лейб-конвойцев...

* * *

Потом Георгию Александровичу приходилось не раз присутствовать на судах и куда чаще – организовывать их. Приходилось поступать вопреки своим словам о незыблемости законов и святости правосудия. Отказывать в помиловании тем кого можно было пожалеть и миловать скверных людей – скверных, но полезных – не ему – Державе.

Но только тот – первый его суд – суд над пусть невольными, но *цареубийцами* переживался им столь остро...

Из всех осужденных он помилует лишь двоих. Спустя два года – Посьета – позволив ему умереть на свободе и через четыре года – Кронеберга – ибо на строительстве Великого Сибирского Пути обнаружилась нехватка инженеров.

* * *

Утром в Сенате была масса народу. Каждый рассказывает и ужасается, суровости монарха... Говорили что прямо из Сената он направился в Зимний и предался самому невероятному пьянству – так что бегал по коридору на четвереньках и ругал дворцового коменданта жидом. Правда т-т Бобрикова сказала что по самым точным сведениям он уехал в Ораниенбаум – где в своем Охотничьем домке учинил оргию в духе султанского serale с участием шести или семи фрейлин известного рода... Ужасно! Что же будет дальше при таком начале царствования?

Александра Богданович «При четырех императорах» Париж, 1925 год, издание Русской службы Департамента пропаганды Французской республики.

* * *

Похищенный проворовавшимся управляющим и с оказией переданный в охваченную революционным безумием Францию дневник госпожи Богданович, вдовы генерала и собирательницы всяческих сплетен и слухов как водится солгал. После и в самом деле немало стоившего ему суда, молодой царь не поехал пьянствовать или предаваться *relacse* с юными доступными девицами.

Он вместе с вдовствующей императрицей весь остаток дня выбирал подарки для будущей невесты, стараясь одновременно и поразить ее роскошью и богатством и угодить ее известному тонкому вкусу.

Ибо не зная теорий великого мыслителя и педагога Яна Амоса Коменского он вполне разделял ту его идею что лучшим лекарством от горестей и дурных мыслей является занятие каким – либо полезным делом.

* * *

Сегодня в Россию по приглашению вдовствующей императрицы Марии Федоровны прибывает Луи Филипп – граф Парижский с дочерью Еленой.

«Правительственный вестник» 21 октября 1889 г

* * *

Утром 21 октября к Финляндскому вокзалу подкатил тот самый Особый императорский поезд. Однако против прежнего обыкновения вдовствующая императрица не прибыла в нем, а совсем наоборот – находилась в числе ожидающих.

И вот поезд остановился, и из раскрытой двери на перрон вышел высокий густобородый человек в сером макинтоше и цилиндре за пятьдесят.

А на руку его опиралась очаровательная девушка лет не больше восемнадцати на вид.

Одетая в кокетливое синее бархатное пальто с небольшим куньим воротником и в зеленую барханную шапочку принцесса была как-то по особому свежа и восхитительна...

Она смотрела на встречающих и Георгий вдруг увидел себя ее глазами.

Лишь чуть выше ее, темноволосый молодой человек в мешковатом пальто и высокой фуражке без кокарды под зонтиком который держал лакей.

Судя по всему она его представляла другим – тень удивления на ее лице он все таки уловил.

– Ваше Величество?! – спросила она по-французски

– Да мадемуазель! – просто ответил он.

Они обменялись приветствиями – Елена присела в реверансе, а он чуть – чуть поклонился и коснулся губам тонкой лайковой перчатки...

Заем к ней подошла Мария Федоровна за которой вышагивал французский посол.

...На перроне кроме императора и вдовствующей государыни было всего менее десятка человек не считая охраны и небольшого оркестра. Военный министр Гурко, товарищ министра иностранных дел, обер-гофмаршал Нелединский, два церемониймейстера, и французский посол в Петербурге адмирал Тушар – высокий тощий человек с седой бородкой и в острой треуголке.

С церемониалом встреч и всего визита надо сказать возникло немало вопросов. Вот например – стоит ли семейству Орлеанских прибыть в Россию на «Полярной звезде» из Англии – или через Германию на поезде? А если на поезде – то будет ли правильнее снарядить за ней российский экстренный поезд или они должны прибыть на своем – пусть и арендованном.

В итоге пришли к компромиссу – морем на пароходе до Германии, оттуда в особом вагоне до Вержболово, а там уже на границе переседают на императорский поезд.

Или вот например – какой гимн играть при встрече? Положим с российским вопросов нет – а французский? «Марсельезу»? Но играть гимн этот при прибытии членов свергнутой революцией династии как-то в высшей степени нелепо. Сыграть дореволюционный французский «Domine, salvum fac regem»? Но как на это посмотрит Париж – тем более посольство Франции выразило живейший интерес к визиту... Гимн Орлеанской династии – «La Parisienne»? Но это тоже революционная песня – таким образом и России конфуз и Франции обида. Помог как ни странно господин Танеев к которому больше для порядка обратилась матушка – мол есть ли какая-нибудь французская мелодия которую можно сыграть вместо гимна?

Сергей Иванович не раздумывая предложил остановиться на «Да здравствует Генрих IV». Песня эта хорошо знакома французам и даже может считаться за неофициальный гимн. Кроме того ее знают русские музыканты – ибо она в обработке великого Чайковского будет звучать в новом балете Императорского театра «Спящая красавица».

На том и порешили.

По окончании приветственной церемонии они уселись в ряд закрытых карет и поехали в Зимний.

– Простите ваше величество – а почему карет так много? – осведомилась вдруг Елена разглядывая улицы по которым двигалась кавалькада...

«Однако – наблюдательная!» Но не говорить же ей что это теперь обычная мера предосторожности при царских выездах – чтобы затруднить господам бомбистам выбор цели.

– Если вдруг в пути сломается какой то из экипажей, пассажиры просто перейдут в другой, – нашел он ответ.

– Это разумно.

В парадной столовой дворца их уже ждал обед.

Лакеи на серебряных подносах поставили на стол запотелые графины с лимонадом для дам, и блюда с пирожными «эклер» вазочки с вареньями; груши, мандарины и кисти винограда.

Для мужчин – грибы, ветчину, и миниатюрные нежинские огурчики, салат «паризьен», канапе «фантази», нежный молочный поросенок. К этому прилагалась водка в графинчиках – на четыре рюмки каждый, и две бутылочки вина: красного и мадеры...

Елена восхитилась свежим фруктами – на что Георгий пояснил что их доставили из дворцовой оранжереи где выращивалось буквально все что душе угодно – от арбузов и дынь, до земляники и клубники, и даже ананасы и апельсины.

– Я бы с интересом посмотрела на ваш оранжереи, – сообщила Елена. Там наверняка много цветов!

– Увы – они за городом – в Павловске... – нашелся Георгий. Погода не располагает к столь долгим загородным прогулкам. Но я могу показать вам мое скромное обиталище.

– Как-только гости отдохнут, сын мой! – сообщила матушка вставая из за стола.

Завтрашним утром когда гости и в самом деле отдохнули и привели себя в порядок после дороги, Георгий на хозяина повел Луи-Филлипа и Елену по Зимнему...

Отец и дочь восхищенно изучал богатые интерьеры, с осторожным восхищением касаясь резного малахита и яшмы, не сдерживая изумленных вздохов при виде огромных ваз которые везли с Урала целый год кружным путем – ибо мало мостов могли выдержать их вес... Отдавали должное скульптурам – «Величие и Изобилие», «Верность и Справедливость», статуи Меркурия и Музы. Изумились когда на вопрос – это итальянская или французская работа сказал что делали русские мастера. Гости изучали обстановку.

Он же внимательно изучал принцессу.

Своим обликом мадемуазель Орлеанская опровергала любимым разночинцами и либералами тезис о полном вырождении аристократии.

Георгий невольно ею залюбовался...

Щеки ее горели здоровым румянцем, темные глаза сияли...

Что-то было в этой девушке в жилах которой смешалась кровь самых древних семейств Европы и множества народов. Что-то такое чего он не замечал ни в знатных придворных дамах – а были среди них весьма красивые («И пожелай он – зашептал вдруг некий ехидный голос и прояви настойчивость – эти аристократки в большинстве стали бы принадлежать ему в первую же ночь!») И уж тем более в матушкиных фрейлинах – милых неглупых и горячих – но по сути всего лишь служанках его потребности. Под одеждой угадывалось крепкое, здоровое тело – наверняка не чуждое плотских страстей.

Он вдруг представил как сожмет это юное изящное тело в объятиях – когда с него будут совлечены все одежды и она останется в костюме праматери Евы... Когда их соединит венец...

Надо бы устыдиться подобных мыслей – но что постыдного в том чтобы думать о своей будущей жене как о желанной женщине?

Зимним и эрмитажными коллекциями Елена Орлеанская осталась довольна...

– Жаль что я не смогу видеть «Царь-Пушку» и «Царь – Колокол» – последнее Елена произнесла по-русски с милым акцентом. Они в Москве, а это далеко... – разговор происходил в его кабинете куда они вернулись.

– Постойте, мадемуазель! – вдруг пришла ему в голову нелепая на первый взгляд, но по своему логичная мысль. А почему собственно не сможете? И добавил:

– Вы не слышали, что для русского царя нет ничего невозможного?

И протянул руку к телефону... Дальше все завертелось...

Недоуменное лицо Луи-Филиппа, потом впрочем заявившего что намерен сопроводить дочь в этой поездке – тем более что в Москве никогда не бывал. Несколько обескураженная мама. Беготня слуг торопливо собиравших вещи, а потом бросивших – ибо поездка предполагалась всего на один день. А потом опять собиравших – ибо неприлично появится где то принцессе Орлеанского Дома хотя бы без трех бальных платьев. Стайка фрейлин поднятых матушкой буквально с постели дабы обеспечить достойную свиту принцессе. Напряженный Кауфман куда то звонивший и отбивавший телеграммы...

Подходящий к перрону императорский поезд сияющий ярким светом в отмытых до хрустальной чистоты окнах...

И только когда эшелон понесся сквозь темноту октябрьского вечера Георгий вдруг понял что все это происходит всё – таки на самом деле и он везет свою почти невесту – показывать ей Москву.

Сама Елена впрочем тоже видать от избытка эмоций сообщив что устала отправилась спать в дамский вагон.

А Георгий еще пару часов общался с Луи-Филиппом. Они беседовали на нейтральные темы – принц все больше вспоминал боевые эпизоды своей биографии, да не преминул похвалить Гурко сказав что он отменный министр и мудрый человек.

Потом и он откланялся. Георгий раздевшись – сам без камердинера как привык, лежал без сна.

Сейчас как он знал в этой ночи поднятые по тревоги солдаты оцепляют пути, светя себе фонарями «летучая мышь» или просто факелами из смолья, железнодорожные жандармы грозно рычат на заспанных обходчиков и начальников станций, филеры в штатском блокируют стрелки или занимают места за спинами тех кто должен будет направить поезд на нужный путь – при этом выразительно сунув руку в правый карман...

Сколько народу сейчас не спит ради его каприза? Но если бы отец соблюдал эти меры, введенные было при Александре II...

Георгий вдруг невольно вскочил.

Перед его внутренним взором возникла внезапно жуткая – и до боли яркая и живая картина.

Облетающий осенний лес на каком – то перегоне. Груда разбитых вагонов под насыпью... Серые низкие облака... Серые от ужаса и усталости солдаты выкладывающие в ряд мертвых изувеченных людей. А во главе шеренги покойников два тела – тонкое женское в пропитанной кровью белой амазонке и изломанное, разможенное мужское – в растерзанном флотском мундире...

Минут пять он успокаивался – даже позвонил в звонок – распорядился у камер-фурьера чтобы принесли холодной воды.

Долго с чувством пил.

Это всего лишь морок, ночной кошмар. То чего не может быть – поезд надежен, тормоза исправны, а пути проверены... «Вот наверное и батюшка так думал!» – печально прокомментировал внутренний голос.

Нет – все – спать!!

...Завтрашним утром они с Николаевского вокзала отправились в Кремль – где уже были подготовлены апартаменты...

Елена недоверчиво ходила вокруг знаменитого колокола и не менее знаменитого орудия мастера Андрея Чохова, восхищенно качая головой.

Правда ее батюшка не преминул проворчать что огромные ядра лежащие рядом с орудием к нему отношения не имеют – ибо пушка явно предназначалась для стрельбы каменной картечью и каменными же ядрами – а чугунные бы заставили ствол разорваться.

И добавил что видел как южане пробовали делать такие же огромные пушки из дубовых стволов скрепленных обручами от бочек. Но били те недалеко и всего один – два раза, а бывало их разносило после первого же выстрела – убивая и калеча прислугу...

Затем после обеда хранитель Оружейной палаты Юрий Дмитриевич Филимонов провел царственных гостей по ее залам.

Принцесса подолгу стояла у витрин с драгоценностями о чем то думая – и Георгий вдруг понял – да она же представляет как они будут на ней выглядеть!

Две мамины фрейлины уныло тащились позади – к драгоценностям они привыкли.

А вот Луи-Филипп уделил немало внимания как и полагалось мужчине и опытному воину оружейной коллекции.

Особо выделил одну пищаль – как гласила надпись на табличке – 1615 года.

Пищаль была медная, заряжающаяся с казны с помощью клинового хотя примитивного затвора...

Граф Парижский с видом знатока прокомментировал

– Орудие казnozарядное да еще и нарезное? В те времена? Нет ли ошибки? В Европе такие пушки появились только в конце XVII века.

– Тем не менее это орудие отлито в России и именно в те времена – о чем говорит надпись. Во времена первого царя династии Романовых – Михаила Федоровича.

– Да... весьма странная надпись! – озадаченно посмотрел Луи-Филипп на выющиеся вдоль ствола латинские литеры.

«Magnus Dominus, et Rex magnus princeps super omnes ursorum Micaïl Fedjrovitsc». Вульгарная латынь, но разобрать можно – «Великому господину, царю и великому вождю всех медведей Михаилу Федоровичу». Однако...

– Многие историки считают, что это преднамеренная колкость мастера-иностранца, – решил разъяснить загадку Юрий Дмитриевич. Но видимо пушка была отлита и в самом деле при участии иноземца – он просто нетвердо знал латынь. В оригинале должно было быть «великому государю и вождю всех русских» но вместо «руссорум» написали «урсорум».

И добавил.

– По преданию когда ошибка обнаружилась – государь Михаил ничуть не разгневался ибо счел что он и в самом деле правитель не только всех русских, но и всех русских медведей! Елена искренне рассмеялась.

Потом они устроили конную прогулку по Москве – в каретах само собой.

Манеж, Тверская, Трубная площадь, Храм Христа Спасителя, Сухарева башня, Московский императорский университет.

– Это в нем училась мадам Софи Ковалевская? – спросила вдруг Елена.

– Ковалевская? – зачем-то переспросил он.

О ней конечно он слышал и прежде – пусть и как о некоем курьезе – женщина-математик надо же такому быть! Но вот где она училась? Хотя...

– Однако же нет – не в нем! Должен огорчить вас – у нас женщин не принимают в университеты.

У нас во Франции тоже! – вмешался принц Филипп.

– Впрочем – мадемуазель Елена – я признаться обдумывал вопрос о том чтобы сделать госпожу Ковалевскую профессором именно Московского университета – зачем-то сказал он.

– Но это же было бы прекрасно! – восхищенно захлопала девушка в ладоши. Это была бы первая в мире женщина – профессор! Ваше величество – вы должны этого добиться!

– Несомненно! – поддержал Георгий подумал что похоже с него только что требовали самый необычный подарок какой когда либо кто преподносил нареченной.

В сумерках когда они садились в поезд Елена уже явно клевала носом...

...Вам что-нибудь нужно, государь? – осведомился Кауфман когда поезд тронулся.

– Нет – спасибо – я всем доволен... Хотя день был весьма насыщенный! Я доволен! – повторил он.

«Это может быть глупо звучит господин флигель-адъютант, но я, кажется, влюбился...»

Но вслух этого он не сказал, разумеется...

* * *

Что я – восемнадцатилетняя дочь неудачливого претендента на французский престол знала о стране, куда меня пригласили? Только то что знал обычный европеец того времени. Я знала, что Россией правит царь (tsar). Царь живет в своей резиденции в Санкт-Петербурге – городе, построенном в устье Невы трудом сонма рабов меньше двух сотен лет назад. Владения царя столь обширны, что когда в Варшаве наступала ночь, у Берингова пролива вставало солнце. А между Вислой и Чукоткой простирался целый континент, одна шестая всей суши. Огромные хвойные леса. Освещаемые лучами солнца белые березы. Полноводные реки. За страшным каторжным Уралом – не менее страшная каторжная Сибирь, с ее тайгой и безрадостной тундрой, где не ступала нога человека, и замерзшие берега упираются в торосы и айсберги Северного Ледовитого океана.

Рассеянные по этим просторам, живут сто тридцать миллионов подданных tsar'ya. В это число входят русские, финны, евреи, немцы, грузины, армяне, татары. Одни обитают в провинциальных городах и городишках, и все поголовно ходят молиться в «церкви». (Почему то я не думала что люди иных вер и племен могут иметь свои храмы)

Крестьяне обитают в своих бревенчатых «избах» в деревнях. Это очень холодная страна. В течение полугода там снежная зима и крестьяне сидят в «избах» как медведи в берлогах (я не видела еще тогда живого медведя и они мне смутно представлялись некими чудовищами-людоедами не хуже сказочных огнедышащих драконов).

И сам молодой император Георгий мне виделся таким же загадочным и даже немного страшноватым – как те самые «медведи»...

Елена Филипповна, Вдовствующая Императрица Всероссийская

«Мое жизнеописание»

Издание седьмое, напечатано в Царскосельской типографии. 1969 год.

* * *

25 октября.

Сего дня, в Гатчинском дворце в присутствии Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны высочайше объявлено о помолвке Е.И.В. Георгия I и принцессы Елены Орлеанской. Согласно воле Е.И.В и по согласию с невестой, свадьба состоится 16 июня 1890 г.

«Правительственный вестник»

* * *

Георгий поймал себя на том что до конца не может поверить что уже вторые сутки как у него есть невеста.

...Эти последние дни перед расставанием были наполнены какой то тихой грустноватой радостью.

С утра они вместе с Еленой гуляли в Гатчинском парке, принцесса кормила белок, уже начавших сереть к зиме наблюдала за лебедями в прудах...

К полудню они возвращались, вместе с Еленой и вдовствующей императрицей пили кофе. Обед был в два часа, после него все расходились отдохнуть.

Потом Георгий и Елена катались в дрожках, по аллеям Царскосельского парка вдоль которых выстроились вековые дубы...

Вечером они ужинали – m-l d'Orléans понравилась малосольная семга и паюсная икра с горячими калачами и сливочным маслом.

А между тем как знал Георгий за кулисами этого чинного спокойствия шла напряженная работа. Ибо на пути всех планов внезапно возникло одно препятствие.

Елена вдруг наотрез отказалась переходить в православие... Как ни удивительно в этой девушке – воспитывавшейся в протестантской Англии и выросшей в вольнодумной семье – но она сперва вежливо и твердо заявила что это невозможно.

– Не то чтобы я была так набожна, – тихо и серьезно пояснила она – но со времен пра-родителя нашего Гуго Капета ни один из моих предков веру не менял...

Георгий признаться очень огорчился – особенно когда мысленно сравнил Елену с Маргаритой Прусской – вероятной кандидатурой в жены. Потом еще подумал что матушка определенно женит его на ком то из черногорок – те что называется под рукой и уж точно упираться не будут ни по какому поводу.

Но Мария Федоровна и посол Франции вызванный ею как-то сумели уговорить юное создание...

И вот вчера днем матушка сообщила ему что все готово.

– Идите, сын мой и просите руки m-l Елены! – напутствовала она его. И он пошел...

...Император с серьезным лицом вступил в гостиную где его ожидал принц Орлеанский – Мне нужно переговорить с вами, граф, – произнес он... Луи-Филипп, тяжело вздохнув, посмотрел на него. – Я к вашим услугам, государь! – Я хочу просить руки вашей дочери, – произнес как будто прыгая в ледяную прорубь Георгий... – Ваше предложение, это великая честь для меня и моей дочери! – со спокойным достоинством ответил принц Орлеанский и... я принимаю его. Но как бы то ни было – окончательный ответ будет зависеть от нее самой... Он что-то полусшепотом бросил камердинеру и тот исчез – чтобы вернуться через полминуты вместе с Еленой. – Дочь моя, – мрачновато и торжественно начал принц Филипп – император все-российский просит твоей руки. Согласна ли ты принять его предложение? – Я согласна, отец! – кротко ответила Елена. Только вот... Я о перемене веры – никак нельзя иначе? – спросила она. Принц Орлеанский ничего не ответил, но весь его облик выразил решительную невозможность отменить это обстоятельство. – Да будет так! – звонким и твердым голосом произнесла Елена Орлеанская. Я согласна! И Георгий поразился сколько силы и решимости в этих словах прозвучало. – Ваша матушка, с которой мы обсуждали матримониальные обстоятельства непременно условием поставила чтобы свадьба состоялась в течение года после помолвки, – сказал Луи-Филипп. Но я думаю достаточно будет шести-девяти месяцев. – Как ни тяжел мне будет этот срок, отодвигающий мое счастье – но я согласен, – закивал Георгий. В комнату вошла Мария Федоровна – после чего отец и мать благословили жениха и невесту. Потом он целый день ходил, как в дурмане, не вполне сознавая, что собственно с ним произошло... Потом

приехали его дядя и совместно с будущим тестем отметили помолвку «честным пирком» – как выразился Николай Николаевич. Впрочем все происходило под негласным надзором вдовствующей императрицы – так что к столу не подали ничего крепче бургундского. После обеда Георгий пошел в гатчинскую церковь и заказал благодарственный молебен...

А вечером Мария Федоровна поднесла нареченной сына подарки. Перстень с большим аквамарином чистой воды, ожерелье из крупных опалов, цепочку-кулон с крупным сапфиром, тонкий ажурный браслет с уральскими изумрудами, и брошь, украшенную александритами. Венцом этого великолепия было жемчужное кольцо, изготовленное знаменитым придворным ювелиром Фаберже и стоившее как помнил Георгий в четверть миллиона золотом. Поднес свои дары и Георгий – не столь яркие и дорогие, но даже более необычные.

Первым было еще одно изделие Фаберже – платиновые браслеты выполненные в редкой технике бриллиантовой огранки и сиявшие множеством огоньков на тысячах полированных граней.

Вторым было старинное османское изделие.

– Его сделали в позапрошлом веке во времена султана Мурада Четвертого, – пояснил он. Это было украшение для тюбана, отлично, как подтвердила Мария Федоровна выглядящее на шляпке. Делал его воистину искуснейший мастер – драгоценные камни были безупречно отшлифованы, оправка была самой тонкой работы и покрыта эмалью чистого и яркого цвета, несмотря на прошедшие два с лишним столетия. Чистые и холодные, индийские алмазы, красные бадахшанские рубины, светло-розовые бирманские турмалины... А главным камнем мастер выбрал изумруд с голубиное яйцо, глубокого зеленого цвета, отшлифованный мелкими гранями...

Увидев это произведение искусства в синей бархатной коробочке с золотыми кистям Елена не сдержала восхищенного возгласа.

Георгий мысленно поздравил себя с удачным выбором. Это необыкновенное украшение было случайно найдено буквально месяц назад во время ревизии в кладовых Архангельского собора. Было оно как гласила ветхая грамота подарено царевной Софьей холмогорскому епископу Афанасию Любимову – мудрецу и государственному деятелю.

И Синод с чего то решил что его надлежит вернуть в царскую казну – раз оно было личным подарком, а не вкладом в монастырь и не пожертвованием. (А ведь и стащить могли – видать не так уж плохи наши святые отцы)

Пересказав невесте эту историю вкратце Георгий раскрыл ей еще один маленький секрет подарка – оправка изумруда держалась на искусно спрятанном шарнире и нажав на верхний рубин можно было открыть небольшой тайник...

...Георгий, скажите – чем вы мечтаете больше всего? – спросила вдруг Елена перед тем как им разойтись по своим комнатам.

Полминуты он промолчал. Что бы ей сказать? Конечно можно сообщить нечто банальное. Например что мечтает прожить с избранницей долгую счастливую жизнь и умереть в глубокой старости в мире и спокойствии, в окружении детей и внуков... И чтобы вдова проводила его в последний путь... Но это будет неправдой – и не потому что он о таком не мечтает... Просто ни одному из его предков по мужской линии со времен Петра I не был дарован такой благодный уход из жизни. Одни умирали насильственной смертью – от рук врагов или даже не без участия близких. Другие просто покинули сей мир сильно раньше времени. Прадед уходил измученный болезнью в дни проигранной войны, и горько пошутил, напутствуя наследника: «Сдаю тебе... команду не в порядке». Дед погиб в седьмом покушении так и не примирившись с родными до конца. Отец в расцвете лет пал жертвой нелепой случайности. И смутное чутье подсказывало, что он не может так пошло обнадежить эту прекрасную юную девушку решившуюся связать с ним жизнь.

– Пройдемте, мадемуазель...

Войдя в кабинет он показал ей груды бумаг, скопившуюся за те дни что он посвятил невесте.

– Вот, мадемуазель Елена... Все это документы, требующие или моего решения или хотя бы знакомства с ними. Вы сейчас пойдете спать, а я еще часа два потрачу на то чтобы хоть немного уменьшить работу на завтра. И я бы очень хотел, чтобы моя супруга стала мне помощницей в делах государства. *Царицей*, а не просто... женой царя. Ну и понимала что прежде всего я женат на короне – и не укоряла за то что я не могу уделить ей должного внимания. По крайней мере не укоряла слишком часто... – он грустно улыбнулся.

– Я поняла и я... постараюсь... – тихо ответила Елена. В ее глазах он увидел восхищение пополам с сочувствием...

* * *

27 октября 1889 года. Гатчина

Георгий смотрел на доставленное из МВД справку о Ковалевской.

Дама необычная – что сказать?

Дочь генерал-лейтенанта артиллерии Корвин-Круковского и Елизаветы Фёдоровны Шуберт. Дед Ковалевской по матери, генерал от инфантерии Франц Францевич Шуберт, был недюжинным математиком, а его отец – известным астрономом. Родилась в Москве в январе 1850 г. В 1866 году юная Соня Ковалевская ездила впервые за границу, а потом жила в Санкт-Петербурге, где брала уроки математического анализа у доцента Страннолюбского: кровь родственников по матери проявилась в ней особо сильно.

...Поелику женщин в высшие учебные заведения России не принимали, Ковалевская решила продолжить обучение за границей. Однако выдавать женщине заграничный паспорт можно было или с разрешения родителей или мужа. Отец намерений дочери сугубо не одобрял, поэтому она вступила в фиктивный брак с молодым учёным – зоологом и исследователем ископаемых вымерших тварей, Владимиром Онуфриевичем Ковалевским. Правда, Ковалевский довольно быстро всерьез влюбится в свою формальную жену а она в него...

Мда... «сочувствовала революционной борьбе и идеям социализма». Поэтому в апреле 1871 года вместе с мужем приехала в осаждённый Париж, ухаживала за ранеными коммунарами. Позднее принимала участие в спасении из тюрьмы деятеля Парижской коммуны Жаклара, мужа своей сестры-революционерки Анны. Понятно почему о ней столь много знают – агентура издавна следит за всеми причастными к радикализму русским за границей.

Это заставило его глубоко задуматься.

Понятно с точки зрения дочери графа-полуреспубликанца это грех не большой – но будущей императрице России надо бы знать что у нас сии привычки не приветствуются.

Но с другой стороны – молодости определенный радикализм простителен – опять же молодая студентка не с револьвером по баррикадам бегала, а помогала раненым.

Знаменитый усмиритель Польши Николай Михайлович Муравьев был членом тех самых «Союза спасения» и «Союза благоденствия», одним из авторов его устава, и даже был арестован, но по повелению Николая I освобожден с оправдательным аттестатом ибо в мятеже не участвовал. А ведь не кто-нибудь – родной брат основателя «Союза спасения» Александра Муравьева и троюродный – повешенного Сергея Муравьева-Апостола.

Ну и кроме того с тех пор ни в чем подобном Софья Васильевна не участвовала, окончательно и бесповоротно выбрав тихую жизнь и науку. В 1878 году у Ковалевских родилась дочь названная в честь матери. А в 1883 Владимир Онуфриевич застрелился в номере московской гостиницы накануне процесса о банкротстве. Молва винила в этом жену, дескать доведшую его своим тайными изменами до того что он забросил дела. Но вот жандармское управление

предположило, что мсье Ковалевский просто запутался в финансовых аферах, к которым приобрел нездоровый вкус.

В 1888 мадам Ковалевская стала лауреатом премии Парижской академии наук, а летом сего года ее труды отмечены премией Шведской академии наук. А осенью Ковалевская избирается членом-корреспондентом на физико-математическом отделении Российской Императорской Академии наук. Что там еще дальше?

Так ... научные заслуги...

...Открытие третьего классического случая разрешимости задачи о вращении твёрдого тела вокруг неподвижной точки.

...Доказала существование аналитического (голоморфного) решения задачи Коши для систем дифференциальных уравнений с частными производными, исследовала задачу Лапласа о равновесии кольца Сатурна, получила второе приближение.

...Решила задачу о приведении некоторого класса абелевых интегралов третьего ранга к эллиптическим интегралам. Работает также в области теории потенциала, математической физики, небесной механики.

Мудрено... Ох мудрено! Женщина которая способна во всем этом разобраться вполне достойна титула профессора московского университета!

Что еще? Пробовала себя в литературе – на русском языке опубликованы «Воспоминания о Джордже Эллиоте» («Русская Мысль», 1886, № 6). Ну это не так важно...

В общем это будет подарок не только мадемуазель Орлеанской, но и Московскому университету и без преувеличения – России.

Кстати – Витте у нас математик, а он как раз скоро должен явиться с докладом относительно железнодорожных концессий.

Выслушав Витте и дав пару поручений по поводу доклада, он как бы между прочим спросил

– Кстати, Сергей Юльевич, а что вы думаете о Софье Васильевне Ковалевской?

На лице министра мелькнуло удивление, но тут же исчезло.

– Я думаю что мы в некотором роде с мадам Ковалевской родственные души, – сообщил он.

И глядя на недоумевающего в с вою очередь монарха пояснил.

– Дело в том что между математиками есть двоякого рода люди... Во первых – своего рода жрецы высшей математической мысли; для этого рода математиков цифры и исчисления сами по себе, не имеют никакого значения; их увлекают содержащиеся в них идеи. Одним словом, это математики, если можно так выразиться, – философы от математики. К их числу принадлежит и ваш покорный слуга, – с улыбкой склонил голову Витте. И совсем не случайно госпожа Ковалевская получила звание доктора философии за сугубо математическую работу. Напротив, второй раздел – это математики иного совсем класса, которых философия и идеи не трогают; которые всю суть своей науки видят в исчислениях, цифрах и формулах. Это так сказать исчислители или если угодно – математики-ремесленники. К числу таковых принадлежит например мой коллега по совету министров – господин Вышнеградский. Философы и жрецы – относятся с некоторым презрением к ремесленникам – исчислителям. Ну а в свою очередь математики-исчислители, среди которых есть много и весьма знаменитых, смотрят на философов, как на людей в известной степени «тронутых»... – Витте опять улыбнулся.

– А что вы думаете о приглашении мадам Ковалевской в Россию на преподавательскую вакансию? – перешёл к основному вопросу Георгий.

– На месте господина Танеева я бы не возражал! – ничуть не смутился Витте, и лишних вопросов не задал. Может знал откуда-то уже о разговоре с гостьей? – Я давно признаться отошел от научного сообщества – но насколько знаю Софья Васильевна обладает весьма неор-

тодоксальным мышлением. Я скажу нечто что возможно удивит вас, Ваше Величество, – продолжил Витте. В случае ее избрания на кафедру любого университета ей суждено будет стать источником споров – как связанных с ее полем так и с ее идеями и убеждениями. Но... вместе с тем и огромной пользы! Ибо как бы то ни было, разница между университетом и школою заключается в том, что университет живет свободной наукою. Если же он не живет свободной наукой и свободным идеями, то в таком случае, он не достоин звания университета. Тогда, действительно, лучше уже обратить университет в школу, потому что школа все-таки тогда может давать деятелей с определенным запасом знаний, между тем как университет без свободной науки не даст людей ни с большими знаниями, ни с большим научным развитием. Зато... – Витте как будто на какую то секунду поколебался – даст людей с большими амбициями и без рационального мышления. Во многом тип нашего «нигилиста» ведь порожден университетами эпохи императора Николая Павловича... – Витте встревожено оглядел на царя, но тот благо-склонно кивнул, – мол продолжайте.

– Еще раз простите Ваше Величество за сию долгую лекцию... – видимо министр решил что и так сказал довольно.

– Нет – отчего же – весьма любопытно...

Оставшись один Георгий раскрыл блокнот и написал «На завтра. Танеев. Ковалевская».

* * *

30 октября 1889 года

Георгий со всем вниманием погрузился в отчеты подчиненных Дурново касательно впечатлений в свете от помолвки царя и официальные бумаги касающиеся проистекающих из этого возможных перемен обстановки.

Многие ворчали – и неудивительно что большинство из них были остзейцы – фон Гильденбрандт, фон Рихтер, фон Остен-Сакен...

Впрочем не одни немцы.

Вот что говорил некто Бреев, предводитель дворянства – «Франко-русский альянс с вероятностью проистекающий из данного брака этот несчастная ошибка... дружба ястреба с медведем: один – в небесах, другой – в лесах, и оба друг другу ни на что не нужны... Для нас была бы полезнее дружба с Германской империей – дружба каменная, железная... Россия ни в коем случае не должна бороться с Германией, так как Германия – оплот монархизма... По этой, а также по экономическим причинам мы, напротив, должны быть с ней в союзе...»

Какие прекрасные слова – истинные от первого до последнего...

Их бы да Вильгельму в уши!

Петр Оттович Моренгейм, посол во Франции: «не было бы ничего более вредного и опасного, чем дать повод французским радикалам понадеяться на поддержку России». «Помолвка Вашего Величества, – пишет посол, – должна ясно показывать, что симпатии России обращены лишь к Франции консервативной. Мы можем способствовать спасению Франции от себя самой, рассеяв опасные иллюзии...»

А вот меморандум подписанный никем иным как товарищем министра иностранных дел – фон Ламздорфом. С припиской от имени министра. «Ваше Императорское Величество – полагаю было бы всеполезнейше ознакомится»

Назывался документ коротко и сухо «Германо-французские отношения и русская политика в Европе.»

Смысл его был в том что не следует связывать себя формальным союзом; лучше, зарезервировать для себя позицию нейтралитета, чтобы в случае схватки Германии и Франции выступить в роли арбитра.

«Мы, – писал сей государственный муж, – в течение двадцати лет прилагали усилия, чтобы покровительствовать Франции, защищать ее против нападения Германии и способствовать ее восстановлению. Но моральный упадок Франции продолжает усиливаться... Борьба против церкви, стремление к разрушению основ цивилизации таков лозунг радикализма, властвующего над правительством. И безразлично – стоят ли за этим упадком анархисты и сочинители-утописты или такие генералы от авантюры, как Кавеньяк и Буланже. Не было ли бы для нас лучше понемногу изменить свою тактику?.. Столкновение между этими двумя нациями (то есть между немцами и французами) было бы ужасно, но, быть может, закончилось бы победой над разрушительными элементами, развивающимися внутри каждой из них и угрожающими всему цивилизованному обществу в целом! Наше дело сторона. Вместо того, чтобы систематически ссориться с немцами и донкихотствовать в пользу французов, мы должны были бы договориться с немцами о нашем нейтралитете... После этого нам оставалось бы только заниматься нашими собственными делами, предоставив другим устраивать свои дела между собой...». Задумано, что и говорить, хитроумно: одолеть обоих супостатов через «столкновение между двумя нациями» – то есть через войну. Дело хотя бы и «ужасное», – зато будет спасена цивилизация, защитником которой барон Ламздорф видимо почитает себя.

А то куда повернется Германия победив (быстро или за год-другой) Францию ему в голову не приходит? Впрочем – может быть господин тайный советник не столь о цивилизации печется сколь о карьере и просто хочет обратить на себя высочайшее внимание глубиной мысли?

Покачав головой он посмотрел на лежащие на отдельном столике пачкой поздравления с помолвкой от иностранцев. Прежде всего от европейских монархов.

В основном протокольные пожелания счастья и радости за августейшего брата. Хотя есть и одно сопровождаемое стихами – от португальского короля Карлуша I – совсем недавно занявшего трон – его без пяти минут свояка. Мда... известная латинская экспрессия и пылкость чувств. Еще одно довольно длинное и полное благих пожеланий от шведского двора. Георгий вспомнил что у Стокгольма намечаются некие трения с находящейся в унии Норвегией – не иначе заблаговременно стелят соломки дабы заручиться нейтралитетом *на случай*. Георгий развернул немецкие газеты, пролистал...

Тут понятное дело – господа шокированы и недовольны... Выражают сочувствие Маргарите Прусской лишившейся завидного жениха (хотя никаких серьезных разговоров на эту тему не велось). В фельетоне без подписи поворот России в сторону Франции уподоблен «измене при которой муж порядочной дамы предпочитает ей сифилитичную шлюху»

На развороте «Дер Тагеблад» взгляд его приковала карикатура.

Огромный медведь тащит в постель худосочную русалку в пеньюаре и фригийском колпаке...

Подпись гласила – «Прежде невиданный брак.»

Чтобы ни у кого не осталось сомнений – медведя художник одел в морской китель и бескозырку.

Георгий шумно вздохнул ощутив неподдельную злобу. Вспомнилось – когда русские в 1760 году взяли Берлин, генерал Тотлебен приказал публично перепороть прусских газетчиков «за дерзкие выходки противу нашей императрицы в их зловерных изданиях». Определенно урок впрок не пошел – надо было пару повесить...

В более взвешенной «Вельт» выражалось брюзгливое недоумение – собственно, что может дать России брак с представительницей захудалой династии потерявшей уже и всякую надежду вернуться на престол, ради чего отвергнуто обыкновение искать дому Романовых невест среди немецких принцесс?

Он взялся за французские газеты. Особого ликования там тоже не было.

Мол, с одной стороны, конечно лестно что русский царь избрал спутницей жизни француженку – и это может способствовать дальнейшему сближению. Но с другой стороны – мадемуазель Елена родилась и выросла в Англии, отец ее французские дела давно забросил – и в итоге не выйдет ли что Россия опять как при Александре I станет «континентальной шпагой» Лондона? Еще выражалось опасение, что Орлеаны захотят вернуться на престол на русских штыках.

Вспомнив благородную осанку и искреннюю улыбку Луи – Филиппа Георгий покачал головой. Вот уж чего можете не опасаться господа либералы – мало того что этот человек никогда не захочет престола ценой крови соотечественников – так ведь и Георгий не собирается русской кровью облагодетельствовать французов. Раз вам так мила республика – мучайтесь и дальше – пока очередной Буланже подобно Наполеону не разгонит ваше Национальное собрание ротой гренадер. Буланже?? Ай-да тестюшка и ведь ни словечка...

Более его интересовала британская реакция. Она была сдержано протокольной и это само по себе подозрительно – если эти джентльмены молчат, значит, определенно что-то задумали.

Впрочем «Таймс» в «подвале» сдержано похвалила матримониальные планы русского царя.

«Несомненно, этот выбор сделан молодым монархом в наименьшей степени по личному желанию, и за данным решением стоит воля императрицы Марии и видимо также – других членов царствующей семьи. Однако как бы то было, брак с урожденной англичанкой может стать прологом к нахождению длительного прочного компромисса между Британией и Россией, побудив Петербург наконец – то оказаться от несбыточных мечтаний о Константинополе и теплых морях и обратить взор на свои бескрайние восточные границы...»

Ну ясное дело – англичане – что с них взять! Они наверное и новости об улове кильки в Балтике и ценах на молоко в Голландии оценивают с точки зрения пользы для своей империи.

Тут другое важнее... Быть может это статья – намек? Мол, если мы откажемся от стремления к Проливам, Англия не будет возражать, если Россия немного общиплет Китай? Будем иметь ввиду.

Ну ладно – довольно с него этих европейских скандалистов и сочинителей! Скоро должен явиться Танеев с докладом относительно результатов поездки в Московский университет.

* * *

Доктор физико-математических наук, член-корреспондент Российской Императорской Академии наук, 2-жа Софья Ковалевская принята профессором математики в Московский Императорский университет.

«Московский листок», 12 ноября 1889 г

* * *

Софья Васильевна Ковалевская (урождённая Корвин-Круковская). (3 января 1850, Москва – 10 февраля 1928, Рим) – русский математик и механик. Жена палеонтолога Владимира Ковалевского. Первая в России и в Северной Европе женщина-профессор и первая в мире преподающая женщина-профессор математики (с 1889 г). С 1889 года член-корреспондент Российской Императорской Академии наук, с 1927 – действительный член. Кавалерственная дама Ордена св. Екатерины II степени.

Словарь Брокгауза и Эфрона в 5 томах. Москва. Изд-во «А. Маркс» Москва. 1930 год

* * *

5 ноября 1889 года. Зимний дворец, Санкт-Петербург

– То есть как отказываются? – уставился Георгий на Танеева. Так прямо и заявили вам в лицо?

– Почти что... – процедил министр. По крайней мере господин Столетов мне сообщил что на баллотировке будет десяток белых шаров – не больше.

– Любопытно... Члена стокгольмской Академии, а также члена-корреспондента академии Российской, эти господа не желают видеть в стенах Московского императорского университета? Так это следует понимать?

– Увы! – покачал головой министр.

– А им известно – Георгий машинально постучал карандашом по чернильнице, – Им известно что это *мое* пожелание?

– Известно! – убито подтвердил Танеев. Об этом я и предупреждал в свое время Вас, Ваше Величество, – я не сумел их убедить, а заставить не в моих способностях. Одно твердят – никогда такого не было, и значит и не будет... Ну даже не знаю... – страдальчески закатил он глаза. Может быть на моем месте какой-нибудь генерал – он бы просто наорал на них, затопал ногами... А я не могу! – он обреченно склонил голову.

– Но хоть как-то они изволили объяснить вам свое упорство? – царь чуть не добавил «ослиное». Или не снизошли до столь ничтожной особы как министр?

– «Как-то» – вот именно что изволили, – рекомая особа была явно удручена. Господин Павлов – глава кафедры канонического права упирал на то что раз женщина не может в университете обучаться то так сказать... – Танеев замялся, – «ad hoc» – разумеется не может в нем и преподавать. И еще сравнил почему-то с запретом на священнический сан для женщин. Максим Максимович Ковалевский с юридического факультета только что не бранился при одном упоминании Софьи Васильевны – его семья видите ли считает её повинной в гибели ее супруга Владимира Ковалевского. Не иначе как «мадам Круковская» не называл ее в моем присутствии. А руководитель физико-математического факультета господин Столетов... – Танеев покачал головой. – Он вообще заявил – дословно – что если де наша Российская Императорская академия приняла некую даму в члены-корреспонденты за сомнительные математические экзерсисы только потому что она чем-то понравилась Пуанкаре – дав ей то в чем отказано ему – то академия слава Богу для университета не указ!

«Однако – а там получается не цитадель знаний, а какое то осиное гнездо!»

– Более того – я право же не знаю следует ли мне... – продолжил Сергей Иванович. Но...

– Ну говорите же смело! – подбодрил его царь.

– Не сочтите за донос на коллег – но мне кажется, что добрая половина против именно поэтому что на то есть высочайшая воля...

– То есть потому что этого хочу я? *Их император?*

Танеев молча закивал.

Георгий вдруг рассмеялся – смеялся он долго и искренне, – чем поверг подчиненного в полную растерянность.

– Ну Слава Богу, Сергей Иванович! – изрек он закончив хохотать. А я уж было подумал, что наши профессора и в самом деле сплошь поражены гинекофобией и привержены замшелым нравам Домостроя!

– Вот что, – продолжил Георгий – я все равно собирался посетить старую столицу по делам военного округа и торгово-промышленному вопросу. Я просто перенесу визит на более ранний срок.

Завтра будьте на Московском вокзале в полдень. Навестим Москву – матушку...

* * *

7 ноября. Московский университет

В зале стоял гул который сразу оборвался – и все две с лишним тысячи студентов Московского императорского университета замерли... Постукивая каблуками в дверях появился высокий молодой человек в черном мундире без знаков различия – темноволосый и вполне обыкновенный. Он остановился и оглядел собравшийся. Задудели трубы университетского оркестра сбиваясь с нот. Не иначе, подумал Георгий, музыканты струсили по случаю неожиданного визита... Медный вой оборвался и Георгий обратился к собравшимся – Здравствуйте господа студенты! – Здравия желаем, Ваше Императорское Величество! – ответили хором молодые глотки. Причем Георгий не мог бы поручиться, но как будто где на задних рядах какие то считавшие себя очень храбрыми и остроумными типы прорычали нечто вроде «Ррав-рав-рав-рав-рав!» – вспомнив видать старый армейский анекдот... Студенты – среди которых между прочим большая часть была его старше как он отметил, внимательно изучали его и свиту. Наверное их поражал контраст...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.